

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческия журнал № 5 (32)
май, 2019

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Весенний месяц май любому жителю России, тем более рождённому в Советском Союзе, напоминает о несокрушимости духа, героизме и непревзойдённом самопожертвовании русского, советского человека.

У нас нет повода и причин отходить от сложившейся доброй традиции, и вот уже третий год майский номер литературно-исторического журнала «Александръ» посвящён людям и событиям, приведшим нашу страну к Победе в Великой Отечественной войне, героям, защищающим Родину сегодня.

К большому сожалению, и настоящее время даже с большой натяжкой нельзя назвать спокойным. Болью отзывается в наших сердцах не прекращающаяся более пяти лет война на Донбассе, которая по зверствам со стороны современных фашистов не уступает Великой Отечественной, а по продолжительности значительно превзошла её. И мы посчитали своим долгом на страницах «Александра» опубликовать произведения наших друзей – авторов из Новороссии, которые, несмотря на тяжесть положения и туманность будущего, умеют по-настоящему радоваться жизни, ценить её и писать о весне и любви.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

9 Мая в истории нашей страны – главный праздник. Эта победа – победа народа, победа добра над злом, победа любви и патриотизма над захватническими инстинктами. Так пусть вечно живут ветераны, пусть не забывается подвиг с течением лет. Пусть каждый знает, каких потерь стоила нам страшная война, и никогда не предаст идеалы, кровью написанные на нашей земле: наша Родина – это Родина великого непокорённого народа.

С праздником! С Днём Победы!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ДРУЗЬЯ! ДОРОГИЕ ВЕТЕРАНЫ!

Поздравляю с нашим святым Праздником Победы!

Победа всего народа – это торжество радости, памяти и уверенности! Несмотря на все жертвы, это вершина духа, звёздный час нашей нации, государства, да и социальной системы. Победа над нацистской Германией – не просто общее воспоминание для народов бывшего СССР, но и объединяющее начало, точка опоры, основа для будущего роста и развития новой России.

На примере подвига советского солдата воспитаны поколения. Он священен для всех нас, ваших потомков: детей, внуков и правнуков.

К сожалению, в последнее время многие наши западные «друзья» прилагают все усилия для того, чтобы отнять нашу великую Победу. Фальсификация осуществляется разными способами и связана прежде всего с умышленным искажением исторической правды, а часто и с сокрытием истины. Определённые политические силы в США и других странах Запада ставят под сомнение непреложный факт, что решающую роль в разгроме фашизма сыграла Красная армия.

К сожалению, и среди россиян есть люди, которые также стремятся принизить и извратить значение великой Победы. Цели, которых добиваются фальсификаторы, вполне очевидны и более чем масштабны – это ревизия итогов Второй мировой войны и лишение России статуса великой державы.

В давние времена нашу страну называли то Гардарикой (страной городов), то Рассеей (страной большой территории и малочисленного населения). Так было! Сейчас Россия – одна из крупнейших стран мира. Нас часто критикуют, но сама жизнь говорит о себе – наш народ первым вышел в космос, на российских космических кораблях летают американцы, японцы и представители других народов. И можно привести много примеров, где нам есть чем гордиться.

Будущее России светлое, но за него надо бороться, каждому хорошо работать на своём месте и отстаивать интересы страны на мировой арене. Уверен, это будет единая и могущественная держава, с мнением и позицией которой по вопросам мировой политики и экономики будет считаться большинство стран планеты.

Михаил Алексеевич МОИСЕЕВ,
председатель ООО «Российский союз ветеранов»,
генерал Армии

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т.Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова»

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 5 (32), май 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 30.04.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ОГНЕВЫЕ ВЁРСТЫ

6 Александр Сухачёв.
Гвардии сержант

ДОНБАСС — ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ

13 Людмила Гонтарёва

14 Александр Сигида

16 Виктория Мирошниченко

18 Виктория Полякова

20 Марк Некрасовский

22 Надежда Матович

23 Нина Дернович

25 Сергей Зарвовский

26 Анна Вечкасова.
Шпионский роман

28 Надежда Петрова.
Хохлушка

33 Тамара Чайка.
Новый паспорт

35 Юрий Ковальчук.
Лица

40 Владимир Казмин.
Укол «Рапиры»

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

50 Анатолий Труба.
Справедливость через года

РУССКИЙ МИР

55 Людмила Югова.
«Россия звала к отваге...»

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

59 Владимир Газетов, Максим Ветров.
Охрана Московского Кремля
в предвоенные годы

ПРОЕКТЫ

64 Василий Попов.
Духовное пространство
Русского мира

ГОД ТЕАТРА

68 Роман Леонов.
«Импресарио». Взгляд актёра

ПРОЗА

70 Александр Ралот.
Шестнадцатая

73 Виктор Усов.
Станция Надеждинская

ИСТОРИЯ

79 Вадим Кулинченко.
Чёлн

ДЕБЮТ

82 Александр Жидков.
Здесь родное моё всё до боли

ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

84 Софья Шелковникова.
Зирка

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

92 В Тамбове презентовали
Книгу Памяти

93 Презентация книги
«Тамбовские казаки»

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ

*Гвардии сержант Николай Иванович
Чернышов с гвардейским знаком*

Пятнадцатое января 2006 года. Месяц назад мне исполнилось пятьдесят. Ночь. Палата горбольницы № 2 в городе Рубцовске. Днём в палате оживлённо, она наполняется пациентами с амбулаторной формой лечения. А вот ночью я остаюсь один. Один на один с бессонницей и невесёлыми мыслями. До этого мне лежать в больницах никогда не приходилось. Да и сейчас не собирался.

Просто какое-то смутное беспокойство начало меня слегка тревожить, вот я и пришёл в больницу. Врач – Марк Аронович Капулкин – после короткого разговора со мной отправил меня напрямик в палату, под капельницу. Инсульт.

И вот днём таблетки, уколы, системы, а ночью мысли. Иногда сны. Однажды мне привиделось, будто я нахожусь вместе с отцом, давно ушедшим, в каком-то месте, совершенно мне не знакомом. Утром лечащий врач особенно тщательно меня осматривал, что-то заподозрив. Мне и самому показалось, что я посетил Зазеркалье. Однако кризис миновал, но месяц в больнице, потом три на больничном не прошли зря. Звонок прозвучал.

С тех пор уже много воды утекло, я многое переосмыслил и за время нахождения на изле-

чении, и после. Теперь точно понимаю, что мне в жизни повезло. Как бы избито фраза ни звучала, но мне действительно повезло – с родней, настолько разносторонние и неординарные люди меня с самого детства окружали, да и продолжают окружать.

Последние годы я часто бываю в Ново-Кусково, останавливаюсь всегда у Чернышовых, мы помногу разговариваем. Михаил Иванович – просто кладезь мудрости, к тому же обладающий хорошей памятью. Он родился 29 декабря 1929 года в селе Ново-Кусково Новокузковского района Томского округа Сибирской губернии. В школу пошёл в 1937 году. Год совсем не простой, для многих – трагический.

В 1941 году ученики вместе со страной начинают хлебать лихо. А с 1942 года маленький Миша уже работает в колхозе «Комсомолец» на посевной, сенокосе, собирает колоски в поле. Пасёт овец. Но тот год выдался страшным. Фронт трещал по швам, страна надрывалась, отдавая армии всё что могла, да и всё что не могла тоже. В тылу голод. Есть нечего, кисель из перетёртой гнилой картошки, суп из жареной травы – вот такое немудрёное меню.

В общем, детства, в нашем нынешнем понимании, его поколение не знало. А может, это и было настоящее детство? Завидное, ведь без них страна бы и не сдюжила в самой страшной войне в истории человечества. Геройское детство. 4 ноября 1946 года Президиумом Верховного Совета СССР за доблестный и самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны Михаил был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (удостоверение № 264171).

С фронта не вернулись 130 жителей Ново-Кусково. В середине войны пришла и похоронка на его брата, о котором и пойдёт речь в этом небольшом повествовании.

Боевое слаживание 34-го отдельного гвардейского полка прорыва (обучение танкистов согласованным действиям в составе подразделения)

Николай Иванович Чернышов родился 5 января 1923 года в селе Ново-Кусково Новокузковского района Томского округа Сибирской губернии в крестьянской семье. Рос обычным деревенским парнем: добрым, спокойным, заботливым и отзывчивым. Сибирская порода. На таких до сих пор страна держится, на них всегда можно положиться, хоть в труде, хоть на войне.

Окончив семилетку, отправился в Томск обучаться шофёрскому делу. Отучился и был направлен работать в Тегульдетский район Томской области.

Когда началась война, он, недолго думая, «повзрослел», без затей приписав себе лишний годик, и отправился в военкомат. Его вместе с машиной охотно мобилизовали в армию.

Типичный поступок, может констатировать читатель. Понятно же, что любой так и поступил бы на его месте. Не соглашусь и попробую возразить. Когда я после армии пришёл работать на стройку мастером, мой старший прораб как раз сокрушался по другому поводу – его родители выправили ему год рождения в метриках. Сделали его моложе на три года. Афера, хоть и небольшая и вполне тоже понятная, прокатила. Но вот подошёл возраст выхода на пенсию, и упс, как сегодня говорят. Пришлось ему эти три года отрабатывать. Так

что не любой поступал, как Николай Иванович, и не каждый так рвался на фронт Родину защищать.

Погрузили на платформы, эшелонам последовали до Омска. Там Николай отучился на танкиста. В начале 1942 года полк был переброшен на Кавказ, где и состоялось его боевое крещение.

Немцы нас крепко били на всех фронтах, но, битые, мы всё равно лезли в драку, попутно набирались стратегического и тактического ума-разума. Учились отвечать. Нахлебавшись лиха от танковых ударов гитлеровцев, сами задумались о создании эффективных бронетанковых «кулаков». В городе Горьком, где формировался 34-й отдельный гвардейский полк прорыва, один из наших «увесистых кулаков», Николай и оказался. Полк укомплектовали английскими танками «Черчилль». Их в полку насчитывалось двадцать одна штука. 21 марта 1943 года полк приступил к обучению и слаживанию.

Танк Николаю понравился. Может, он и не сильно маневренный, зато броня спокойно выдерживала попадания нескольких бронебойных снарядов без особого вреда для экипажа. Внутри «Черчилля» было намного просторнее, чем в наших танках.

Уинстон Черчилль однажды высказался по поводу тёзки: «У танка "Черчилль" недостатков больше, чем у меня самого». Неплохой рекламный трюк. Да и машина в целом у англичан вышла неплохой.

13 июля 1943 года 34-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва прибыл на Брянский фронт. Командование объединило танковые части армии в одну группу. Танковой группе, имеющей в своем составе 45 танков, надлежало наступать с северо-востока на Орёл вместе с частями 380-й стрелковой дивизии. Все танки полка оснастили радиостанциями. Штатным расписанием предусматривалось назначение на должность командиров машин младших лейтенантов, но по факту эта должность замещалась и опытными сержантами. Таким вот образом Николай Иванович Чернышов стал командиром танка.

4 августа танкисты совершили последний марш-бросок к полю боя и ранним утром заня-

ли исходные позиции для атаки на западной окраине деревни Мостки, в трёх километрах от города Орла.

Николай то ли не выспался, то ли вид горящего города подействовал на него удручающе, но вдруг смутное беспокойство исподволь и вдруг появилось. Он смотрел в бинокль на город, однако города не видел.

Он видел отчий дом в селе Ново-Кусково, что в Томской области. Накануне он получил сразу три письма оттуда: от родителей, от бабушки с дедушкой и от тёти. В общем, случился праздник. Он написал ответные письма, выслал маме денег. А вот сейчас ему так захотелось домой, так захотелось увидеться с родителями, с младшими братьями Мишей и Витей пройтись по деревенским улицам в танкистском обмундировании, удивить соседских девчонок...

Вспомнилось ему, как его младший брат Миша обварился кипятком, и пришлось нести его на перевязку в больницу, а это километра три.

«Чего это вдруг про кипяток? – насторожился он. – На что мозг намекает? И меня нынче, что ли, ошпарить может?» Он помассировал глаза, встряхнулся, попробовал улыбнуться: «Интересно, перешли ли младшие братья в следующие классы?»

Братьев он уже давненько не видел. Впрочем, как и родителей. Сначала учился, потом работал, а когда началась война, его вместе с машиной «ЗИС» мобилизовали, отправили в Асино, где формировался эшелон. До погрузки оставалось несколько часов, и его отпустили повидаться с родными. Но накануне прошёл дождь, и лесная дорога раскисла. В одном из логов он застрял. Пока выбирался из грязи, пришло время возвращаться. Так и не довелось проститься с родными.

«Ну почему сразу проститься? Ведь я ещё живой...» – снова забеспокоился Николай. «Пока живой», – теперь мозг не намекнул, а уточнил.

Он посмотрел на часы, было 10:00. Тут же в наушниках прозвучал сигнал «К атаке!». Его «Черчилль» вместе с другими танками устремился к городу. Следом поднялась и пехота. Немцы к наступлению оказались готовы, их танки и противотанковые орудия тут же ожили,

открыв массированный огонь с флангов и с фронта. Пехотинцы дружно залегли. Три наших танка загорелись, но танкисты упорно продолжали движение к восточным пригородам Орла. Без поддержки пехоты. Танк Чернышова одним из первых ворвался в оборонительные порядки противника и принялся утюжить траншеи и орудия гитлеровцев.

Уцелевшие танки «Черчилль» на улицах Орла

Затем танкисты «оседлали» железную дорогу Орёл – Елец и попробовали развить успех. Но безуспешно. Пехотинцы окончательно отстали, и на их помощь рассчитывать уже не приходилось. Гитлеровцы подожгли ещё несколько наших танков. Их сопротивление нарастало.

Тем не менее к вечеру танкисты достигли берега Оки в центре города, где заняли круговую оборону, и уже сами принялись отражать контратаки противника. А дождавшись пехотинцев, возобновили наступление.

5 августа в 2:30 на доме № 13 по ул. Сталина (ныне площадь Мира, дом 5) был водружён красный флаг – символ освобождения города. К сожалению, Николай Иванович Чернышов рассвет 5 августа 1943 года, когда город был полностью освобождён от немецко-фашистских захватчиков, не встретил. Он не сгорел в своём «Черчилле». Хотя немецкие grenадеры, забросав машину гранатами и бутылками с горючей смесью, подожгли танк. Он был убит автоматной очередью, когда уже покинул боевую машину.

Похоронили его в Первомайском сквере города Орла (сейчас это сквер Танкистов).

Конечно, слабое утешение, но это и для него тоже по приказу И. В. Сталина 5 августа 1943 года, в день его гибели, в Москве прогремел первый артиллерийский салют в честь побед Красной армии, освободившей Орёл и Белгород.

В память о павших героях над их братской могилой установили танк Т-70. Орудие танка обращено на запад, туда, где ещё предстояли тяжёлые бои с врагом. В 1963 году сквер реконструировали, танк Т-70 заменили на Т-34. На братской могиле установили гранитный монолит с именами погибших воинов.

Чернышов Николай Иванович, год рождения – 1920, место рождения – Томская область, Асиновский район, село Ново-Кусково, номер наградного документа 86

В приказе по 3-й армии от 7 августа всем участвовавшим в штурме города Орла была объявлена благодарность. В четвёртом пункте этого приказа говорилось о том, что лиц, героически погибших в боях за город Орёл, необходимо представить к правительственным наградам.

Однако на войне, как в отступлении, так и в наступлении, в штабах порой случается неразбериха. В любой армии, и наша здесь не исключение. Николая Ивановича забыли представить к награде, не одного его забыли, но оттого обида за него не становится меньше.

Какие могут быть обиды? Ведь его всё же наградили орденом Отечественной войны второй степени.

Да, наградили, но согласитесь, когда 06.04.1985 (номер записи 1522214506) наградили всех участников Великой Отечественной войны по факту участия – это одно, а когда, забыв про приказ, позабыли и про подвиг танкиста Николая Ивановича Чернышова – это совсем другое.

Разве можно уравнивать награду за подвиг танкиста, уничтожившего несколько орудий, пулемётов и солдат противника и героически погибшего, с наградой к юбилею, просто за участие в войне, при этом не важно где? По мне, так это разные награды должны быть.

При этом к самим ветеранам вопросов, конечно, нет. Они не сами себя награждали. Мелочь? Но такие мелочи помаленьку подтачивали народное сознание. Размывали границы между «быть» и «казаться».

После 1991 года пьедестал памятника изрядно подкорнали. В надписи «Вечная слава героям, павшим за свободу и независимость социалистической Родины» слово «социалистической» заменили на определение «нашей».

В статье я не стал публиковать фотографию танка-памятника в Орле. Там стоит танк Т-34-85, ещё одна историческая неправда, ведь в освобождении города он не мог участвовать просто потому, что появился в 1944 году.

Да и первым танком, ворвавшимся в Орёл, был «Черчилль», причём «Черчилль» сержанта Николая Ивановича Чернышова! «Черчилль», а никак не Т-34!

Однако понять мотивы штабистов довольно просто. Годом ранее – 19 мая 1942 года – вышло специальное постановление Главлита: «Запретить в печати опубликовывать какие бы то ни было данные и сведения об английских танках "Черчилль"». Запрет действовал и после войны. Первое упоминание в нашей печати тётки английского премьера датируется 1978 годом.

Вот так и вышло, что наверх ушёл «правильный» доклад о победе, достигнутой исключительно «правильными» танками.

Но! Но разве правда может быть неправильной?! Да, может, и мы в этом убедились. Ладно, танк не тот, а экипаж-то при чём? Экипаж-то правильный, наш экипаж, не английский! С экипажем просто перестраховались в суматохе. Думали, как бы, не называя танк, экипаж отметить. Думали недолго, да и позабыли и про танк, и про экипаж.

Впрочем, Бог им судья. Человеческой жизни не хватит, чтобы исправить все несправедливости на земле.

А если просто попробовать уложить на чаши весов доли братьев Чернышовых: на одну чашу – фронтовика Николая, на другую – малолетних, но уже тружеников тыла – Михаила и Виктора, как вы думаете, какая чаша перевесит?

С моей точки зрения, равновесие не нарушится. Одинаковые для страны доли. Николай защитил Отчизну, понятно, не один, Михаил и Виктор выросли и восстановили порушенное хозяйство страны, понятно, тоже не одни.

В заключение приведу ещё одно высказывание Уинстона Черчилля: «Успех – это способность шагать от одной неудачи к другой, не теряя энтузиазма». Великую Отечественную мы так и выиграли, шагая, вплоть до 1943 года, от одной катастрофы к другой. Но, погибая, веру в Победу не теряли. **А**

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

При подготовке материала использованы фотографии и материалы из архива Михаила Ивановича, Елены Михайловны и Александра Михайловича Чернышовых.

Людмила ГОНТАРЁВА

Член Союза писателей России, Союза писателей Луганской и Донецкой народных республик, Межрегионального союза писателей

ИЗ ЦИКЛА «ЖЕНСКОЕ»

* * *

Я – женщина. И я – слабей...
Но слишком много в связке дней,
Где всю свою взываешь силу
На помощь, чтобы быть красивой,
Уверенной и молодой.
И чтоб никто не знал про боль,
Которую скрывает панцирь
Под независимостью глянца.

Я – женщина. И в споре не права
С мужчиной, но моим словам,
Увы и ах, а суждено сбываться.
И хоть бы раз мне удалось сдержаться,
Смолчать и грустных избежать пророчеств,
Толпы не пополняя одиночеств.

Я – женщина. Я так сильна!
На многие лета дана
Мне эта роковая слабость.
А сердцу так нужна лишь малость:
Чтоб женскую сопровождали бытность
Хранимый бережно покой и беззащитность.

* * *

Снимаю платье с кожи лица.
Как беззащитны бледные клетки.
Где-то в тоннеле, в начале конца,
Я опала с трепещущей ветки
Остроконечным листом октября...
Что это? Где я? Зачем? Как банально.
Ветер, осины подол теребя,
Бросился под ноги картой игральной.
Не расступайтесь, плечи дорог,
Мне так уютно в замкнутом круге,
Где в хороводе привычных тревог
Мы ничего не увидим друг в друге,
Мы не узнаем волненья ресниц
От дуновения флюгера сердца.
Грусть облетит с пожелтевших страниц
Повести осени. Тайная дверца
В сказочный мир Зазеркалья забита.
Грим не скрывает морщин у актрисы.
Пусть в ожиданье грустит Маргарита
Да горько рыдает над книжкой Алиса.

* * *

Женщина – дар, награда,
Домохозяйка ада,
Хрупкий сосуд для яда –
Кто ты, чего тебе надо?

Ты ведь сама всё разрушила:
Первою плод откушала,
Распята, забыта, задушена –
Голгофа твоя заслуженна.

Как часто ты платишь дороже
За ночь в Прокрустовом ложе.
А утро – ожог на коже,
Густо присыпанный ложью.

И вновь, изорвав страницы,
Готовишь ты к бою спицы.
Можешь разбить иль разбиться,
Но не простить, не проститься.

А мудрость твоя случайна,
Как лунный свет, как одежды.
И только улыбка – тайна.
И только в тайне – надежда.

* * *

Дрессировка мужчины – это женское дело.
Под контролем и пиво, и допуск до тела.
Из извечных приёмов – слёзы, кнут
или пряник.
От дверного проёма – царство домохозяек.
Пятернёй крепко сжата архаичная слабость.
Доставляет лишь жало мимолётную радость.
От вечерних побед расправляются плечи.
Но за воду и свет нам давно уже нечем
Заплатить. Если нить ещё бьётся под кожей
В организме семьи – этот пульс так ничтожен.
Душит матриархат? Так чего ж вы хотели?!
Воспитанье мужчины – не женское дело.

* * *

Заведу себе рутинного мужа,
Чтоб беседы с ним вести о погоде.
И такой расклад кому-нибудь нужен,
И такой мужик на что-то да годен.

Поводить я стану плавно плечами,
Украшая однотипные будни:
Чай, и мы тут не совсем одичали,
А всё больше ведь культурные люди.

И в тетради для житейских зачётов
Мне поставят высший балл за смиренность.
...Но растает сердце нежное чьё-то,
Оттого что в жаркий май не согрелось.

* * *

Не смей так пронзительно громко молчать,
особенно утром,
Когда хрупкий снег безжалостно режут
полозья,
И моей Ярославны плач, расписанный
по минутам,
Не даёт возможности даже думать
о мировой угрозе.
Да ещё трамвай в предрассветной
туманной дымке –
С дипломом хирурга – приближается
к Берлиозу...

Показалось, что мы – одной целой строки
половинки,
И я силилась слить воедино поэзию с прозой.

Но мой Пушкин, видно, тогда почивал
на лаврах.
Лишь Шекспир по сердцу пером второпях
полоснул.
А всё равно так ждала тебя, своего
Минотавра,
Прислонясь щекою холодной к дверному
виску.

...У Джульетт сегодня совершенно другие
стрижки,
А Ромео давно и открыто тебя презирают, ведь
Мы пришли с тобой из одной записной
книжки,
Чтобы вместе однажды в один из дней
умереть...

Александр СИГИДА,

г. Молодогвардейск –
Атамановка, ЛНР

Член Союза писателей России, ДНР, Межрегионального Союза писателей, член правления Союза писателей ЛНР. Лауреат премии им. М. Матусовского, «Молодой гвардии».

* * *

В городе нет цветов,
Хлопоты стали яркими...

Я – навсегда – готов
День пеленать подарками.
Мы проводили ночь...
Нет никакой дороги.

Утро спешит помочь
Белым котом под ноги.

Есть головная боль.
...И шелестит пакетом.

Я бы назвал любовь
Белоснежным букетом.

* * *

Незатейливая прядь
На подушке...
«Делать нечего...»

Не условились на пять...
Утро будет лучше вечера.

Обойдёмся без обид –
Разлетятся птицы полночи...

Несближение орбит...
В этот вечер много горечи.

Никакой надежды нет
На врачующее творчество.

С появлением на свет
Появилось одиночество.

Ночь возникла нагишом –
Зори ясные развесила!

...Праздник выше этажом,
Но от этого невесело.

ПЕСНЬ

Соломон – золотой соловей,
Он ливанское благоуханье.
Её взгляд из-под чёрных бровей
Останавливает дыханье.

Он – ожившие гусли отца.
Звуки песни достигли зенита.
Заблудилась в пустыне овца,
Но спасётся псалмами Давида.

Созревает в саду виноград,
Наливаются девичьи груди;

Через кладку низких оград
Лезут любопытные люди.

О моя чернота, мой загар,
Солнце жжёт мне лицо и ключицы;
Тело девушки – сладкий нектар,
Чрево – ворох пшеницы.

Грудь её – виноградная гроздь,
Губы – алая лента;
Ждёт, что в полночь найдёт её гость;
Её скромная летта.

Начиная с тринадцати лет...
Доживет ли до лета?
Он оставит в истории след
Мудреца и поэта.

Её губы – густое вино,
Тайна в складках хитона,
Как корона, девичий веноч...
Дома – дочь фараона.

* * *

Господи, уходи.
Это не малодушие.
Просто не угодить,
У любви нет оружия.

Если она слаба,
Что по себе мучительно,
Если она раба,
Ей ли искать Учителя?

Горд венценосный перс,
Горе его не трогает;
Господи, где Твой перст,
Чтобы уйти дорогою?

В пропасть летит герой.
Это уже история...
Ты за неё горой,
Мы за себя тем более.

Молим за весь народ.
Богу готовим богово.
Разве её черёд?
Требуешь очень многого.

СВЯТАЯ ОЛЬГА

*На сих горах воссияет
благодать Божия...
Апостол Андрей*

На зов земли обетованной
Стремится чистая душа.
Кого кормить небесной манной?
Душа не стоит ни гроша.

Как горожане рады дани:
Три голубя, три воробья...
Уж лучше пасть на поле брани
От попадания копья.

На Ольге тяжкими грехами
Лежала варварская месть;
С ума бы спятила другая,
А Ольга получила весть,
И, сняв греховную одежду,
Вошла в студёную купель,
Всяляя в Родину надежду
И обещая новый день.

Был совершён обряд крещенья.
Её Еленой нарекли.
Осталось вымолить прощенье,
Не для себя, а для земли.

«Аки денница перед солнцем»,
Как предрассветная заря;
Открыты двери богомольцам
Во славу нового царя.

**Виктория
МИРОШНИЧЕНКО,**
г. Луганск, ЛНР

*Поэт, переводчик, член
Межрегионального Со-
юза писателей, Союза
писателей ЛНР, лауре-
ат литературной пре-
мии имени «Молодой
гвардии».*

* * *

Время славы ещё не пришло...
Мы безвольно скользим по течению,
Заменяя к творенью влечение
Приземлённо-земным ремеслом.
Время смерти ещё не пришло:
Остывают, не сбывшись, пророчества,
И, внезапно хлебнув одиночества,
Перевозчик бросает весло.
Только некому лодку принять,
И доставить ушедшего некому.
И Харон с воспалёнными веками
От себя устремляется вспять.
Время правды ещё не пришло –
Воды Стикса сомкнулись в молчании...
Так порой, захлебнувшись отчаяньем,
В небесах замирает крыло...
Безрассудна, как время долгов,
Скоротечна, как время доверия,
Таёт жизнь... Или длится преддверие
Правды, славы, прозренья?.. Чего?

* * *

С неба летит звезда,
В чьём-то созвездье – прочерк.
К вечности навсегда
Выбран путь покороче.
Чьей задета рукой,
Все регламенты скомкав,
Безмятежный покой
Превращая в обломки,
Под земные мольбы,
Просьбы опережая?
Может, ружья судьбы

Звёздами заряжают?
 Может, сбившись с пути,
 Может, просто играя,
 С неба звезда летит
 Или в небо ныряет?
 Брошена? Влюблена?
 Без опаски растаять,
 Всех заметней она,
 Небо пронзив, взлетает!

* * *

Разбитые чашки... С досадой сметаю фарфор,
 Ему уже не согреть одинокие блюдца.
 Сейчас для меня всех событий

и всех

революций
 Важнее неловкий сумбурный ночной разговор.
 Разбитые судьбы... Осколки – слезами из глаз.
 Уже не собрать никогда, не сложить
 и не склеить.

Мы бродим по памяти пересечённым аллеям,
 Укутавшись в хаос намерений, действий и
 фраз.
 Разбитые жизни... Развеянным пеплом утрат
 Усыпаны наши дороги, ведущие к небу...
 Тебе не хватило любви, не монет и не хлеба,
 Всего лишь любви, обездоленный Авеля брат.

* * *

Лето осенью нам подменив,
 Солнце катится яблоком рыжим.
 Неизменный дождливый мотив
 Ощутимей, доступнее, ближе...
 В небо – залпами души: «Лови!»
 Вслед стволами протянуты руки:
 Мы стоим у порога любви,
 Восходя по ступеням разлуки.
 В темноте повседневной борьбы
 Захлебнёмся нахлынувшим светом –
 То ли это качели судьбы,
 То ли просто споткнулась планета.
 Нам спасением – зимний покой
 Всякий раз обещают приметы...
 Осень вписана чёткой строкой
 В биографию каждого лета.

* * *

Мы только первый круг прошли,
 И сдали нервы,
 Riskнув вращением Земли
 На круге первом...
 Теперь заходим на второй,
 Взяв темп *andante*.
 – Что посоветуешь, герой?!
 Безмолвен Данте...
 Пусть сплав амбиций – наш вожак
 И Кодекс спеси,
 Свои сомненья, как пиджак,
 На стул повесим.
 На круге на очередном
 Расправим плечи.
 Повозку совести – вверх дном,
 И станет легче.
 Вмиг зубы сцеплены и вмиг
 Ладони сжаты,
 Без путеводных карт и книг,
 Без провожатых,
 Без пунктов следованья, мест
 И без билета.
 Что тяготит и надоест –
 Уносит Лета.
 Безликость сомкнутых рядов,
 А души – камень.
 Пусты глазницы городов,
 Забитых нами,
 И Провидения рука
 Дрожит в испуге...
 Всё обойдётся. Мы пока
 На первом круге.

**Виктория
ПОЛЯКОВА,**
г. Горловка, ДНР

Член литературных объединений «Забой» (Горловка), «Стражи весны» (авторов Донбасса) и Межрегионального союза писателей. Публиковалась в коллективных сборниках и альманахах Донбасса, России, Украины, Белоруссии.

Автор четырёх поэтических книг и книги стихов для детей «Приключения мышонка».

Я – ЖЕНЩИНА

Я – женщина! – изменчива, нежна
И подотчётна логике особой.
Я – океан небесный, невесомый,
Я – Млечный путь,
Вселенной нашей Солнце,
Везувий чувств, уюта тишина.

Я – женщина! Цени меня такой:
Непостоянной, взбалмошной и странной,
Живущей сердцем, а не смыслом здравым.
Привыкни, что всегда бываю правой,
Что надо всем владычицей Любовь.

Я – женщина! И двойственность во мне
Притягивает вспыхнувшей сверхновой.
Я просто не умею быть иною,
Не потому-то ты теперь со мною,
С той, о которой грезил ты во сне?

* * *

Понять бы мне тебя:
Ты – смысл моей Вселенной.
Что значит этот взгляд:
Любовь или презренье?

В пожатии руки –
Прощанье или ласка?..
И звёзды-светляки
То вспыхнут, то погаснут.

...Не тёплый лунный свет,
А неживой – фонарный,
И на моём стекле –
Не изморозь, а наледь...

Не сложатся никак
Головоломки судеб.
Что для тебя пустяк,
Мне видится днём судным.

Тебя влекут миры,
Меня – твоё дыханье.
Мы – два конца иглы.
Мы – полюс и Сахара.

И радость ты, и боль.
Ты – сила и бессилье.
Мне то тепло с тобой,
То холодно и зимно.

Дни без тебя пусты,
С тобою дни – страданье.
Случилось так, что ты –
Мой центр мирозданья.

* * *

Птицы смолкают к ночи.
Больно во тьму глядеть.
Милый, если захочешь –
Я тебе буду петь.

Песня моя простая –
Песня любящих губ.
Слышишь, как время тает?..
Что же ты? Приголубь.

Да, я бываю вздорной.
Да, я ревную зря.
...Светит в окно Аврора,
Эта звезда-заря...

* * *

Уже чуть теплится свеча,
И мы с тобою не решили,
Как будем новый день встречать.
...А мысли-бабочки кружили...

Сгорали... Прошлое мертво,
И будущее так неясно.
На блюде застывает воск...
Я задыхаюсь настоящим.

СТРАТЕГИЯ ЛЮБВИ

Диптих

...Бросающая вызов женщина.

Я – поле твоего сраженья...

Борис Пастернак

1

Мы снова солдаты:
Оружие – страсть.
Смелы и азартны.
Любовь – то игра.
В стратегии карты –
Беспечность атак.
Но гибнут солдаты
За так...

2

...А хочется, чтоб не мечом –
Спешить нам некуда.
Огнём горит твоё плечо,
И грудь, и лоб.
Та даль, откуда ты пришёл,
Уже отчерчена.
Нам ночь плеснула на порог
Черничный сок.

Так было испокон веков,
А лучше б – не было.
И хочется, чтоб не сохой –
Рубцы саднят.
Ты прикоснись ко мне рукой –
Мы словно лебеди...
Но слышу я железа звон.
Руби, солдат.

* * *

Свободной ныне стану ли?..
Судьбу б не насмешить.
За запертыми ставнями –
Бастилия души.

Слыву в мире чудачкою –
Все чувства напоказ.
В футляр квартиры спрячу я
От любопытных глаз

Тоску мою абсентную,
Текиловую боль...
А где-то рудиментная
Ещё скулит любовь.

Похмелье, как от хереса,
И жизнь – не пастораль...
Сама себе не верила,
Но ты, мой милый, – враль!

Глаза твои миндальные
И переборы струн...
И грешное, и тайное
Вещает Гамаюн...

Но всё, что было, – минуло:
Волхвы не оживят...
По шее – гильотиною:
Свобода – это яд.

* * *

*Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.*
Марина Цветаева

От тоски вчера не умерла –
Искололи сердце иглы боли.
Хорошо ли?.. Плохо?.. Поняла:
«Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных».

Что ж, иди! Душа моя светла.
Помолюсь я за твою удачу.
Выболело, выпалив дотла
Мусор, нанесённый ветром врак.
Золото надежды не растрочу.

Что ж, иди! Ущербная луна
Завтра превратится в месяц новый,
А любви останусь я верна!
Пусть не тяготит тебя вина –
Расставаний колкая полова.

* * *

Житейский шторм:
от корабля – обломки,
Пошла ко дну спасательная лодка.
Как говорят французы: «С'est la vie» –
Захочешь жить – барахтайся – плыви.

Подумаешь – середина океана:
На спину ляг и погрузись в нирвану,
И пусть тебя несёт девятый вал
К далёким и прекрасным островам.

Здесь солнце – ярче, небо – голубее,
А утром устилает жемчуг берег,
Чтоб ожерелье из него плела я
И верила, что вот, достигла рая...

Как ни старайся – память не сотрёшь:
Нас погубила маленькая ложь.

* * *

Пришлось узнать – любви конечен срок,
И он истёк вчера бесповоротно.
Я соберу в платочный узелок
Всё то, что ты дарил за эти годы:

Кольцо, перчатки, вилки и ножи
И прочую кухонную посуду...
Ты камень зла на место положи,
С ним будет жить невыносимо трудно.

Не хочешь – что ж, носи его с собой,
У каждого из нас свои причуды.
В моей душе – не буря, а покой.
Страстями нарушать его не буду.

От сна восстав, открою часослов:
«Дай, Господи, грехи свои увидеть;
Голодным – хлеб, убогим – хлеб и кров;
Простить врагов и ближних не обидеть».

Марк НЕКРАСОВСКИЙ,

г. Луганск, ЛНР

Член Союза писателей России, Союза писателей ЛНР, Межрегионального союза писателей.

СТРАСТЬ

Снежинкой падать на ладонь любимой
И таять на ней без остатка.
В руках её быть податливой глиной:
Лепи меня. Мне это сладко.

Делай что хочешь. Я таю от жара.
Пластичен до неприличия...
Если на свете и есть божья кара –
Это твоё безразличие.

* * *

Мечте не каждой сбыться суждено,
Наш мир устроен так, а не иначе.
Пусть вертится судьбы веретено.
Держу я крепко нить своей удачи.

И если даже разорвётся нить,
Свяжу узлом я все свои обиды.
Что б ни случилось, буду я ценить
Жару Сахары, холод Антарктиды.

Всё я приму, удары не кляня,
Лишь только б знать, что любишь ты меня.

* * *

Куда мы всё едем? Ведь нас там не ждут,
Зачем уезжаем?
Зачем до последних, до смертных минут
Страдаем, страдаем...

Я поезд давно свой покинуть хочу.
Найти полустанок.
Зажги для меня, как маяк, ты свечу,
Я – птица-подранок.

И как бы я ни был от счастья далёк,
Сотру расстоянья.
Лишь только свети для меня, огонёк,
Звездой обещаешь.

* * *

Ты живёшь на границе
Между явью и сном.
Ты мечтаешь о принце,
Лишь о нём об одном.

Ты всегда одинока,
Только книги – друзья.
Наше время жестоко:
Выделяться нельзя.

Мир опасней гангрены.
Злобен пьяный народ.
Бытовые проблемы,
И сосед пристаёт.

Камнем в спину насмешка,
Изваляли в грязи:
«Ты ж никто, ты же пешка,
А туда же – в ферзи».

Ну а ты всё о принце,
Лишь о нём об одном.
Ты живёшь на границе
Между явью и сном.

* * *

Есть такие слова,
Что как пуля в висок.
Ты, конечно, права,
Но не жми на курок.

Подожди. Помолчим,
Чтобы гнев остудить.
Нет особых причин,
Чтоб любовь застрелить.

Я хочу тишины.
От неё я отвык.
Но молчанье твоё
Как пронзительный крик.

* * *

Когда меняет женщина причёску?
Когда нет сил сказать себе «держись».
Бери, маэстро, ножницы, расчёску.
Колдуй, работай, изменяй ей жизнь.

Ты наколдуй ей всё, чего желает.
Ещё добавь немного от меня.
Ведь много счастья в жизни не бывает.
Дай счастья ей хоть до исхода дня.

Её причёска – с прошлым расставанье.
Порой и форма изменяет суть.
Ты оправдай, маэстро, ожиданье,
Она ведь новый выбирает путь.

Она уйдёт, но может возвратиться.
Не всякая дорога хороша.
И будут ножницы порхать, как птица,
И новою надеждой жить душа.

* * *

В каждом сне таится подоплёка.
Каждый сон желания хранит.
Мне приснилась Незнакомка Блока.
Я надеюсь, Блок меня простит.

Он её любил на расстоянье.
Он молил – она не снизошла.

Расстоянье – это расставанье,
Оттого и в ночь она ушла.

Девушки всегда не любят робких,
Их сердца слезой не растопить.
И терзают каблуков подковки
Тех, кто их не сможет покорить.

Мне приснилась музыка барокко,
Всё смешалось: Запад и Восток.
Кстати, новость для бедняги Блока –
Незнакомки взял я адресок.

* * *

Мы – Одиссеи в жизни и любви,
Нас манит Троя бряцаньем оружия.
А что любовь? С любовью подожди –
Пусть плачут Пенелопы от безмужья.

Играет ветер в наших парусах,
Ушли в поход твои сыны, Итака.
Что впереди – лишь знают в небесах.
Прощай, семья. Прощай, моя собака.

Чужие земли краше во сто крат,
Чужие девы во сто крат милее.
Вперёд! Вперёд! Нам нет пути назад,
Ведь все мы в этой жизни Одиссеи.

Мы обещаем, что вернёмся все.
Наперекор чужбине и судьбе.
Мы обещаем. Нужно обещать,
А там – как знать, а там – как знать...

Ну, вот обвисли наши паруса,
Недосчитались многих капитаны,
И седина заметна у виска,
На кой нам чёрт сдались все эти страны!

Домой, домой, где любят нас таких,
Таких, как есть, не лучше и не хуже.
Где ждёт нас ужин только для двоих,
Где мысли только о любимом муже...

**Надежда
МАТОВИЧ,**

г. Молодогвардейск,
ЛНР

Трижды мама, трижды бабушка, дважды прабабушка. Всегда привлекало красивое, необычное, таинственное... Поэзию воспринимает как откровения души.

ОДУРЬ-ТРАВА

Краски расплавлены дня.
В омуте сумерек тонут
Ночи, роняя в ладони
Звёздные капли огня.

Прошное светом луны
Входит без спроса в окошко.
Ночь собирает в лукошко
Кем-то забытые сны.

Строки выводит рука,
Взгляд убегает в былое,
Там, где встретились двое...
Думалось, что на века.

Пьяная одурь-трава
Зельем сердца опоила.
Помню... скорее забыла.
Памяти рву кружева.

ПЛАМЯ

Гудело, красками играло, просило пищи,
Искрило, словно отсыпало монеты нищим,
Взрывалось криком первобытной страсти
И замирало, наполняясь жаром счастья.
Вбирало зеркало зрачков омут горячий,
И оживал потухший взгляд незрячий.
По эху стужи вековой, что клеткам панцирь,
Скользили, обжигая, огненные пальцы.
Творила музыку земля по звёздным нотам,
И сердце пело, отвечая к небу взлётом,
Восторгом наполняясь, кружило в танце тело –
Цвёл пламени цветок,
и Вечностью звенел он.

ДОНЕЦКИЕ СТЕПИ

Багровый закат, словно кровь на ковыле.
 Степные холмы, сколько тайн вы сокрыли?
 Обломки минувших мгновений и дней,
 Сгоревшие судьбы стран и людей.

Над степи просторами история дышит,
 Её колыбель ветер тихонько колышет,
 Здесь чувствую я через сердце дорогу –
 От древних курганов к родному порогу.

Та пустошь огромная – дикое поле
 От Дона к Днепру – знакома до боли.
 Встают из былого пожара зарницы,
 Неведомы памяти нашей границы.

Вновь вижу сквозь сумрак далёких веков
 Тревожное пламя сигнальных костров.
 Предвестие новых загубленных судеб,
 Где время, пульсируя, требует судей.

СТЕПЬ

По жёлтым разводам глины,
 По серому выходу скал
 Ушедших эпох картины
 Внимательный взгляд искал.
 Степь хмурила брови сурово,
 Поила полынной росой,
 Манила ковыльным покровом,
 Играла шалью цветной,
 Века в колыбели качала
 И прятала, чтобы сбересть...
 А в воздухе тихо звучала
 Давно позабытая речь.

* * *

Степь в ночи варила зелье приворотное,
 Распустив ковыльную косу под луной.
 Повторяла слово, слово заговорное,
 Чтоб утратил ветер от любви покой.

Жемчугами-росами наполняла чашу,
 Звёздным отражением, колдовством теней.
 Лунными узорами призывала стражу,
 Серебром окрасив тёмный лик камней...

Дымкою рассветной проплывало время
 В степь, роняя капельки прожитых веков,
 Новый день вставал на солнечное стремя
 И дарил колдунье знойный ритм стихов.

Нина ДЕРНОВИЧ,

г. Молодогвардейск –
 Атамановка, ЛНР

Педагог, заслуженный работник образования Украины. Поэт, прозаик, автор песен. Состоит в Союзах писателей России, ЛНР, Межрегиональном и Международном союзах писателей. Лауреат литературной премии им. Владимира Даля. Участник и дипломант нескольких литературных фестивалей. Организатор ежегодного, начиная с 2014 года, традиционного фестиваля «Муза Новороссии». Руководитель литературного творческого объединения «Лугоречье» (г. Молодогвардейск). Почётный гражданин Молодогвардейска.

Я – ГРАНЬ

Я привыкла к степи и привыкла к комфорту.
 Я и вена, и одновременно – аорта.

Я – трава-мурава и листва на деревьях,
 Мегаполис большой и глухая деревня.

Я на стыке стихий – меж далёким и близким,
 Меж великим и малым, высоким и низким.

Я на чаше весов и на лезвии бритвы.
 Я – порядковый счёт и расчёт алгоритма.

Словно грань и дефис между слогом и словом.
 Я – орлица российская, сфинкс двухголовый.
 Запятая, раздел, меж стихиями стенка,
 А конкретно – я сельская интеллигентка.

МАРТ

Ещё сугробы у дорог,
Но день в лучах прозрачных.
По кронам ветер златоног,
И нет проблем, и нет тревог,
И нет путей опасных.

Мороз уже не так сердит –
Пощипывает нежно.
Ведь март! Весна благоволит,
Пришла пора ей выходить
Из-за снегов безбрежных.

В окошки тычутся, галдят
Лучи – им нет доверия.
Но скоро птицы прилетят,
О Красной горке известят
И обживут деревья.

Поутру выйдешь на порог,
А двор от солнца ясный,
Простор приветлив и широк,
И нет проблем, и нет тревог,
И нет путей опасных.

ТИРЕ

Дом. Своя земля. Вокруг родные.
Благодать! Чего ещё хотеть?
Говорят – язык доводит в Киев.
А зачем? Пора бы отрезветь,

Думать не о нём – о дне грядущем.
Что ему отдать, наполнить чем?
Нужным делом, словом всемогущим
До конца, пока уйду совсем.

Растворюсь, с дождём впитаюсь в землю,
Напою ямшан и ковыли.
Я хочу, иного не приемлю,
Горсточкою стать своей земли.

На кресте останутся две даты,
Между ними – робкое тире.
Чем наполнить этот штрих распятой,
Не отдав на откуп мишуре.

Чтобы в пустоте не уличали,
На замесе слов и дел густом
Всё решить желательно в начале,
Думать не когда-нибудь потом.

Не завистлива. И не тщеславна.
День пишу, как будто песнь пою.
Добротой сердечной, словом славным
До краёв наполню жизнь свою.

ВРЕМЯ СОВ

У вечера особый запах.
Тихонько, словно он босой,
Спускается на мягких лапах
Прекрасный миг загула сов.
Он так загадочен, неясен,
Он обволакивает, жжёт.
У стенки притаился яшень,
Свою сову, наверно, ждёт.

А жаворонки засыпают,
Пустое – будоражить их,
И жаворонки не узнают
Тревожных откровений миг
Неописуемо опасный.
В душе, что высоко парит,
Опять вызванивает праздник,
А мысль вещает и творит.

Мгновений этих обонянье,
Наверное, у сов в крови.
И просыпаются желанья
Разбоя, творчества, любви.
У вечера особый запах,
Особый звон, особый вкус,
У вечера особый запах,
Что называется – искус.

**Сергей
ЗАРВОВСКИЙ,**

г. Луганск, ЛНР

*Поэт, бард, журналист.
Председатель Республиканского Союза писателей (ЛНР), публиковался в различных столичных и периферийных литературных изданиях в России,*

Украине и за рубежом, автор нескольких поэтических сборников.

* * *

Хочу у женщины спросить:
Ну разве нужно ей для счастья
Коней безумных тормозить
И по горящим избам шастать?

Когда-то жили в простоте,
Хотя наперекор природе.
А нынче барышни не те,
И времена иные вроде...

Что кони, избы... Ну, гордись,
Прабабки подвиги итожа..
Сегодня взмах твоих ресниц
Снести любую крышу может!

* * *

Бог всех с рождения пометил
И выдал каждому из нас
Срок годности на этом свете,
Короче, прочности запас.

Но дни бегут, а прочность тает,
Внезапно женщина приходит,
И срок, который на исходе,
Волшебным образом продляет.

Загадку я решить не смог:
Кто круче – женщина иль Бог?

* * *

А за окнами сентябрь. Дождь
Тушит тлеющих осин ряд.
Ты, наверное, меня ждёшь,
Только ждёшь уже давно зря.

Я почти совсем забыл путь,
По которому летел вскачь,
Ты счастливой без меня будь.
А не сможешь – иногда плачь,

Чтоб слезами затушить жар,
Тот, который до сих пор жжёт.
Ты сама закрыла дверь – жаль –
В мир, который нас двоих ждёт.

Проступает на висках соль –
Это прежней маеты след,
Это бывшая моя боль,
Та, которой уж давно нет.

Только изредка в душе дрожь,
Что не встретиться уже нам.
Здесь расплата за грехи – грош,
Остальное доплачу там.

* * *

Мы музыку жизни впитали телами –
Мелодия эта двоим нам звучит
Все тысячи лет, уже прожитых нами,
И в тысячах тех, что ещё предстоит...

А если судьба обернётся иначе,
То в будущей жизни, меня позабыв,
Ты вдруг отчего-то тихонько заплачешь,
Услышав совсем незнакомый мотив.

Но сердце напев непременно узнает,
И душу пронзит непонятная дрожь...
Сквозь грохот веков – тех, что нас
разделяют,
В мелодии этой меня ты найдёшь!

Анна ВЕЧКАСОВА,
г. Краснодар, ЛНР

Фельдшер по образованию. Член литературного объединения «Радуга» (Краснодон). Печаталась в альманахах ТО СТАН и «Радуга», сборниках «Час мужества», «Строки мужества и боли», «Время Донбасса», альманахе «Территория слова» и др.

ШПИОНСКИЙ РОМАН

Эта история произошла в одном небольшом городке в те самые времена, когда о мобильной связи ещё никто и не помышлял, а транспорт ходил плохо и редко.

В молодости Пётр Иванович слыл известным сердцеедом. Росту он был выше среднего, голубоглазый шатен с бархатистым голосом, да к тому же обаятельный, за словом в карман не лез. Сколько он девичьих сердец покорил и разбил, никто не знает. Одним словом – ловелас.

Однако пришло время остепениться. Пётр Иванович встретил свою любимую и единственную, женился. Жена у него была спокойная, с юмором, хозяйственная, к тому же ещё и автолюбитель. Живи да радуйся. Так прошло много лет безоблачного семейного счастья.

Чего ещё может желать мужчина, когда дом полная чаша, всё ладно да складно? Правильно – хочется такого, чтобы «душа развернулась, а потом свернулась», острых ощущений, экстрима. Иначе говоря, потянуло Петра Ивановича на «подвиги», захотелось тряхнуть стариной. Решил он завязать недолгие отношения на стороне. Познакомился с симпатичной дамочкой. Всё шло по сценарию – цветы, конфеты, кино, прогулки по осеннему парку. И вот настало время для самого главного, ради чего всё и затевалось. В назначенный час наш герой позвонил в заветную дверь, где ждало его одно

из самых увлекательных приключений, и... На кухне сидела его собственная жена Лида и о чём-то весело щебетала с хозяйкой квартиры, попивая чай с конфетами.

– О, привет, наконец-то ты пришёл! А мы со Светой мило беседуем, уже рецептами обменялись. – И всё это с удивительно доброй улыбкой и нежностью в глазах.

От неожиданности он растерялся, покраснел и пробормотал в ответ нечто невнятное. Домой шли вдвоем с Лидой под ручку. Внутри всё похолодело и сжалось в комок: что сейчас будет, ой что будет... К удивлению Петра Ивановича, жена ему ничего не сказала по поводу их, теперь общей, знакомой. Очевидно ему было одно: женщины крепко подружились и для него в их тесном мирке места не оказалось. Долго мучился он сомнениями по поводу своей неудачи. Откуда появилась Лидочка? И что именно ей известно? Если скандала не было, значит, ничего не знает? А как спросить, чтобы она не поняла и не узнала? В общем, всё смешалось в лысеющей голове Петра Ивановича. Теряясь в догадках, он решил пока затаиться, темы этой избегать и оставаться примерным семьянином.

Так прошло несколько месяцев. Весной мысль о возможной интрижке стала часто посещать любителя острых ощущений. Но заводить

её теперь он будет на другом конце города, без конфет, цветов и походов в кино, чтобы нигде не «засветиться».

Прекрасным весенним днём наш герой-любовник познакомился с белокурой красавицей. Вскоре договорились о встрече в ближайшую субботу, вечером. Помня предыдущий грустный опыт, Пётр Иванович принял все известные ему меры конспирации: адрес и номер телефона выучил наизусть, никаких записей, прогулок в парке и свидетелей. Всё шито-крыто. Теперь-то его секрет не раскроется.

Настала та самая суббота. Жена, ничего не подозревая, хлопотала по хозяйству, пекла пироги, ждала каких-то гостей. Тем лучше: Лидочке не придётся скучать без него. Пётр Иванович пребывал в прекрасном расположении духа, весь день что-то напевал, искупался, побрился, достал зачанку: всё-таки неудобно идти к женщине с пустыми руками. Поглядывал украдкой на часы, от удовольствия жмурился: «Ай да Петька! Ай да молодец!»

Когда он уже собирался уходить, в дверь позвонили – это пришли Лидочкины гости, а значит, можно исчезнуть тихо, под шумок. Всё очень удачно складывается! Каково же было удивление Петра Ивановича, когда в дверях он столкнулся со своей белокурой знакомой, к которой, собственно, и собирался. А она к тому же с мужем пришла. От неожиданности в глазах Петра Ивановича потемнело, внутри появился уже знакомый холодок. Мысли отчаянно заплясали в голове, образуя пёстрый хоровод из: «Не может быть!», «Как?», «Откуда?» и «За что?». Он вымученно выдавил из себя:

– А-а-а... Здрасьте.

Мило улыбаясь, Лидочка с видимым удовольствием представила ему своих новых знакомых – Павла и Ирину. Она познакомилась с ними три дня назад на рынке, ребята были так добры, что помогли ей донести тяжёлые сумки до самой квартиры. Они были очаровательны, и Лида пригласила их в гости. С этого дня стали дружить семьями.

В случайности наш герой не верил, поэтому ломал голову над тем, как могла провалиться такая блестящая операция. Может, кто-то его выследил и всё рассказал Лидочке? Но

спросить у неё он, разумеется, не мог, а жена по-прежнему не устраивала ему допросов и сцен, вела себя в высшей степени спокойно и дружелюбно, словно ничего не произошло. Так и в самом деле ничего не было. Становилось немного не по себе, отчего Пётр Иванович несколько приуныл, но, будучи по природе своей оптимистом и не найдя для себя никакого другого решения, снова «залёг на дно».

Прошло примерно полгода. Неудавшееся приключение с блондинкой немного позабылось, а пресловутые «седина в бороду и бес в ребро» вновь позвали Петра Ивановича на «подвиги».

На этот раз неугомонный кабальеро нашёл очаровательную женщину из соседнего городка, проживающую в частном секторе. Это всё-таки приличное расстояние от его дома, и здесь досадных недоразумений просто не могло быть. Естественно, что в связи с предыдущими поражениями никого в свои планы Пётр Иванович не посвящал, нужный адрес выучил наизусть, а телефона у его пассии просто не было. Он даже немного увлёкся: она мила, умна, очень красива и тоже автомобилист, как его Лидочка. Всё складывалось более чем удачно: жена несколько дней была в отъезде по каким-то своим делам, прекрасная дама согласна, свидание назначено, по дороге приобретены торт и букет цветов. Звёзды на его стороне.

Пётр Иванович вышел из автобуса на нужной остановке и на всякий случай оглянулся, но улица была пуста, лишь на лавочке около дворика, заросшего кустами сирени, томно растянувшись во всю длину, дремал большой серый кот. Бодро двинулся наш ловелас через узкий переулок к заветной калитке, где ждала его прекрасная Елена. Прежде чем свернуть за угол, он ещё раз осторожно огляделся, но вокруг совершенно ничего не изменилось. Держа в руках свои подношения, он решительно шагнул налево и... замер от неожиданности: около той самой калитки стоял до боли знакомый Лидочкин старый зелёный жигулёнок с открытым капотом. Сама же она склонилась вместе с Еленой над его тёмными внутренностями, что-то бурно обсуждая и жестикуюлируя.

Чувствуя, что сейчас потеряет сознание, Пётр Иванович вдохнул, зажмурился и сосчитал до десяти. Выдохнул, открыл глаза, но картина была прежней. От волнения во рту предательски пересохло, с трудом передвигая ватными ногами, он обречённо подошёл к женщинам, ибо назад отступить не было никакой возможности.

– А-а... Э-э-э... Добрый день, – он попытался приветливо улыбнуться.

– Петруша, здравствуй! – Лида была само обаяние и дружелюбие. – Отдай Леночке торт и цветы, садись в машину. У меня здесь ерунда – сейчас свечу заменю и домой поеду.

– Э-э-э... Это вам, – промямлил Пётр Иванович, краснея и избегая Леночкиного взгляда, отдал подарки и мешком упал на заднее сиденье автомобиля. В голове шумело, что-то

настойчиво стучалось в левый висок, мыслительные и речевые запасы иссякли. После корвалола с валидолом наступило умиротворение, и герой-любовник забылся сном прямо на заднем сиденье жигулёнка.

Надо ли упоминать о том, что женщины расстались лучшими подругами? И, разумеется, жена ничего не сказала по поводу случившегося, как будто ничего и не было.

Однако желание покорять посторонние женские сердца у Петра Ивановича с той поры пропало навсегда. Седина в бороде у него осталась, а загрустивший бес, понуро шмыгнув пяточком, вяло и обречённо махнул на него копытцем и куда-то сгинул.

Тайна этого романа так и осталась неразгаданной.

Надежда ПЕТРОВА,

г. Зимогорье, ЛНР

Родилась в городе Стаханове Луганской области в семье железнодорожников. Образование высшее. С 1973 по 1976 год работала литературным сотрудником районной газеты «Путь Октября» в посёлке Славяносербск.

Автор шести книг прозы. Печаталась в коллективных сборниках писателей Украины.

С 2000 года – член Международного сообщества писательских союзов, Конгресса писателей Украины. В 2003 году присуждена Международная литературная премия имени Владимира Даля. В 2004 году стала членом Союза писателей России.

ХОХЛУШКА

Дверь ювелирного магазина распахнулась, и в помещение шумно ввалила стайка девушек в дублёнках, припорошенных снегом. И хотя перед входом они долго отряхивались, на их шапках, шарфах и плечах ещё белело, а на гладком полу из мраморной крошки остались лужицы от сапог.

Девушек было трое, они приехали в Москву-матушку на заработки и сегодня, как и

всегда, допоздна торговали на рынке в Лужниках. По сравнению с Украиной для них здесь был достойный заработок, дававший возможность сносно прожить в Москве и ещё откладывать деньги для поездки на родину. Они после новогодних праздников приехали сюда с Луганщины, денег пока было в обрез: оплатить съёмное жильё и пропитание, а сюда, в ювелирный магазин, забежали лишь потому,

что сильно замёрзли и, казалось, нет уже сил добраться в другой конец города, где они втроем снимали однокомнатную квартиру.

По ту сторону сияющего прилавка тоже стояли три девушки – продавщицы. Этим повезло – они местные, поэтому их взяли работать в магазин, большой, чистый, кричащий о безумной дороговизне и красоте окружающего их мира. Москвички брезговали работать на рынке, это удел приезжих – «негров» из Украины, Белоруссии, Узбекистана, Китая и Вьетнама. Они – москвички, и этим всё сказано. При виде запорошенных снегом украинок продавщицы поморщились.

– Это же базарницы, эти ничего не купят, послоняются вдоль прилавков, сделают важный вид, мол, товар их не устраивает, и почешут дальше! Лимита! Понаехало их тут, вроде в Москве мёдом намазано!

– Ладно, Танька, ну не воровать же они пришли! – откликнулась другая продавщица. – А вдруг что-либо и купят?

– Жди от них! Видишь, как вырядились, на них одёжек, как на капусте.

– Метель всё-таки, не июль.

– Да хоть бы и июль, я этих хохлушек за версту узнаю, ни с кем не перепутаю: колобки колобками и глаза испуганные.

– Они уже и шокать отучились, – засмеялась третья. – Хочешь, проверим?

– Проверяй, проявляй свой талант в познании диалекта, – подмигнула ей подруга, отходя в сторону.

Хохлушки тем временем дружно направились к дальнему прилавку, где на чёрном бархате, подсвеченном неоновыми лампами, длинными и короткими гроздьями улеглись толстые и тонкие, витые и плоские, как змейки, золотые цепочки: для шеи, рук, ног, для ношения в волосах, даже толщиной в палец, словно на них хотели приковать бычка.

Девушки тихонько перешёптывались, не замечая надменных взглядов продавщиц, да и что им, они – реализаторы, по сути, такие же продавцы. Наташа торговала головными уборами, Лена – зимней обувью, а Света – куртками. С приходом лета ассортимент изменится: что привезёт хозяин лотков, местный бизнес-

мен, тем и будут торговать, своего товара ни у кого нет. Для того чтобы иметь хотя бы один собственный лоток, надо было начинать своё дело лет пятнадцать назад, в начале девяностых. Девушки об этом не мечтали. Наташа здесь лишь второй раз, а Лена со Светой уже пять лет. За это время, обменяв русские рубли на гривны, они успели в своих квартирах сделать приличный ремонт, провести индивидуальное газовое отопление и придеться согласно существующей моде. Работая дома, на Украине, им это вряд ли удалось бы, а так – всё неплохо, если, конечно, не считать очень большой платы за съёмную квартиру и временную прописку, которые съедают львиную долю заработка...

– Вы хотите что-то приобрести? – продавщица цинично смотрела в глаза девушек.

– Возможно. – Девушки не спеша шли вдоль витрины.

– Ну и что ты к ним пристаёшь? Дождёшься от них! – Подошла вторая продавщица. – Что с них взять? Жмоты, они же на пирожках сидят, экономят, а ты им золото предлагаешь, – и засмеялась.

Хохлушки повернулись, взгляды их встретились. Повисла немая тишина: девушки смотрели на продавщиц, продавщицы испытывающе, не пряча надменных улыбок, смотрели на них.

– Цепочку на руку! – выпалила Наташка, глаза её горели. – Вот эту! – Она ткнула пальцем в ценник, где было написано: пять тысяч рублей.

– Наташа, не дури! – прошептала испуганно Лена. – Пошли отсюда, у тебя же денег лишних нет, ты что, с ума сошла? Пошли!

Продавщицы переглянулись.

– Нет, лучше эту, – торжествующе настаивала Наташа, быстро подсчитывая в уме, сколько у неё останется на утренний проезд и на два злополучных пирожка до обеда, а там уж что-то удастся продать, и хозяин отстегнёт от дневной выручки.

Небрежно выдвинув тяжёлый ящик с чёрным бархатом, продавщица подала золотой браслет, нацелив прищуренный взгляд на Наталью.

Цена была сносной, Наташа примерила браслет на руку, не спеша проверила застёжку...

Да не нужен, не нужен ей этот чёртов браслет! Совсем не нужен. Ни сегодня, ни завтра, ни через год! Что же делать?! Она посмотрела на замерших подруг, перевела взгляд на наглые, почти смеющиеся лица продавщиц и твёрдым голосом спросила:

– В какую кассу?

– В ту! – манерно махнув рукой, показала продавщица.

Наташа пошла оплачивать покупку.

Все замерли.

– Спасибо, девушки, – натянуто улыбнувшись, сказала Наташа, пряча синюю шкатулку с цепочкой в сумочку с документами, и весело добавила: – Вот теперь домой!

* * *

– Ну, Наташа, ты им и выдала! – выдохнула восхищённо Светка. – Просто за всю униженную Украину ответила! У меня просто слов нету. Так сердце колотилось за тебя! А ты их – бац! – и в нокаут! Вот вам, подавитесь, знай наших!

– Я бы так не смогла, – вздохнула тяжело Лена. – Они так нагло смотрели на нас, словно мы бомжихи какие-то...

– Ой, помолчи, я сама не знаю, как выдержала эту дуэль... – У Наташи выступили слёзы. – Как же они нас, украинцев, ненавидят! Считают нас нищими, лимитой позорной, которая только на рынке в морозы стоять может... А у самой, небось, три класса образования. А ведь я же физмат окончила! Девоньки, как стыдно за нашу Украину, за всех нас, за то, что мы вынуждены мотаться по свету, в эту затурканную Москву, чтобы жить более-менее достойно!

* * *

Вечером пили чай, смеялись, чокались чашками и гордились Наташкой. Она надела золотой браслет на руку и вдруг успокоилась: завтра будет новый день – будут и деньги.

Весело вспоминали, как приехали впервые в Москву, как шарахались от милиционе-

ров, проверяющих на каждом шагу паспорта, пытались подражать москвичам и поспешно переходили на непривычный приглушённый московский говорок.

– Ой, девоньки, а я первую неделю вообще в подъездах ночевала, – сказала Лена. – Не поверите! Ноги распухли, устала, лечь хочу, а негде. Одна наша подсказала, если, говорит, не снимешь квартиру, то иди на последний этаж любого дома, там теплее и людей поменьше ходит. Спросят: «Кого ждёшь?» – говори: «Подругу», – но не уходи. А чтобы не холодно было, положи в пакет пенопласт, на нём сидеть на ступеньках не холодно. На одной ступеньке сидишь, а на верхнюю голову кладёшь. Я так пять дней жила, в платном туалете мылась, зубы чистила, а потом одна старушка из того подъезда меня заметила и приютила. Жаль, у неё сейчас жить нельзя, внук в институт поступил и теперь у неё живёт, а то бы я к ней – с удовольствием, она, оказывается, воевала, Украину с боями прошла, вспоминала вечерами много о войне, о дружбе между солдатами разных национальностей рассказывала. Какие люди бывают!

– А я даже с бомжами однажды осенью жила... – тихо произнесла Света. – Две ночи. А потом ко мне стал приставать их старший: или я с ним пересплю, или уметайся немедленно. Я как рванула! Бегу, искры из глаз сыплются, добежала до метро, сама не знаю зачем, и тут столкнулась, – она подняла глаза на Лену, – вот с ней. Она меня спасла в тот вечер.

– А меня спасли сегодня вы! – весело сказала Наташа. – Если бы не ваше присутствие, не знаю, может, тоже бежала бы из этого ювелирного. А так... вот покупочка у меня. – Она выставила напоказ в очередной раз руку с блестящей гранями цепочкой. – Знаете, год только начался – и такая дорогая покупка! Хороший год начинается, девушки! Давайте ещё чайку за это выпьем – и спать!

* * *

Прошло девять месяцев. Летом Лена вышла замуж, и муж не пустил её больше в Москву, она была беременна и сидела дома без

работы. У Светы тяжело заболела мама, и Наташе пришлось ехать в Москву одной.

В первый день ходила по прежним адресам, но везде было занято, чужую в свою компанию такие же приезжие боялись брать, да и места не было. Наташа была в отчаянии: на улице октябрь, а ночевать негде: на вокзале – нельзя, в гостинице – баснословно дорого, на окраине вечером никто не пустит к себе, да и где она, та окраина? Пригород? Оставался один вариант – незнакомый холодный подъезд. Она знала, что есть подъезды и отапливаемые, но в них надо ещё войти, а это не так просто, так как почти во всех металлические двери с кодовыми замками...

Побродив по улицам дотемна, она вместе с девочкой-школьницей вошла в незнакомый подъезд. У некоторых дверей лежали небольшие коврики. «Только бы не было собак! – подумала она. – А то пойдут от меня клочки по закоулочкам». Собак она панически боялась.

Когда на первом этаже раздавались шаги, она вскакивала, опиралась на перила и делала вид, что кого-то ждёт. После девяти часов вечера шаги стихли, и Наташа благополучно переночевала, сидя на ступеньке и прислонившись спиной к перилам. Вещи лежали на вокзале в камере хранения.

Два последующих дня она снова усиленно искала съёмное жильё, но безрезультатно. Силы были на исходе, нервы – тоже. Смертельно хотелось лечь – просто лечь! – и вытянуть ноги, расправить спину!

Она уже знала номер кодового замка, подсмотрела, когда входила с жительницей. Попробовала набрать сама: получилось! Это было спасение, потому что ночью очень хотелось выйти по малой нужде.

«Всё! Завтра пойду на рынок, буду спрашивать своих, возможно, так быстрее найду квартиру, иначе скоро закончатся деньги. Надо что-то делать! Что-то делать!» И задремала.

Сон оказался крепким, она не услышала ни скрипа металлической двери, ни близких шагов, ни даже разговора над головой. Ей снилось, что она бежит, скоро финиш, она видит уже красную ленточку, делает усилие, но ленточка отодвигается... А рядом кричат, кричат и толкают.

Наташа открыла глаза. Она лежала поперёк ступеньки, вытянув ноги и загородив проход. Над ней склонилась девушка лет тридцати, почти её ровесница... но где она её видела? Где?

– Извините, – пробормотала Наташа, пытаясь встать. – Извините, так получилось. – Она боялась, что её сейчас выпроводят из тёплого подъезда.

– Да уж, пожалуйста, – ответила снисходительно девушка в белой курточке и сапогах с высокими каблуками. Она обошла Наташу и открыла дверь на площадке.

«Стоп! Так это же продавщица из ювелирного! Вот это я влипла! Не дай бог милицию вызовет!»

Но прошло полчаса, а всё осталось по-прежнему. Наташа успокоилась, присела на ступеньку.

В восемь вечера дверь продавщицы открылась. Наташа быстро поднялась. Пропустив вперёд собаку, вышла на площадку и хозяйка. Она внимательно посмотрела на Наташу: явно узнала её, в замешательстве остановилась, но потом медленно прошла вниз, не проронив ни слова.

«Пора уходить, – решила Наташа. – Сейчас уйду из подъезда, а вернусь попозже, когда она выгуляет эту псину».

Улица встретила её порывом ветра, сырым и пронизывающим. Асфальт под ногами звонко похрустывал замёрзшими мелкими лужицами. Низкое тёмное небо предвещало холодную и долгую-долгую ночь в одиночестве. Зайдя за угол соседнего дома, Наташа напряжённо ждала, когда же продавщица вернётся обратно в подъезд. Периодически она выглядывала из-за угла дома, надеясь на её быстрое возвращение, но прогулка затягивалась, так как к продавщице подошёл парень, тоже с собакой, и они, словно забыв о времени, гуляли.

Наташа продрогла, казалось, до мозга костей. Влажные сапоги, которые она не снимала третий день, уже не грели, а только сильнее студили ноги, ни ходьба, ни подпрыгивание на месте уже не помогали.

Наконец продавщица взяла за ремешок собаку, и они отправились домой.

Всё! Ещё пять минут, и Наташа тоже будет в тепле: там есть желанная тёплая батарея,

там можно жить! Она достала из кармана припасённое печенье и стала жевать: полпачки сейчас, полпачки – утром.

Расстегнув замки на сапогах, она прислонилась к высокой батарее спиной и думала о доме. Там, в её однокомнатной, уютно и тепло, там есть диван, там можно из холодильника достать супчик, подогреть и сидеть у телевизора, наслаждаться свободой... Там – это далеко, а здесь – большая чужая Москва, и ты никому не нужна... Одна на белом свете, а ведь за каждой дверью бьётся жизнь, играет музыка.

Неожиданно дверь продавщицы открылась, и высунулась стриженная чёрная головка:

– Сидишь, хохлушка?

– Сижу, – оторопело ответила Наташа.

– И долго собираешься сидеть?

Наташа растерянно молчала, мысли улетучились, просто высохли мозги! Что ей ответить?

– Заходи, хохляндия. – Голос продавщицы прозвучал снисходительно, почти ласково.

– Спасибо. – Наташа не двигалась.

– Чего ты боишься?

– Не боюсь! Тот, кто хоть раз переночевал в подъезде, уже ничего не боится.

* * *

Квартира продавщицы оказалась двухкомнатной, обставленной современной светлой мебелью. Хозяйку звали Ритой.

– Мой руки, чаем напою, – сказала Рита, пододвигая ей домашние тапочки. – Замёрзла, наверное?

– Да, вы слишком долго гуляли, – тихо ответила Наташа.

– Садись ближе к теплу, отогревайся, – сказала Рита, ставя чашки и блюдца на стол. – Вот бутерброды, чай.

– Спасибо.

Девушки молчали. Наташа отхлёбывала чай, а Рита смотрела в окно и рассеянно гладила рыжевато-черного Джесика, сидящего рядом на полу.

– Вы меня не боитесь? – робко спросила Наташа, пытаясь по лицу Риты предугадать ответ, дальнейшие события.

– Нет, тем более что здесь Джесик. – Она ласково потрепала собаку за ухо.

– А вчера его не было...

– Мой бывший привёз, – вздохнула Рита. – Я бы с ним уже не поддерживала отношений, но вот из-за Джесика иногда встречаемся. Если у него командировка, то он на пару дней привозит его ко мне. Я его маленьким выхаживала, он меня не забывает.

Наташа понимающе кивнула головой.

– Я постелю тебе в кресле-кровати, всё же лучше, чем в подъезде.

– Хорошо.

– Ты надолго приехала?

– Как всегда, месяца на три-четыре, а сейчас вот до новогодних праздников хотела побыть. Устала я уже от этой жизни.

– Тяжело на Украине?

– Если работа есть, то нигде не тяжело. Городок у нас маленький, предприятия закрыты, а на рынке частники платят столько же, сколько получает бедный пенсионер. Словом...

– Да ладно, знаю я эту музыку, таких, как ты, пол-Москвы здесь.

– Ясно... А я думала – ты жестокая. Прости.

– Не за что! Жильё не найдёшь?

– Третий день уже.

– Завтра я тебя пристрою, не волнуйся. Я поговорю с женой моего брата, она к нему переехала, а квартира стоит пустая, заодно и постережешь.

Наташа сдержанно улыбнулась, чувствуя, что слёзы вот-вот брызнут из её глаз.

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи.

* * *

Вечером 30 декабря Наташа забежала в ювелирный магазин к Рите и, загадочно улыбаясь, протянула ей тонкий белый конверт без надписи:

– Я пришла сказать тебе спасибо, я сегодня уезжаю, поезд через два часа. Я уйду, а потом ты откроешь конверт!

– Ладно, – удивилась Рита. – А почему так таинственно? Мы же с тобой вроде бы уже подруги?

– Потому – что подруги! – счастливо засмеялась Наташа. – Пока! До встречи в новом году!

И ушла уверенной походкой.

Рита открыла конверт, и на ладошку ей упал золотой браслет, тот, который год назад у неё покупала гордая хохлушка.

Рита посмотрела на дверь – Наташи уже не было.

«Дорогая Риточка! – прочла девушка. – Я бесконечно тебе благодарна за твою помощь! В тот вечер, когда ты меня встретила со своим Джесиком в подъезде, я уже отчаялась и

думала уезжать домой. Я замёрзла и разочаровалась в Москве и москвичах, мне свет был не мил, но встреча с тобой перевернула мою душу, мои взгляды на людей, на мир. Браслет носи на здоровье, не волнуйся, я себя не обокрала. Предновогодняя торговля на рынке, а я стояла на ёлочных игрушках, которые раскупали по тысяче в день, принесла мне хороший доход, больше, чем в другие месяцы. У тебя лёгкая рука, а такая должна быть украшена золотом! А мне он и не нужен, у меня другие запросы, попроще. Будь счастлива в новом году! Наташа».

Тамара ЧАЙКА,

г. Луганск, ЛНР

Родилась в России. Воспитанница детских домов. С 1979 года живёт в Луганске. Поэт. Прозаик. Печаталась в общих сборниках и альманахах. Автор шести сборников произведений, один из которых детский. Руководитель литературного клуба «Луч».

НОВЫЙ ПАСПОРТ

ТЕЛЕГРАММА

*«Луганская область Краснолучский район
Совхоз Петровское Мама папа приеду субботу
днём Люба»*

За полгода Люба успела соскучиться. Последний раз виделась с родителями, когда помогала урожай картошки собрать. А теперь уже весна наступила, и нужно снова сажать картошку. Да и деревья известью покрасить.

В общем, огород огородом, а ещё она везла в коробке пять десятков цыплят. Но самое главное – целый месяц она будет с самыми милыми её сердцу родителями.

Старый красавец петух наконец-то дождался своей очереди. И борщ получился на славу, и холодец. Закончилась спокойная жизнь, настала пора приятных хлопот.

С утра пораньше Миша с Лидой налепили Любиных любимых вареников с капустой. Они тоже соскучились и с нетерпением ждали свою дочь Любушку.

– Мишка, иди скорей! Любавушка идёт. Господи, опять полные руки. Иди, что ты там копаешься?

Лида засемила навстречу дочери, а за ней, стараясь не отстать, спешил Михаил.

– Дочурка, здравствуй. Давай сумку. Миша, возьми у неё коробку.

– Нет-нет. Коробку, мама, возьми ты. Папочка, а ты возьми, пожалуйста, сумку, и я понесу пакет и сумку.

– Дочка, да разве ж можно столько груза сразу в одни руки?

– Ой, мама, чи не в кого? Мама, аккуратно с коробкой, там цыплята.

– Да уж слышу. И на кой ты привезла их опять?

– А чтобы вам не скучно было. И поговорить будет с кем, и к столу пригодится.

Пока мать с дочерью разбирали сумку с продуктами, подарками и лекарствами, отец уже ворковал, устраивая цыплят.

– Любочка, давай пообедаем, да мы с папой пойдём фотографироваться, а ты отдохни пока с дороги. Хорошо?

– Мать, давай маленькую. Дочь всё же приехала. Отметить надо.

– Вот ещё. Успеешь, а то на фотографии косой получишься.

– Ну чего ты, мамочка. Мы всего по пятьдесят грамм, с них не окосеет.

Люба подмигивала отцу, а он, довольный поддержкой дочери, потирал ладони и, ухмыляясь, садился за стол. Под дружный хохот мать ставила на стол советские, мухинские гранёные стопочки и разливала собственного производства первачок. Самогончик в совхозе является валютой, им расплачиваются почти за всё.

Пообедав, родители стали собираться. Опаздывать никак нельзя. Фотограф приезжает в совхоз по хорошей погоде, пока дороги не разбиты, и только два раза в неделю.

Почтальон предупредила, что по старому союзному паспорту пенсию выдавать не будут. Лида была с 38-го года, а Михаил с 32-го, но это ничего не значило. Раз Украина стала независимым государством, значит, паспорта должны быть у всех новыми – украинскими.

– Папа, ты иди очередь занимай, а мама сейчас подойдёт. Мам, пойдём, я тебе красоту наведу.

– Ага, пойдём, доченька.

– Девчата, только недолго.

Опрокинув ещё стопочку, он, закусывая солёным огурчиком, направился к выходу.

– Ну ты посмотри на него. Не успеет. Вот придём и ещё посидим.

– Не сердись, Лида. Это я для румянца на фотке.

Люба достала из сумки новую нежно-розовую кофту с ещё болтающимися ярлыком и ценником.

– Мама, это тебе подарок.

– Ой, доченька, какая же она красивая. И с длинным рукавом, мягкая, тёплая, а пуговички какие красивые, перламутровые. Прямо как в кино «Бриллиантовая рука». Спасибо, милая.

– Вот надевай её и фотографируйся в ней.

– И правда – память будет.

Люба подвела маме брови, накрашила губы и зачесала волосы, накрутив на плойку.

– Ну вот. Пусть все видят, какая ты у нас всё ещё красивая.

Михаил уже сфотографировался и, не дожидаясь, когда придёт Лида, вышел на улицу покурить да с мужиками поговорить.

Через неделю Михаил пришёл к фотографу за снимками.

– Вот коробка, смотрите и находите свои фотографии. Квитанции давайте сюда.

Свои фотографии Михаил нашёл сразу, а снимки жены не мог найти. Перебрал всю коробку, и не один раз, но не обнаружил. Фотограф показал плёнку, на которой были сделаны все снимки в тот день, и просил смотреть внимательней. Но как бы внимательно он ни смотрел, так и не нашёл фотографии Лиды.

Расстроенный, Миша пошёл домой.

– Ну вот, не дадут тебе в этом месяце пенсию.

– Как это не дадут?

– Нет твоих фотографий, мать.

– Как это нет?

– А вот так. Нет, и всё. Я все снимки пересмотрел по несколько раз. Мои вот, а твоих нет.

– Успокойся, Миша. Может, мои не получились. Ничего страшного. Сейчас пойду и сфотографируюсь ещё раз. Подумаешь, неделей раньше, неделей позже.

Но фотографироваться, к счастью, ей не пришлось, поскольку она сразу же нашла свои фотографии.

– Как же ты смотрел? Я сразу нашла их.

– А ну-ка дай посмотрю. Да это же не ты.
– Как это не я? Любочка, что он говорит?
Скажи ему.

– Что хотите говорите, а пенсию тебе по ней не дадут.

– Почему это не дадут, Миша?

– А потому, что это не ты!

– Я!

– Нет. У тебя нет такой кофты.

– Люба! Так он меня по кофте искал, а не по лицу.

– Почему я не знаю, что у тебя есть такая кофта? Ты мне её не показывала. Я её не видел.

– Папочка, я и тебе подарок привезла.

Люба побежала в свою комнату за подарком отцу. Она знала его характер, и ей совсем не хотелось его обидеть. Вывалив всё из сумки,

она схватила рубашку и дорогую электробритву. Не вытаскивая из упаковок, она положила подарок перед отцом и хотела обнять и поцеловать его, но жёсткая отцовская рука отстранила дочь.

– Хороша ложка к обеду. Наливай, мать.

После третьей стопки сердце Михаила отошло. Он всё искоса посматривал на подарок. Рубашка ему уже понравилась, а о такой электробритве, которую рекламируют по телевизору, он давно мечтал.

– Миш, давай посмотрим подарок.

– Ну давай.

В новой рубашке, которая ему была в самый аккурат, уже без обиды, под общий хохот он ещё не раз рассказал, как искал фотографии Лиды.

Юрий КОВАЛЬЧУК,

г. Новая Каховка – г. Донецк, ДНР – г. Луганск, ЛНР

Журналист. Участник ополчения города Краматорска. Военный корреспондент. В 2017 году попал в плен и был осуждён на 5 лет за участие в боевых действиях на стороне ополчения. После обмена из украинского плена проживает в ЛНР. Автор сборника рассказов о событиях на Донбассе в 2014 году.

ЛИКА

* * *

– ...Вот, значит, появилась эта польская снайперша. Такая лютая была – просто спасу нет! Парни уже боялись до ветру сходить спокойно. Много она наших тогда перещёлкала – троих насмерть, ещё нескольких ранила. А что такое из снайперской винтовки ранение – это ж, считай, полноценный инвалид! Паренька одного так жалко – он у меня заряжающим

был, – прямо в каску ему вцепила. А что такое эти старые советские каски? Ими разве что удобно землю копать или воду черпать. Можно в них как в ночной горшок ходить, но человека они особо не защищают. Так, самоуспокоение. Это ж не кевлар... В общем, Поэт вкрай озверел и дал указание эту снайпершу уничтожить во что бы то ни стало. Только она хитрая была – сколько ни минировали, растяжки ни ставили, а ничего ей сделать не могли. Видать, она ещё

где-то в Чечне налабалась. В итоге Поэт дал приказ поставить на круглосуточное боевое дежурство Зушку. Знаешь, что это такое?

Ли́ка отрицательно помотала головой. Туман махнул рукой на небольшое орудие с двумя стволами, установленное в кузове грузовика, сплошь усеянного ржавыми пулевыми отверстиями.

– Вон, с двумя стволами. Сильная штука – 2000 выстрелов в минуту делает и калибр там солидный. Так что, когда в очередной раз наша полька пришла пацанов отстреливать, только она успела один разок выстрелить, бойцы в том направлении отработали, даже не целясь. Выложили весь боекомплект. Мы потом ходили смотреть, так там ничего бы не выжило – от снайперши одни какие-то клочки остались. Даже документов не нашли, а жаль...

Туман высосал из окурка последнюю порцию дыма и щелчком отшвырнул его в сторону. Потом усовестился и сбегал потушить, чтобы не занялась сухая трава. Снова тяжело опустился на скамейку рядом с худой и сосредоточенной Ликой.

– А ты чего, дочка? Пошла бы себе в медсёстры – у нас постоянно нехватка, да и раненых полно. Всё лучше, чем снайпером, – это наука непростая, да и опасная.

Ли́ка поморщилась.

– Вы знаете же, что тут всё опасно. И в медсанбате опасно – я когда в «семёрку» просилась, там как раз рядом с медицинской палаткой две мины упали и фельдшера насмерть убило, а двух медсестёр покалечило. И в городе опасно...

Она осеклась.

– Я воевать хочу, а кроме как в снайпера никто меня не возьмёт. Я сильная и терпеливая, выносливая. Стреляю с детства – отец меня учил, а потом в тир ходила частенько. Мне не привыкать. Вы, главное, мне поверьте, а я не подведу... Убью, сколько успею...

Туман посмотрел на неё своими круглыми птичьими глазами, спрятавшимися в растрёпанных гнёздах седых бровей. Потом потянулся за новой сигаретой. Досадливо плюнул, поняв всё.

– Убили кого?

Ли́ка коротко кивнула. Отвернулась, чтобы высушить глаза.

– Мужа и сына. Родных больше никого...

Туман деликатно отвернулся и сделал вид, что пристально изучает рацию. Сопел и кряхтел с минуту, а потом, напустив на себя безразличный вид, встал и кивком головы увлёк Ли́ку за собой в холодное кирпичное здание недостроенной школы.

– Ладно, сейчас пойдём – постреляем. Если действительно хорошо будешь работать, то я тебя возьму. У нас как раз СВД свободная есть – выгнали одного красавца за синее дело. Был снайпером-героем, теперь в роботах.

Ли́ка с непониманием посмотрела на Тумана.

– Это что такое?

– Да что-то типа штрафбата. На передовой искупают – окопы роют, блиндажи строят. «Двухсотых» подбирают. Иногда, если особо тяжкие провинности, могут и на разминирование отправиться. Полезные люди, хотя и бестолковые.

– А на разминирование за что?

– Ну, всякие случаи бывают. Недавно одного майора милиции отправили – он, гад, наркомбесов крышевал. Был ещё один придурок, который напился и спьяну застрелил товарища... В общем, бывает такое, что попадается нечисть – люди-то разные.

Ли́ка с пониманием кивнула. Приняла из рук Тумана тяжёлую и длинную снайперскую винтовку, едва пахнущую машинным маслом. Сначала осторожно, а потом всё более уверенно обследовала затворную часть. Прицелилась...

Туман засмеялся.

– Это тебе не кино про техасского рейнджера. Стрелять надо лёжа, а то дух вышибет или сломает твои нежные косточки.

Он достал несколько пачек патронов в вощёной бумаге:

– Пойдём, постреляем.

Ли́ка рассовала патроны по карманам, взяла винтовку двумя руками и засемила за Туманом...

* * *

Первые недели службы были утомительны бессонницей и спорадическими перемещени-

ями по степи. Командование бросало подразделение, к которому прикомандировали Лику, из одного безмолвного посёлка в другой, с террикона на террикон, от моста к мосту, но всё было бесполезно. Ожидалось то ли масштабное наступление, то ли одиночный прорыв – никто ничего толком не знал, и порой Лике казалось, что командование просто играет в войну, двигая, как игрушечными солдатиками, живыми людьми.

Она не роптала и никогда не выказывала недовольства. Молча сосредоточенно выискивала оптимальную позицию для лёжки. Маскировалась, как умела, а потом сутки напролёт, под палящим степным зноем и в ночную донбасскую стужу, лежала, внимательно всматриваясь в зрачок оптического прицела, выискивая врага.

Бойцы её полюбили. Вначале пытались «замолаживать» с ней, отпускали солёные шуточки, скалясь жёлтыми от крепкого чая и скверных белорусских сигарет зубами. Она не реагировала, но и агрессии не проявляла. Если шутка её не касалась, тихо смеялась, как будто издали звенел колокольчик. Её сосредоточенное спокойствие, скромность и неприхотливость всем нравились, и вскоре ополченцы начали «братъ над ней шефство». То здоровенный Пуля во время марш-броска молча отбирал у неё винтовку, шутя забрасывал на плечо и нёс долгие километры, несмотря на то, что и так был обвешан выстрелами для РПГ. То Кок втихомолку подсовывал ей сверх нормы пайку сгущённого молока, а потом долго и обстоятельно ругал фашистов: у него пропала без вести дочь; скорее всего, погибла. Сообща ополченцы справили своей снайперше удобный и лёгкий спальный мешок защитного цвета. В общем, заботились – как могли.

В своём деле Лика поднаторела быстро. Конечно, была значительная разница: стрелять в тире по бумажным и жестяным мишеням или же с папой на охоте по глупым фазанам было совсем иначе – здесь приходилось выцеливать крохотные человеческие фигурки. Вначале ей казалось, что будет тяжело выстрелить в живого человека, но потом, когда впервые поймала в перекрестье прицела лениво потягивавшего-

ся вражеского солдата, она сработала чётко и холодно, как механизм.

Первый её враг ушёл, зато уже на следующий день она сняла вальяжно покуривавшего артиллериста. Потом была дуэль с не слишком умным снайпером, продлившаяся почти двое суток. Врага погубило курение – Лика вычислила его по едва заметному табачному дымку и вмиг излечила от вредной привычки. Потом были новые и ещё новые – измождённая бессонницей, уставшая от постоянной охоты, она перестала считать свои жертвы. Желала только одного – забрать с собой как можно больше фашистов, прежде чем обрыдшую ей жизнь завершит мина или снаряд противника.

Дни были молниеносно неузнаваемы снаружи и утомительно однообразны внутри, но однажды давно обещанное наступление наконец началось. Подразделение, в котором служила Лика, оказалось на переднем крае обороны. Командование, как водится, узнало обо всём в самый последний момент и начало отдавать противоречивые приказы, когда разрозненные группы ополчения одна за другой уже принимали бой.

Лику боестолкновение застало на боевом дежурстве. Она открыла огонь по солдатам противника, жалея, что взяла слишком мало патронов. Много стрелять не пришлось – неподалёку от её лёжки разорвался снаряд, и девушка потеряла сознание.

Когда сознание вернулось, Лика с ужасом поняла, что она погребена заживо под рыхлой, пахнущей сыростью землёй. В панике она забилась, как птица, пытаясь прорваться к воздуху и солнцу, и тут же её ногу, а вслед за нею бедро и потом всё тело пронзила боль настолько сильная, что на несколько минут она вновь потеряла сознание. Очнувшись, Лика застонала от невыносимой муки. До крови кусая пересохшие губы, она выползла из-под присыпанного её грунта и недолго отдыхала, закрыв глаза и глубоко дыша. Потом собралась с духом и посмотрела, как заглядывают в дурманящую бездну, в эпицентр боли.

Левая нога ниже колена была покрыта липкой массой, состоявшей из земли и крови. Ступня лежала немного сбоку, соединённая с

остальной конечностью грязно-бурым куском мяса. Лику вырвало, и она снова потеряла сознание, но быстро пришла в себя. Умирать что-то перехотелось, а значит, нужно было собрать волю в кулак и действовать. Время от времени впадая в беспамятство, она полностью отрезала ступню. Потом добыла из мародёрки – кармана на спине – аптечку, вколола себе антишоковый препарат, остановила кровь и наложила повязку.

Тем временем стало вечереть. Лика, немного придя в себя после обезболивающего укола, попыталась оглядеться вокруг, но высокая трава мешала обзору, а встать она не могла. Где-то вдалеке зычно ухали пушки, но чья это была артиллерия и где она находилась, Лика не могла определить. Оставаться на месте не имело смысла, и девушка осторожно стала ползти в сторону лагеря.

Перемещаться было невероятно сложно – жёсткие волокнистые стебли трав драли на ней китель, резали руки, цеплялись за снайперскую винтовку, которую Лика решила взять с собой, и не хотели отдавать. Резкие движения вызывали приступы непереносимой боли и тошноты. Время от времени она теряла сознание, но продолжала упорно двигаться вперёд до тех пор, пока, взобравшись на небольшой пригорок, не убедилась в том, что лагеря больше нет.

Издали она видела, как между дымящихся остовов транспорта и сгоревших палаток бродят украинские солдаты. Вот один остановился, наклонился над чем-то, невидным в густой поросли, потом выпрямился, снял с плеча автомат и несколько раз выстрелил.

«Раненых добивают!»

Эта мысль отключила боль, здравый смысл и чувство самосохранения. Не колеблясь, Лика зарядила винтовку, заняла удобную позицию и прицелилась. Она успела снять двоих, прежде чем противник разобрался, с какой стороны ведётся огонь, и открыл ответную стрельбу. Девушке удалось убить или ранить ещё одного, прежде чем пули начали в буквальном смысле свистеть над её головой. Телом она чувствовала вибрацию, когда несколько пуль вошло в землю рядом с её рукой.

Вероятно, через несколько минут Лика была бы мертва, но в этот момент по недавно

занимаемым позициям ударила артиллерия ополчения – видимо, кто-то из бойцов успел вызвать огонь на себя, а может, сработала разведка... На несколько минут воздух наполнился грохотом, землёй и огнём – как будто неведомый гигант охаживал просеку огромной дубиной. Лика переждала обстрел, уткнувшись лицом в землю. Она разглядывала маленького муравья, сражавшегося на куске сланца с крыльшком стрекозы. Муравей ничего не знал ни о Лике, ни о том, что буквально в нескольких сотнях метров от него великан что есть сил лупит по земле палицей. Для муравья всё это было очевидной бессмыслицей, потому что в его мире не было ничего подобного.

* * *

Лика лежала и лениво смотрела, как плавает в белом мареве больничной палаты плоская таблетка светильника. Культя ужасно чесалась под бинтами, и она пыталась отвлечься, но это не всегда удавалось.

– Что, когда твой красавчик придёт?

Лика медленно повернулась и поглядела на Светку – соседку по палате, умудрившуюся в разгар войны сломать ногу, катаясь на роликовых коньках.

– Мне всё равно. Вот если бы он мне ногу почесал или какой-то отравы уколол, был бы он мне самый лучший человек на планете. А пока мне не до него.

Она вновь принялась медитировать на таблетку светильника.

– Ой, как будто я ничего не вижу – как вы друг на друга смотрите...

Светка, приподнявшись на локте, подождала ответа, но потом устала и улеглась, стала что-то набирать в телефоне.

– Я как живой мертвец. Лежу в этом склепе, как сушёная стрекоза в коробке с ватой.

Лика лениво улыбнулась своим мыслям, представляя у себя под спиной распластанные на больничной кровати прозрачные перепончатые крылья.

– Всегда было интересно – вот в фильмах про зомби, когда они заражают остальных людей, что было бы, если бы все стали такими же

мёртвыми? Вот если они всех-всех уже перекусают и уже некого будет пожирать, то есть совсем нормальных не останется, – что тогда они будут делать?

Будут бесцельно бродить по планете, постанывая: «Мозги»? Станут слоняться и ловить сусликов, пока в них окончательно не кончится завод, который им накрутил Бог? Что вообще с ними станет, если жизнь в нашем традиционном понимании исчезнет? Что, если то, что мы считаем смертью, станет их жизнью?

Может, они так пошатаются, а потом со скуки начнут строить собственное общество? Такое себе общество всеобщей зомби-демократии и зомби-справедливости...

Лику вновь улыбнулась. Ей представился экс-президент в роли зомби, призывающий к скорейшей интеграции в дружную семью европейских народов-зомби.

– Может, они просто сменили бы нас, людей, а потом начали бы жить какой-то своей жизнью? Наверное, понятной для нас, а может, и не очень. Кто знает, что такое на самом деле смерть? Кто это знает? Вот я думала, что я уже умерла, а как потом хваталась за своё паскудное существование... Как тащила по степям за собой винтовку и свою укороченную ногу... Как старательно ползла, потом – операции, теперь здесь лежу.

Может быть, ещё рано умирать, даже если кажется, что внутри всё умерло и ничего живого в тебе уже не осталось. Может быть, есть

какая-то ещё жизнь, пусть и совсем другая, но не обязательно совсем уж чужая...

– О чём вы так сосредоточенно думаете?

В дверях палаты стоял «красавчик» – доктор, делавший Лике операцию.

– Думаю о том, могут ли зомби построить демократическое общество и есть ли жизнь после смерти.

Светка прыснула на соседней кровати. Доктор тоже улыбнулся, но тут же напустил на себя серьёзный вид. Подошёл и стал осматривать дренаж. Потом посмотрел на Ликю и улыбнулся.

– И что вы думаете? Есть там жизнь?

Лику внимательно посмотрела ему в лицо, а потом улыбнулась в ответ.

– Я не знаю. Но думаю, что это можно проверить. **А**

УКОЛ «РАПИРЫ»

РАССКАЗ

Андрей Степанович проснулся с первыми лучами от очередного утреннего гроыхания артиллерии. Громовые раскаты пушек и систем залпового огня на окраинах города стали теперь ежедневной и ужасной нормой жизни осаждённого Луганска. Он подошёл к окну и посмотрел на безлюдную улицу, где кроме бродячих собак не было ни души. Эхо псинаго лая, разрывая июльский рассвет и отталкиваясь от бетонных стен многоэтажек, каскадом летало над кварталом. Андрей Степанович стоял у окна и смотрел с высоты восьмого этажа на посечённые осколками кроны деревьев. Накануне рядом с его домом разорвался снаряд, и огненные жала впились в абрикосы, которые он посадил много лет назад. По весне деревья расцветали первыми, рассыпая снежную россыпь цветов и радуя глаз после зимних холодов, а потом щедро одаривали пахучими сладкими плодами всех жильцов его дома. Теперь дорогие абрикоски понуро стояли с изломанными ветвями и, как показалось Андрею Степановичу, плакали. Осколки снаряда огненно прошипели сквозь хрупкие ветви деревьев,

вееером разлетелись во все стороны, облизали стены, влетая в окна квартир, пробивая и щедро выкусывая куски бетона панелей дома вплоть до шестого этажа. Верхним этажам досталось поменьше, но несколько небольших осколков долетело и до квартиры Андрея Степановича. Один осколок насквозь пробил двойной стеклопакет окна и на излёте упал на пол, ещё несколько застряли в раме. Колючий кусочек железа как подарок от украинских братьев теперь он хранил в своём кармане.

Андрей Степанович наскоро позавтракал, выкатил из коридора своего железного коня, просунул в раму велосипеда плечо и грузно зашагал вниз по лестничному маршу. Обесточенный лифт давно застрял между этажами, поэтому, идя на работу, приходилось на себе таскать велосипед.

С началом активных боевых действий вокруг Луганска город стал практически парализован и обезлюдел, редкие маршрутки и такси в светлое время суток проезжали по улицам, соединяя районы, но в основном теперь повсюду гроыхала военная бронетехника, тяжёлые

«Уралы» и КамАЗы ополчения. Больше недели в шахтёрский посёлок Юбилейный не ходил общественный транспорт, и пожилой горняк, механик стационарных установок Андрей Степанович Кондауров каждый день по пять километров крутил педали до шахты «Луганской».

На площадке пятого этажа на корточках сидел сосед и курил.

– Привет, Степанович. Ты всё продолжаешь ездить на шахту?

– Здорово, Юрка. Что поделаешь, воду качать нужно. Затопит кормилицу – потом кто шахту восстанавливать будет?

– Её хоть так, хоть иначе затопит.

– Типун тебе на язык!

– И как ты не боишься, Степанович, ездить по посадкам и полям? Ненароком пристрелят, если не «нацики», так ополченцы могут долбануть.

– Устал я бояться, Юрка, а шахту до последнего не брошу, тебе же, оболтусу, может быть, ещё придётся поработать.

– Наверяд ли, я с заместителем главного инженера Петровым вчера разговаривал, так он говорил, что шахтнюю подстанцию разбомбили, обесточена твоя кормилица, всё встало: и подъём, и вентиляция, и водоотлив... Людей с третьей смены ночью через «Машинку» выводили из шахты. Ты что, не знаешь?

Андрей Степанович снял с плеча велосипед.

– Не бреши.

– Вот тебе и не бреши! Не веришь, поезжай сам посмотри...

Кондауров отработал на шахте больше тридцати лет и давно был на пенсии, но продолжал трудиться. Он был мастером своего дела, и руководство предприятия ценило его как знающего и добросовестного специалиста. Полный кавалер «Шахтёрской славы» давно подготовил себе смену, но шахта тянула, не отпускала старого шахтёра. Жена, частенько вздыхая, говорила, что пора бы угомониться, но Андрей Степанович отмахивался: «Ещё малость поработаю, а там видно будет...»

Так он и встретил гражданскую бойню четырнадцатого года на посту механика стационарных установок, на плечах Кондаурова

были практически все агрегаты жизнеобеспечения шахты.

Андрей Степанович с тревогой в сердце напрямую ехал по грунтовой дороге в сторону предприятия. Из-за посадки выглядывал копёр, стометровая башня, которую венчала огромная красная звезда, упираясь в небо. Солнце устало высывалось из-за горизонта, и утренний птичий гвалт в зарослях посадки постепенно утихал в прохладной свежести. Совсем скоро вся округа заполнится жаром июльского дня, птицы спрячутся в тенистых кронах и степь укроет знойным маревом.

«Дождик бы надо...» – подумал Кондауров. Почти из-под самого колеса велосипеда вылетели две куропатки и, описав дугу, упали в придорожную траву. Степанович от неожиданности нажал на тормоза, заблокированное колесо с шипением, поднимая пыль, проползло по грунтовой. Дорога в этом месте расходилась, одна колея шла к оврагу, а другой рукав наезженно-го пути, огибая пригорок, вился среди кустов шиповника и упирался в пахотное поле, а затем поворачивал к широкой лесополосе. Андрей Степанович увидел, что со стороны оврага выехали три бортовых «Урала», машины тащили длинноствольные пушки. Колонна подъехала к развилке и остановилась. Кондауров оттащил велосипед в сторону и посмотрел на сидящих в кузове бойцов. Это были ополченцы. Неплохо экипированные, вооружённые автоматами солдаты также смотрели на Степановича, не совсем понимая, что он делает здесь с раннего утра. Из кабины высунулся бородатый мужик, облачённый в бронезилет поверх тельняшки.

– Дед, ты что здесь катаешься?

– На шахту еду, на работу.

– Какая работа, «нацики» к Юбилейному прорвались! Ты бы ехал от греха подальше домой.

– Не могу, мне на шахту надо...

Ополченец махнул рукой, и тягачи, тяжело урча двигателями, с трудом вписались в развилку, примяв колёсами противотанковых пушек МТ-12 «Рапира» придорожные кусты, запылили в сторону шахты. Андрей Степанович минуту подождал, пока осядет пыль, запрыгнул на велосипед и поехал следом за пушкарями.

Кондауров крутил педали и думал: «Неужели и правда шахту обесточили? Беда! Центральный водоотлив и так захлёбывался на одном насосе, сегодня нужно сальники поменять на резервном. Срочно нужно поменять... Тьфу ты! Какие сальники, если вся шахта без электроэнергии! Да, беда! Вот и заползла война в город. Что же будет теперь?..»

Он ещё месяц назад отправил детей и внуков в Россию, уехала с ними и жена Полина. Как ни звала она Степановича, как ни причитала, но Андрей Степанович стоял на своём: «Не брошу я шахту! Всё, точка! Да и за квартирой присмотр нужен. Утихомирится, и вы назад приедете...»

«Не утихомирится, вот увидишь, что не утихомирится!» – смахивая слезу со щеки, говорила жена.

«Видать, права была Полина, не утихомирится...» – мысленно рассуждал Кондауров.

За широкой посадкой на окраине посёлка, в километре от шахты, в поле между двух бу-

горков знакомые Андрею Степановичу пушкари разворачивали орудия. Кондауров проехал мимо позиции. Артиллеристы, не обращая внимания на велосипедиста, занимались своим делом, выкатывали пушки на танкоопасное направление, разгружали ящики со снарядами, окапывались.

Андрей Степанович не знал, что несколько десятков украинских танков вчера подошли к обороне ополченцев, тяжёлая техника наступала на Луганск с западного и юго-западного направлений, огибая шахтёрский посёлок. Севернее, в районе Александровска и Металлиста, шли позиционные бои. Жарко было и на южной окраине областного центра, в Георгиевке и Роскошном. Готовился штурм города. Украинские силовики отрезали все дороги на Донецк, чтобы оттуда защитникам Луганска не пришлось подкрепление. Оставалась единственная дорога на Краснодон, которую укронацисты также пытались перерезать в районе Новосветловки и Хрещеватого. Одним словом, положение защитников города было критическим.

Противник атаковал блокпосты, прикрывающие входы в город, ночью украинские силовики разрушили заслон на подступах к посёлку Юбилейный, и танки вплотную вышли к шахте. Штурмовые группы украинских силовиков проникли на территорию угледобывающего предприятия и на копре «Луганской» оборудовали наблюдательный пункт, там засел артиллерийский корректировщик. С высоты стометрового шахтного копра до самого центра столица Луганской Народной Республики была как на ладони. Начался методичный обстрел города. После удачной ночной атаки «укры» по какой-то причине не стали продвигаться в глубь Луганска, они рассредоточились и остановились.

Кондауров подъехал к шахте со стороны частных гаражей, у бетонного забора автостоянки его затормозили ополченцы.

– Батя, ты куда прёшь, с ума сошёл?! – Схватил Степановича за плечо боец.

– На шахту...

– Какая шахта тебе, «укропы» там, очумел, что ли, старик? Ложись, снайпер работает.

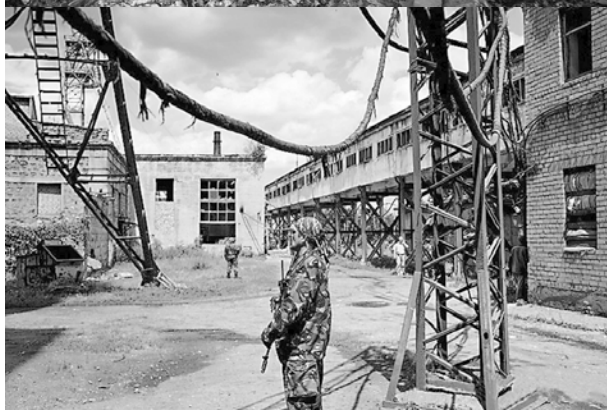
Андрей Степанович бросил велосипед и присел у забора рядом с ополченцами. Недалеко от шахтной столовой и комбината с неистовым шипением упало две мины, раздались оглушительные взрывы.

– Ус, Индеец, вперёд! – подал команду старший.

Ополченцы перебежками, огибая здание столовой, добрались до комбината, за ними в здание ворвалось ещё пятеро автоматчиков и гранатомётчик. Кондауров оказался в самом эпицентре огневого боя.

– Батя, лежи здесь пока и не рыпайся, понял? – сказал ополченец и побежал вслед за бойцами.

На шахтном дворе и в районе лесного склада началась интенсивная стрельба из автоматического оружия, звуки очередей постепенно откатывались в сторону обогатительной фабрики. Со стороны посёлка к шахтной стоянке подъехали два бронетранспортёра, десант ополчения быстро спешил и рассредоточился на территории предприятия. БТРы проехали дальше по асфальту к часовенке и ударили

из крупнокалиберных пулемётов по верхнему этажу шахтной конторы, со стен здания посыпались стёкла и облицовочная плитка. Протяжное эхо тяжёлой очереди на некоторое время заглушило автоматную стрекотню, с окон второго этажа комбината повалил густой дым. Одна бронемашина, проломив забор у обогатительной фабрики и скрываясь за бетонными стенами недостроенного здания, открыла огонь из башенных пулемётов в сторону лесного склада. Бой постепенно откатывался к электроаппаратному заводу.

Андрей Степанович перетащил велосипед за забор автостоянки и осторожно выдвинулся в сторону механического цеха. Он прошёл мимо подстанции. Истерзанное ударом вчерашнего авианалёта и артиллерии здание изрыгало зловоние горящего масла, дымили трансформаторы. Оборванные высоковольтные провода гирляндами свисали с металлических опор и изоляторов. Кондауров добрался до своей мастерской в здании механического цеха. Он вошёл в нарядную и столкнулся в дверях с Барсуковым, слесарем участка Андрея Степановича.

– Степанович, ты как здесь оказался?

– Видишь, на наряд приехал, – хмуро улыбнулся Кондауров.

– Ну ты даёшь! – удивился Барсуков. – Тут такое творится, страсть!

– А ты, Иван, что на шахте делаешь? – спросил механик и подошёл к своему столу, на котором лежали новенькие сальники для насоса.

– На наряд пришёл! – попытался в такт отшутиться слесарь.

Кондауров хозяйски, даже с какой-то нежностью потрогал сальники и вздохнул:

– Не пригодились... Рассказывай, Иван, каким ветром тебя занесло на шахту.

Иван Барсуков жил в Сабовке, неподалеку от Юбилейного. Живописное село на берегу реки Белой несколько раз за последнее время подвергалось жесткому обстрелу с обеих сторон, практически все жители покинули насиженные места и разъехались кто куда, только Иван не оставлял своего подворья и говорил, что пусть его похоронят здесь, но он не бросит

дом и хозяйство. Барсуков присел на лавку, тяжело опустил голову и, смотря под ноги, прокручивая в голове пережитое, начал рассказывать о своих приключениях.

– Я ночью пришёл. Вчера в час дня на окраине Сабовки началась сильная стрельба. Ополчение отошло к Александровску. Я спустился в погреб, часа через два в селе появилась украинская пехота, они заехали в Сабовку, бронетранспортёрами выламывали заборы, врывались в дома. Жуть сколько много их было. Вели себя нагло, хозяйничали, грабили, но оставшихся жителей не тронули. Стояли недолго, уехали вдоль реки к мосту. Вечером бомбили шахту и блокпост ополчения на въезде в Луганск. Остаться в селе стало совсем опасно, и я пошёл в сторону Александровска, но там всю ночь громыхало, и мне пришлось повернуть к «Луганской». А сегодня утром и здесь началось, сам видишь, что творится... Степанович, не знаешь, под землёй людей нету?

– Скорее всего нет, слава богу. По моим данным, ещё вчера успели вывести всех через машинский блок.

– Что делать будем, Андрей Степанович?

– В Луганск пойдём, у меня пока перекантуешься, а там видно будет.

Хлопнула железная дверь, и в механический цех вошли ополченцы. Они внесли тяжело раненного в грудь бойца. Увидев шахтёров, старший крикнул:

– Мужики, помогите!

Кондауров и Барсуков подхватили ополченца и уложили его в нарядной на лавку. Раненый тихо стонал и был в сознании, он смотрел на Андрея Степановича гаснущими глазами. С бойца сняли разгрузку и бронежилет, Степанович ножом разрезал футболку и увидел, что пуля прошла сверху вниз чуть ниже левой ключицы и, раздробив лопатку, застряла в бронежилете. Кровь залила всю спину.

– Как больно... – прошептал ополченец, закрыл глаза и умер.

– Суки! – словно выстрелил, прохрипел старший.

В мехцех вошли ещё несколько бойцов. Кондауров накрыл убитого шахтёрской робой. Командир ополченцев, настойчиво выкрики-

вая позывные, пытался с кем-то связаться по рации. Краткие фразы с шипением вылетали из динамика, было понятно, что бой не закончился, а нарастал с новой силой.

– Повтори, не понял! – кричал старший.

– Танки, много танков... Бугор, как понял?

Приём!

– Откуда идут? Приём!

– Обошли троллейбусное депо и движутся в обход посёлка в сторону Луганска. Танки! Много танков! Приём! Как понял?

– Принял! Конец связи!

Командир с позывным «Бугор» беспокоительно, взад-вперёд вышагивал по большому листу железа, который лежал на бетонном полу механического цеха и шумно вибрировал. Его шаги издавали железный грохот шагающего великана, но ополченец не обращал на это внимания, продолжал нервно маячить, как будто специально наступая на играющий металлический лист. Бугор принимал боевое решение.

– Ус, бегом к нашим птурщикам, пусть тащат свои «балалайки» к троллейбусному депо, обеспечить им прикрытие!

– Понял, командир!

Бугор вошёл в нарядную. Кондауров сидел за столом, слесарь Барсуков зачем-то рылся в своём ящике, перебирая ключи и запчасти к разным шахтным механизмам. Командир ополченцев посмотрел на убитого товарища, который теперь тихо лежал на лавке, прикрытый рабочими спецовками. Бугор вздохнул и, глядя на Андрея Степановича, спросил:

– Мужики, попить есть что?

Кондауров достал из-под стола пятилитровую баклажку и налил в кружку воды. Ополченец залпом выпил и присел на стул рядом с механиком.

– Всё плохо, мужики, всё плохо, «укропы» прут...

Андрей Степанович не нашёл, что ответить ополченцу, и почему-то стал убирать со стола новые сальники, пряча их в ящик. Бугор включил рацию.

– Игла, Игла, приём. Игла, Игла...

– Игла на связи, – щёлкнуло в передатчике.

– Встречайте со стороны депо танки, много. Как понял? Приём.

– Видим! Встречаем! Приём.

– Держитесь, братцы! Конец связи...

Танки украинских силовиков, обходя посёлок Юбилейный, прорывались к южной окраине города, пытаясь соединиться с группировкой, которая наступала с юга на Роскошное. Стальную армаду встретили артиллеристы. В общей сложности на этом направлении наступало около пятидесяти машин. Удар пушек был неожиданным для противника. Удачно выбранная противотанкистами позиция не давала броне место для манёвра. В рядах наступающей, казалось, несокрушимой армады началась неразбериха, граничащая с паникой. Жалящие уколы батареи «Рапир» охладили пыл укронацистов. Пушки били во фланг колонны танков, не давая им развернуться по фронту. Три машины запылали в поле неподалёку от шахты «Луганской», ещё одна взорвалась около посадки, сдетонировал боекомплект, башня в огне и копоти дыма отлетела в сторону и упала в лесополосе. Начался пожар, горели деревья и сухая трава. Пылающие языки пламени, подхваченные степным ветерком, быстро поползли сквозь густые кусты, выбрасывая в небо клубы дыма. «Рапиры» не умолкая посылали снаряд за снарядом, беспощадно кололи броню. «Укропы» бросали повреждённые машины на поле боя и спешно уходили с линии огня. Ещё один Т-64 был подбит противотанковой управляемой ракетой, умело выпущенной ополченцами Бугра. Пулемётчики отсекали пехоту. Атака захлебнулась.

Броня начала отходить к автомобильной трассе. После грохота пушек наступила тишина. Противотанкисты, ожидая ответного артиллерийского удара, снялись с позиции и ушли в сторону Луганска. Украинский корректировщик, засевший на копре шахты, успел передать координаты батареи, но нерасторопность «укропов» сыграла на руку ополченцам, ракеты «Градов» густо легли между буграми, где ещё совсем недавно стояла батарея. Для украинских войск всё складывалось не в их пользу, с района александровских дач по масовому скоплению врага у трассы открыли огонь 120-е миномёты. Неся огромные потери в живой силе, «укропы» бежали в сторону

Весёлой Тарасовки, туда, откуда они пришли сутки назад. Теперь в отместку нацисты с невероятной злобой били дальнобойной артиллерией, 152-миллиметровые смертоносные болванки, выпущенные из гаубиц, полетели в жилые районы города.

Бойцы группы Бугра окончательно зачистили «укропов» на территории шахты, обогатительной фабрики и электроаппаратного завода. Получив передышку, ополченцы зализывали раны. На усиление подошёл взвод батальона «Заря». Раненых и убитых погрузили в машину и повезли в город. Бугор получил приказ ликвидировать вражеского артнаводчика, что гнезвился на копре, и установить там свой наблюдательный пункт.

Командир отобрал двух бойцов, поставил задачу: войти в башню копра и выкурить корректировщика. Кондауров вызвался идти с ополченцами в качестве проводника.

– Я каждый уголок копра знаю, командир, разреши и мне пойти.

– Давай, батя, показывай дорогу. Индеец, будь на связи, возьми гадёныша, только без фанатизма, осторожно. Понял?

– Сделаем всё как надо!

Андрей Степанович достал из ящика коногонку – шахтёрскую лампу – и прикрепил батарею к поясу. Своеобразная группа захвата вышла из механического цеха и направилась к стволу. Они вошли в башню грузового копра и осторожно стали подниматься по внутренним винтовым ступеням, минуя одну отметку башни за другой. Кондауров шёл первым, иногда подсвечивая бойцам дорогу на опасных участках лестницы. Они поднимались всё выше и выше. На отметке семьдесят пять метров Кондауров остановился.

– Скоро машинный зал подъёмных скиповых установок, – шепнул Степанович Индейцу. – Проход в зал с площадки лифта, затем железная дверь, дальше направо по глухому коридору вход в подъём, скорее всего там и засел корректировщик.

Зашипела рация:

– Индеец, приём.

– На связи.

– Доложи обстановку. Приём.

– Вышли к машинному залу.

– Нашли кукушку?

– Нет, но он где-то рядом...

В это мгновение над ополченцами и Кондауровым громко хлопнула дверь, из темноты донеслись шорохи шагов и раздалась автоматная очередь. Пули, высекая искры, рикошетом разлетелись в разные стороны. Андрей Степанович и ополченцы успели спрятаться за бетонным внутренним выступом башни.

– Эй, чудила, сдавайся! – крикнул Индеец.

– Иди сюда и возьми меня, если такой смелый! – раздалось сверху.

Индеец на звук дал две короткие очереди, внутри копра запахло пороховыми газами и жжёным металлом.

– Так мы его не возьмём, нужно что-то придумать.

– Давай я с ним поговорю, – предложил Кондауров.

– Что с этой гадиной говорить, гасить его надо! Но как? – откликнулся второй ополченец с позывным «Мастер».

Андрей Степанович, осторожно выглядывая из укрытия, направил луч коногонки вверх в сторону площадки лифта. По-шахтёрски, как это делают под землёй горняки, подавая сигнал опасности, частыми штрихами очертил вход в машинный зал.

– Эй, солдатик, слышишь меня? Я старый шахтёр и без оружия, давай поговорим. Слышишь?

– Кто там вякает?! Я всё равно не сдамся! Попробуйте взять!

– Солдатик, слышишь? Меня зовут Андрей Степанович Кондауров, я работаю механиком на этой шахте. А тебя как величать?

Корректировщик молчал, Кондауров после минутной паузы продолжил говорить:

– Послушай, что скажу. Умирать-то никому не хочется, хватит стрелять, выходи, тебя не тронут. Мы все вверглись в пучину братоубийственной войны, и чем дальше мы будем сеять боль и смерть, тем больше и глубже между нами будет расширяться пропасть злобы и ненависти...

– Ты, проповедник, как тебя там, Кондауров, я офицер украинской армии и защищаю свою родину, я давал присягу и готов умирать,

выполняя приказ. А вас, путинских «ватников», мы всё равно сотрём с лица земли, вы вторглись на мою землю и хотите разорвать Украину, но у вас ничего не получится – это я говорю, капитан Нефёдов!

– Нефёдов, ты же русский, как я понял, неужели у тебя совсем мозги набекрень? Какой я путинский «ватник»? Я тридцать лет проработал на этой шахте, а вы её, кормилицу, бомбами! Вот со мной ещё двое, как ты говоришь, «ватников», местных молодых хлопцев. За что вы их пришли убивать? И говор у тебя наш, луганский. Откуда родом, Нефёдов?

– Да, я родился здесь, в Луганске, и школу здесь окончил, и поэтому я должен освободить город от террористов и сепаратистов, пощады вам не будет! Запомните это!

– Так ты, Нефёдов, поэтому и наводишь пушки на школу свою, поэтому и загнал земляков своих в подвалы? Поэтому и убиваешь стариков, женщин и детей?

– Не дави на слезу, старик, город практически пустой, все нормальные люди уехали, а кто остался, значит – сепаратист, «ватник» и террорист!

– И я террорист? И десятки тысяч мирных жителей Луганска тоже все террористы?

Корректировщик молчал.

– Мать-то где твоя, Нефёдов?

– В Харькове. И семья моя в Харькове, там мы в зародыше придушили сепаратистов и здесь придушим вас!

– А если бы здесь твоя матушка была, тоже пулял бы по городу?..

Корректировщик молчал. Кондауров хотел было уже выйти из укрытия, но Индеец его остановил:

– Батя, не надо, не рискуй.

Андрей Степанович посветил лампой вверх.

– Нефёдов, выходи, я гарантирую, что тебя никто не тронет...

– Зачем мне твои гарантии, сейчас вызову огонь на себя и погибну как герой, но и вас, «колорадов», уничтожу!

– Капитан, за кого ты собираешься погибнуть как герой, за американцев, за киевскую хунту, которая расстреляла майдан и совер-

шила переворот, сожгла Одессу, второго июня разбомбила центр Луганска, за продажных ворюг, которые довели страну до такого мрака, за них?

– За вильну Украину!

– Но и мы тоже за свободу, мирную жизнь, за любовь стоим! Нужно говорить, договариваться, нужно понять друг друга, а не стрелять... Капитан Нефёдов, слышишь? Мы же одной крови, мы же русские!

– Я украинец!

– Послушай, капитан, мой отец Степан Кондауров воевал с фашистами плечом к плечу с украинцами, грузинами, татарами и десятками других национальностей и победил, а дед по матери, Иван Скоробогатько, настоящий украинец, погиб на Галичине от рук бандеровцев, но я же не пошёл мстить за деда своего, не пошёл бомбить их города, а ты пришёл убивать своих земляков, одноклассников, соседей... Неужели так трудно понять, что эта война самая гадкая из всех войн, которые когда-либо были на земле?

Твои деды, капитан, наверняка также проливали кровь, корчюя фашизм во время Великой Отечественной. Что бы ты им теперь сказал, когда на шевронах ваших нацистская свастика? Что бы ты им сказал, Нефёдов?

– Я не нацист, я украинский офицер...

– Степанович, хватит с ним базарить, бесполезно, – шепнул Кондаурову Индеец. – Нужно его выкуривать, зря тратим время.

– Подожди, дорогой, видишь, он пошёл на контакт, нужно додавить. В лоб его не взять, у него позиция такая, что положит всех нас здесь...

Хрипнула рация. Индеец присел на ступеньку лестницы и вышел на связь.

– Бугор, приём! Приём!

– Индеец, слышу, на связи. Что там у вас?

– Забаррикадировался, гад! Матёрый, не подойти.

– Что собираетесь делать?

– Не знаю. Степанович с ним ведёт переговоры, но я вижу, что бесполезно, «укроп» конченный, «нацик», сдаваться не собирается.

– Где он сидит?

– В машинном зале подъёма. Это почти в самом верху копра, там, где застеклённая часть башни. Приём.

– Ничего не предпринимайте, на рожон не лезьте. Будем думать. Конец связи...

Батарея противотанковых пушек «Рапира» ушла из-под обстрела, пушкари обогнули яр и по полям, объезжая посадки, выдвинулись на новую позицию недалеко от перекрёстка технологической дороги на машинский блок шахты «Луганской». Развернули орудия, определяя предполагаемый сектор огня. Слева они перекрыли направление в сторону посёлка Ленинский, справа хорошо была видна башня копра шахты, по фронту контролировали асфальтированную технологическую трассу к породному отвалу.

За спиной артиллеристов лежало в солнечной красоте огромное поле цветущего подсолнечника. Пчёлки мирно трудились, перелетая с одной шляпки на другую, быстро набирали на мохнатые лапки сладкий нектар и, тяжело стартуя с широкого аэродрома жёлтого цветка, улетали к своим ульям. За спиной ополченцев в тревожной июльской дымке лежал осаждённый город. И казалось, что это поле, и посадки, и широкие девственные просторы луганской степи, и лазурная глубина небес отбивают поклон защитникам трудового Донбасса. Протяжную песню жаворонка, порхавшего высоко в небе, не могли заглушить лягз тяжёлых танков, взрывы мин, снарядов и гул самолётов, как не заглушить биение пылких сердец простых людей, вставших стеной с непоколебимой верой в правду, на пути поползновения зла и ненависти...

– Игла, Игла, ответь, вызывает Шахта! – вышел на связь с артиллеристами командир ополченцев.

– Игла на связи. Приём.

– Нужна помощь, не можем взять корректировщика, бес сидит на копре. Ориентир – застеклённая верхняя часть башни. Пришли «поросёнка»!

– Бугор, понял, поможем. Приём!

– Игла, по команде «Есть!», там рядом наши, не промахнитесь. Как понял? Приём.

– Понял, ждите готовность.

Командир батареи посмотрел в бинокль на копёр шахты, до неё было чуть больше двух километров по прямой, комбат установил даль-

номер и точно вычислил дальность и горизонтальные углы, взял планшет и сделал нужные расчёты.

– По местам! – дал команду комбат.

Старший по батарее вскочил на ноги и во всё горло на всю батарею продублировал приказ. После повторной проверки дальности, угла возвышения и других тонкостей прицельной стрельбы комбат для надёжности посмотрел в панораму и вызвал шахту на связь:

– Шахта, Шахта, это Игла, ответь!

– Бугор на связи. Приём.

– Игла, готовы!

– Есть!

– Бугор, принял! Высылаем «хрюшку»!

Командир батареи дал команду:

– Первому: прицел восемь-пять! Доворот семь-пять! Фугасным! Один снаряд!

Командир орудия следом повторял команды расчёту. Номера принялись за дело. Наводчик поставил доворот и прицел. Замковый открыл затвор орудия, наводчик поднял ствол пушки, совмещая риски прицела и ствола. Ящичный выхватил нужный снаряд, обмахнул «поросёнка» тряпкой и передал подносчику. Установили взрыватель снаряда на фугасное действие.

Командир орудия, наблюдая за быстрой работой расчёта, поднял руку вверх, подал знак готовности и крикнул:

– Первое готово!

– Первое, выстрел! – крикнул старший по батарее.

– Орудие, выстрел! – опустил руку командир первого орудия.

– Выстрел! – крикнул наводчик и резко нажал рычаг спуска.

Пушка подпрыгнула, и в сторону башни шахтного копра полетело жало «Рапиры». «Укол» оказался точным: пробив остекление машинного зала подъёма, 100-миллиметровый фугасный снаряд разорвался внутри здания...

После связи с артиллеристами Бугор был в невероятном напряжении, переживал, вдруг пушкари не попадут в цель. Он посмотрел на Барсукова. Слесарь всё слышал и невнятно произнёс:

– Там же дорогостоящие машины, кто восстановивать всё это будет?

– Там засел враг, там наши бойцы и твой механик под прицелом у этого подонка, который наводит на город и шлёт смерть. Это война, мужик! А железки твои восстановим, после того как уничтожим эту мразь! Ты понял?! – завёлся Бугор.

– А я что, я так, к слову, – испуганно промямлил Барсуков.

Командир ополченцев уже не слышал оправдывающегося слесаря, вызвал Индейца:

– Башня, приём! Индеец, ты слышишь меня? Приём!

– На связи...

– Уходите вниз от машинного зала, как можно дальше! Как понял? Шлём подарок! Приём.

– Принято...

Кондауров, Мастер и Индеец, минуя несколько отметок копра, ушли вниз в безопасное место. Прошло несколько бесконечно утомительных и тревожных минут ожидания. И вот внезапно стометровая железобетонная башня копра шахты вздрогнула от оглушительного взрыва в машинном зале, в пролёты лестницы посыпались куски бетона, поднялась перемешанная с гарью тротила породная и угольная пыль. От клубов дыма и пыли внутри копра стало темно. Индеец и Мастер на ощупь медленно начали подниматься вверх. Входная железная дверь машинного зала была вырвана взрывной волной. Когда ополченцы вышли к подъёму, пыль и дым унесло сквозняком в разбитые проёмы окон. Стало светло. Первым

шёл Мастер. Они вошли в глухой коридор и добрались до зала. Мастер держал наизготове автомат, внимательно осматривая каждый закуток подъёма. Вдруг у редуктора подъёмной машины он увидел корректировщика. Окровавленный капитан лежал на кафельном полу и, зажимая в руке гранату, пытался подняться. В это мгновение Мастер крикнул:

– Граната! – И отпрыгнул в сторону.

Индеец молниеносно отреагировал и рыбой влетел в глухой коридор. Артнаводчик разжал кулак, отлетела чека, и раздался взрыв. Всё было кончено.

– Мастер, живой? – окликнул друга Индеец.

– Зацепило!

Из обеих ног Мастера текла кровь. Индеец подскочил к нему и стал оказывать помощь. В машинный зал подъёма вошёл Кондауров и увидел страшную картину.

На полу валялось то, что осталось от корректировщика, искалеченные, искорёженные уколом «Рапиры» агрегаты и механизмы подъёмных машин были забрызганы кровью, повсюду валялись стёкла, битый кирпич и куски бетона, ветер завывал в пробоинах копра, отпевая протяжно-занудную мелодию войны...

Андрей Степанович Кондауров грустными старческими глазами посмотрел на весь этот мрак и тихонько прошептал:

– И какой же ты украинец, капитан Нефёдов, ты же что ни на есть самый настоящий русский... ■■

Владимир КАЗМИН
Голицыно, 6 апреля 2019 г.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЧЕРЕЗ ГОДА

ИСТОРИЯ ЗНАЕТ МНОГО ПРИМЕРОВ, КОГДА ЧЕЛОВЕК ПОЛУЧАЕТ НАГРАДЫ ПРИ ЖИЗНИ, НО НЕ ВСЕГДА ЗАСЛУЖЕННО. ВО МНОГИХ ЖЕ СЛУЧАЯХ ОСОЗНАНИЕ ПОДВИГОВ, СОВЕРШЁННЫХ НАСТОЯЩИМ ГЕРОЕМ, ПРИХОДИТ ЧЕРЕЗ ГОДА. ЯРКИМ ПРИМЕРОМ ТАКОГО СТЕЧЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ЛЮДСКОЙ БЛАГОДАРНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ НАШ ЗЕМЛЯК АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ФРОЛОВ, ПОЛУЧИВШИЙ ЗВЕЗДУ ГЕРОЯ ЧЕРЕЗ ДВА ДЕСЯТКА ЛЕТ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, А УВЕКОВЕЧИЛИ ПАМЯТЬ О НЁМ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ ТОЛЬКО СПУСТЯ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ГОДА.

Родился наш герой 27 сентября 1921 года в селе Заворонежском, ныне Мичуринского района Тамбовской области, в семье крестьянина. Окончил 9 классов и аэроклуб. С 1940 года в Красной армии, призван Мичуринским райвоенкоматом Тамбовской области. В 1941 году окончил Чугуевскую военную авиационную школу пилотов. С осени 1942 года сержант Фролов в действующей армии, в должности лётчика 659-го ИАП. Летал на Як-1, Як-7 и Як-9. Сражался на Северо-Западном и 3-м Украинском фронтах, под Сталинградом, Харьковом, Одессой, в небе Румынии и Венгрии, в должностях командира звена и заместителя команди-

ра эскадрильи. Совершил 475 успешных боевых вылетов. Трижды, считая погибшим, отправили на него «похоронку». Но он остался жив и продолжал воевать. В феврале 1943 года получил ранение средней тяжести.

«Это было в конце сорок третьего, – вспоминает Александр Павлович. – Наши войска освобождали Правобережную Украину. В одном из вылетов наша четвёрка истребителей сопровождала двенадцать штурмовиков во время налёта на станцию Раздельная недалеко от Одессы. Четвёрку вёл командир эскадрильи Михаил Тайч. Плотная облачность, плохая видимость осложняли полёт. Но всё же "илы" точно вышли

на цель и сбросили на первом же заходе бомбы на станцию. Загорелось пятнадцать вражеских эшелонов, стоящих на путях, мощные взрывы потрясли окрестности. При втором заходе на штурмовку со стороны Одессы из облачности вывалились шесть "мессеров". Михаил Тайч по радио приказал мне в паре связать боем немецких истребителей, а сам остался прикрывать "илы". С младшим лейтенантом Очетковым мы завязали бой с той шестёркой, а тем временем наши штурмовики спокойно выполнили задание и на бреющем ушли на базу.

Ведя бой на виражах, часто ныряя в облачность, немцы решили с нами кончать: ведь превосходство врага было трёхкратным. И в этот решающий момент я потерял из виду Очеткова. Проверяю облачность в надежде найти ведомого, но вместо своего товарища встречаю... гитлеровца. Мой "як" и "мессер" одновременно выскочили из облачности на одном курсе, крыло в крыло. Вот когда я рядом увидел ненавистного врага! Сознание схватывает всё до мелочей: машину серо-мышинного цвета, чёрную свастику, кресты с белой полоской, жёлтый кок винта, червонный туз на моторе, сетку с наушниками на рыжей голове фашиста.

В таком положении мы шли, набирая высоту, три-пять секунд. Потом я резко бросаю машину на немца; он скольжением уходит под меня, и завязывается бой на горизонтали. Тянем на высоту, с пятисот метров поднялись уже на четыре тысячи. Чувствую, что попался крепкий орешек. Вопрос: кто кого? Маневренность "мессершмитта" была хуже по горизонтали. Я стражую срыв и штопор: резко бросаю машину и захожу врагу в хвост. Немец идёт на переворот и хочет уйти, но на высоте примерно тысяча метров я точным ударом из пушек и пулемётов "раздеваю" левое крыло вражеской машины, а второй очередью добиваю фашистский самолёт. "Мессер" взрывается.

Ну а где же был мой ведомый? У него был повреждён мотор, под прикрытием облачности он потянул на свою территорию и, надо сказать, чудом добрался до аэродрома: ведь вся машина была пробита пулями. А вот почему немец оказался один, для меня осталось загадкой. Возможно, подбив самолёт моего ведомого

Очеткова, он хотел добить его, но, ворвавшись в облачность, наткнулся здесь на меня. Придя на аэродром, я узнал, что все наши "илы" возвратились целы и невредимы, успешно выполнив задание командования».

Запомнились отважному истребителю и бои зимой 1943 года под Харьковом на Северном Донце. В паре с младшим лейтенантом Филоновым он схватился с тридцатью «мессершмиттами-110», пытавшимися бомбить наши боевые порядки. Три вражеские машины были сбиты в этой неравной схватке.

В один из напряжённых дней боевой работы 288-й истребительной авиационной дивизии, 19 февраля 1945 года, в район озера Балатон – Шерегейше вылетел на разведку парой командир эскадрильи 659-го полка Александр Фролов. Один из лучших воздушных бойцов дивизии, удивительно зоркий разведчик, именно он и никто другой должен был лететь тогда на боевое задание в чрезвычайно сложных условиях. Стлошная облачность на высоте 200 метров с

видимостью по горизонту не более двух километров заставляла в некоторых местах переходить на бреющий полёт. Кто тогда знал, что этот вылет будет последним для комэска Фролова...

С задания вернулся только его ведомый и доложил, что они наткнулись на большое скопление танков: «Командир решил, наверное, выяснить, чьи это танки, и развернулся к тому месту. На нас обрушился шквал зенитного огня. Капитан Фролов пошёл на снижение, и тут я потерял его...»

Вот и всё, что мог доложить ведомый комэска Фролова.

Прошёл день, второй – в дивизии ничего не было известно об Александре Павловиче. На 3-й день он вернулся в свой полк. Вернулся в таком виде, который без слов говорил о том, как трудно было ему добраться до своих. Вся дивизия была рада его возвращению. Но впереди оказались горести и такие тяжкие испытания, о которых сам Фролов не мог и подумать!

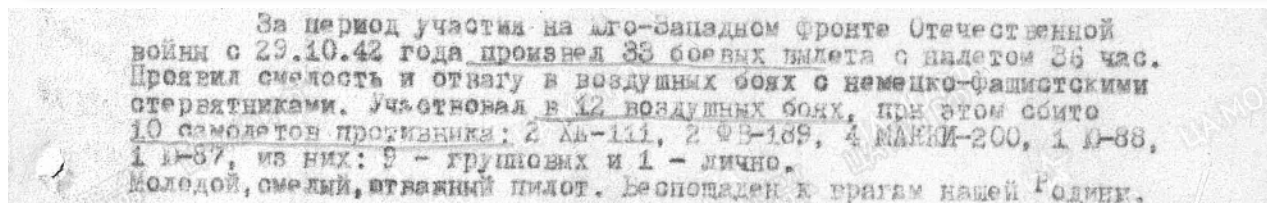
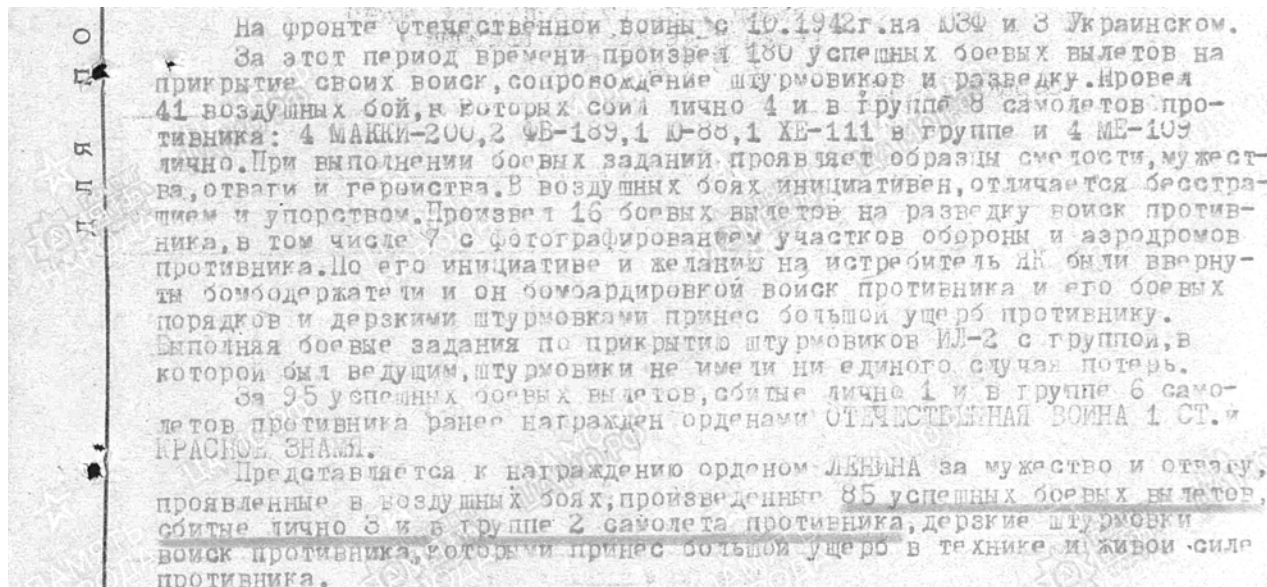
Вот как этот боевой вылет вспоминает сам герой.

«Было это в Венгрии. Немецкое командование готовило контрнаступление в районе

озера Балатон. Каковы силы врага, в каком направлении они движутся – всё это немедленно должно было стать известным советскому командованию.

Командующий 17-й воздушной армией приказал выяснить обстановку. Задание было опасным и сложным. К тому же погода была нелётной. Выполнить приказ мог только первоклассный лётчик. Пошла пара истребителей. Ведущий – я. Вскоре ведомый передал по радио, что мотор не в порядке и он вынужден возвратиться на базу. Я остался один. Летел на километровой высоте, стараясь больше видеть. Самолёт обстреливали немецкие зенитки и пулемёты. Но лётчик упорно шёл к цели, внимательно рассматривая всё по пути. У самой цели самолёт был подбит, заглох мотор. Пилот ранен в ноги и лицо. Прыгать с парашютом было бессмысленно, и пришло решение посадить машину на лес. Сильный удар, треск сломанных деревьев. Больше ничего не осталось в сознании.

Когда пришёл в себя, огляделся: темно, какой-то сарай. Как сюда попал, не помнил. Ощупал себя: оружие, ордена, удостоверение

личности на месте. "Неужели плен?" Вскоре кто-то подошёл к двери, щёлкнула задвижка. Вынув пистолет, приготовился к последней схватке. Дверь открыл пожилой человек, по виду крестьянин, и, как мог, стал объяснять, куда идти. Уже позже вспомнил, что, будучи подбит, успел перетянуть через Дунай и упал на территории Чехословакии, недалеко от Братиславы».

Говорят, что если человек хочет, он может сделать даже невозможное. Лётчик сумел перейти линию фронта и через одиннадцать дней при всех наградах и с личным оружием прибыл в полк.

А тем временем мать получила сообщение из части о том, что её сын «пропал без вести». Казалось, что судьба решила до конца испытать не только Александра Фролова, но и его мать. Ведь первое сообщение о гибели сына она получила в 1942 году, когда его дважды сбивали и считали погибшим. Но он каждый раз возвращался в свою часть.

Во время войны существовало железное правило: те советские люди, которые хотя бы день оказались на занятой фашистами территории, подвергались проверке. Очевидно, в некоторых случаях надо было подходить более внимательно к таким мероприятиям, коль уж они считались необходимыми. Ведь проверка, применяемая формально, привела многих честных людей к трагическим последствиям...

Все были уверены, что Фролов, отдохнув несколько дней, вновь войдёт в строй, и вдруг начальник особого отдела дивизии сообщил: «Фролов будет отправлен на проверку!»

На этом боевая деятельность капитана Фролова закончилась. К тому времени он в 78 воздушных боях сбил 13 самолётов противника лично и 7 – в группе с товарищами. Награждён орденами: Ленина (06.05.1965), Красного Знамени (21.03.1943, 06.03.1944, 30.05.1944), Александра Невского (20.09.1944), Отечественной войны 1-й степени (18.03.1943, 11.03.1985); медалями.

Кончилась война. Капитан Фролов ушёл в запас и уехал в небольшую башкирскую деревушку Ново-Константиновку, где жила Мария Прокофьевна Евтушенко – молодая сельская учительница, с которой он познакомился ещё в сорок третьем году. В конце победного сорок пятого у них была свадьба.

Александр Павлович не роптал на судьбу, что его, боевого лётчика, занесло в глухомань, а стал преподавать военное дело в местной школе. Учил детей и учился сам на заочном отделении Стерлитамакского учительского института. Окончив его, стал вести уроки биологии и химии. Он привык работать много и хорошо, как бывало на фронте. Стал директором школы в селе Казанка. По стопам родителей пошла и дочь Люба. Она стала педагогом.

Многое стёрлось в памяти, многое позабылось. Но справедливо говорят, что время – сито, просеивающее историю. Прошли годы, и люди оценили, казалось бы, ушедшие в толщи архивных

папок подвиги тех, кто, не думая о величии и славе, пройдя через губительный огонь войны, выполнил с честью свой гражданский долг.

Так случилось, что судьба Александра Фролова многие годы волновала бывшего командира 288-й истребительной авиационной дивизии генерал-майора Б. А. Смирнова. Он обращался по разным адресам, чтобы выяснить, где он, что с ним, но узнать так ничего и не удавалось.

И вот однажды, в 1965 году, к Смирнову обратился полковник из управления кадров Министерства обороны СССР. Он попросил прочитать один документ. Это был наградной лист на А. П. Фролова, в котором он представлялся к званию Героя Советского

Союза. Этот лист был подписан за два дня до того, как Фролов не вернулся с боевого задания. Первый вопрос Смирнова был таков:

– Жив ли он?..

– Жив, здоров. И если вы не возражаете, перепишите наградной лист сегодняшним числом – как командир дивизии.

Выполнив просьбу полковника, Б. А. Смирнов добавил в конце наградного листа: «Уверен в преданности А. П. Фролова Советскому Союзу».

И вот в канун двадцатилетия победы над фашистской Германией были подготовлены материалы о присвоении звания Героя Советского Союза восемнадцати советским воинам, партизанам и участникам подполья, проявившим беспримерную доблесть и героизм в боях с врагом. К званию был представлен и Александр Фролов.

6 мая 1965 года указом Президиума Верховного Совета СССР бывшему заместителю командира эскадрильи 659-го истребительного авиаполка капитану запаса Александру Павловичу Фролову за образцовое выполнение боевых заданий командования в годы Великой Отечественной войны и проявленные при этом героизм и мужество было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 10680).

Скончался А. П. Фролов 10 октября 1994 года.

Историческая справедливость на малой родине восторжествовала, и 19 декабря 2018 года была установлена мемориальная доска в память о Герое Советского Союза А. П. Фролове на фасаде Заворонежской школы. В памятном митинге приняли участие глава Мичуринского района Г. Н. Шеманаева, председатель районного совета народных депутатов А. К. Сухов, депутаты Тамбовской областной Думы К. В. Августюков и А. Е. Сухарев, настоятель храма Дмитрия Солунского в с. Старое Хмелевое иерей Олег Ширшов, педагоги и учащиеся Заворонежской школы. **А**

Анатолий ТРУБА

О жертвах Первой мировой,
О мёртвой армии пишу я.
Забывших, проклятых войной
Я снова в жизнь введу земную.

Игорь Константинович
Романов

Константин
Константинович Романов

«РОССИЯ ЗВАЛА К ОТВАГЕ...»

19 июля 1914 года (по старому стилю) Россия вступила в Первую мировую войну, унёсшую сотни тысяч русских жизней и явившую всему миру ещё раз мужество и героические идеалы русской армии, русского воинства.

В канун Дня Победы и в память 100-летия гибели на алапаевской земле членов императорского дома Романовых мне хочется рассказать об участии в боевых действиях в 1914–1915 годах князей императорской крови Иоанна, Гавриила, Константина, Олега и Игоря Константиновичей. Позднее трое из них – Иоанн, Константин и Игорь – в июле 1918 года примут мученическую смерть в шахте на Межной близ Алапаевска.

Долг и традиции императорского дома Романовых требовали, чтобы все его члены, вне зависимости от их личных склонностей и пристрастий, получали военное образование, становились воинами, готовыми в любое мгновение постоять на поле брани за веру, царя и Отечество, защитить свою Родину от врагов.

Поэтому великий князь Константин Константинович с детства определил своих шестерых сыновей в кадетские корпуса: Иоанна – в Первый Санкт-Петербургский, Гавриила – в Первый Московский, Константина – в Нижегородский, Олега – в Полоцкий, Игоря – в Петровско-Полтавский, Георгия – в Орловский.

Иоанн Константинович Романов

По окончании кадетских корпусов князь Иоанн и Гавриил обучались в Николаевском кавалерийском училище, Константин и Игорь – в Пажеском корпусе. Позднее князьям Гавриилу и Олегу было позволено обучаться в гражданском учебном заведении – Александровском лицее, но тем не менее они при этом находились и на действительной военной службе.

После производства в офицеры и принятия присяги князь Иоанн был определён в лейб-гвардии Конный полк, князь Гавриил, Игорь и Олег – в лейб-гвардии Гусарский полк, а князь Константин – в лейб-гвардии Измайловский полк.

И в 1914 году, после объявления Германией войны России, они все в составе своих полков выступили на фронт и приняли участие в боевых действиях. Вот что записал об этом 9 августа в своём дневнике князь Олег Константинович: «Мне это страшно нравится, так как показывает, что в трудную минуту царская семья держит себя на высоте своего положения... Мне приятно, мне только радостно, что мы все впятером Константиновичи на войне».

Поручик князь Гавриил и корнет князь Игорь Константиновичи в составе 4-го эскадрона, а корнет князь Олег Константинович в составе 5-го эскадрона лейб-гвардии Гусарского полка, который входил в состав 1-й армии генерала Ранненкампа, непосредственно принимали участие в боях во время наступательного марша на севере Восточной Пруссии с 27 июля по 18 августа и отступления – с 20 августа по 27 сентября 1914 года.

Вот как писал об этом матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне, князь Гавриил: «Вот уже второй месяц, как мы уехали. Был три раза под огнём. Господь миловал. Приходится иной раз тяжело. Бывает, что идём, идём весь день, с утра до темноты. Варим закуску в седлах. Спим в мешках. Теперь я уже привык».

В этом же походе участвовал штаб-ротмистр Конного полка князь Иоанн – он был назначен ординарцем генерала Кознакова в штаб 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии, также входившей в состав армии Ранненкампа.

Письмо отцу, написанное им 27 августа, свидетельствует о его высоком духовном настрое: «Господь удивительно хранит меня. Я глубоко верю в Него, и ещё больше, чем раньше... Бой под Креупшикиным никогда не изгладится из памяти... Трудно описать чувство, когда находишься в бою. Страх, который стараешься побороть, и вместе с тем хочется маску сделать (*то есть не подать виду*). – Прим. Л. Ю.). Я мог быть убит как угодно. Шрапнели летели над головой, но Бог меня спасал. Скверное чувство теперь сидеть здесь, когда братишки в опасности. Подчас ужасно бывает тяжело. Если мы живы, то я считаю, что это благодаря тому, что я завещал, чтобы ежедневно была в Мраморном [дворце] в нашей комнате литургия о здравии

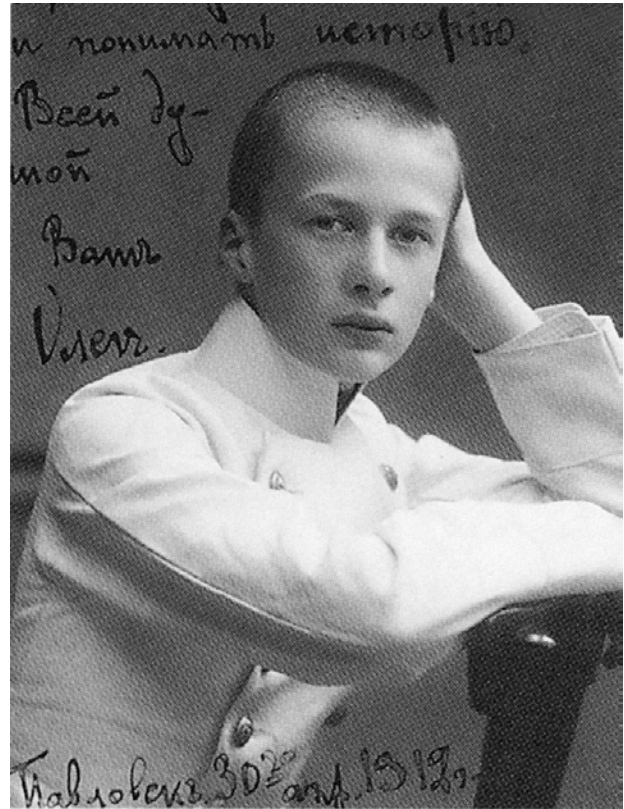

Гавриил Константинович Романов

всех нас, братьев... Вера помогает во всём. Во время войны особенно это чувствуешь».

В отличие от братьев, которые могли хоть иногда видаться друг с другом, штабс-капитан князь Константин не только не видел родных лиц, но и долгое время не имел никаких известий от братьев. Лейб-гвардии Измайловский полк 3 августа был передан 2-й армии генерала Самсонова, которая наступала на юге Восточной Пруссии. В своём письме с фронта отцу от 15 сентября князь Константин пишет: «Часто досадуешь на то, что на том фронте братья воюют вместе, а я один. Спасаясь только тем, что берешь себя в руки и стараешься об этом не думать».

В ответ на вопросы отца о военных действиях он пишет ему следующее: «Ты спрашиваешь, в каких боях я участвовал; собственно говоря, во всех. Но дело в том, что в цепи я не лежал, а всё находился при командире. Один раз я ездил для связи с колонной генерала Брингена. Противник отступал, но всё же его артиллерия стреляла, и шрапнели рвались совсем недалеко. Вообще, с пулями и снарядами пришлось познакомиться. Последние рвались

Олег Константинович Романов

над головой неоднократно. Кроме того, в расположении полка приходилось ходить под огнём довольно часто. Бои были у нас начиная с 21 августа по 27-е включительно». Лейб-гвардии Измайловский полк участвовал с 21 августа

Олег на смертном одре

Игорь и Константин Романовы

по 2 сентября 1914 года в наступлении от местечка Владиславов до реки Сан, понеся в этих боях тяжёлые потери.

Увидеть родных князю Константину довелось только после сообщения о ранении и смерти его брата Олега.

Корнет князь Олег первоначально был прикомандирован к штабу полка, но он рвался в настоящий бой, стараясь ни в чём не отставать от других. В сентябре 1914 года лейб-гвардии Гусарский полк вёл бои на реке Шешуне за Ширвиндт и Владиславов. Князь Олег добился разрешения эскадронного командира атаковать и захватить наскочивший на их эскадрон вражеский разъезд. Преследуя немцев, князь Олег вырвался вперёд и вместе с подоспевшими гусарами захватил неприятеля, но один из раненых немцев с земли выстрелил в князя...

28 сентября смертельно раненный князь Олег был доставлен в госпиталь в Вильно. После операции он получил телеграмму от Государя о пожаловании ему ордена святого Георгия 4-й степени. Раненого князя навещил в госпитале начальник Виленского военного училища генерал-майор Адамович. В письме

к великому князю Константину Константиновичу он сообщил: «Войдя, я поздравил князя с пролитием крови за Родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно: “Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь царского дома”».

После похорон князя Олега его братья вернулись в действующую армию.

Их ратные подвиги на фронтах Первой мировой войны были по достоинству оценены Родиной.

Князья Иоанн и Гавриил были награждены Георгиевским оружием и орденами Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Князь Константин был удостоен и получил из рук государя орден Святого Георгия 4-й степени.

Князь Игорь за отличия в делах против неприятеля был пожалован орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также Георгиевским оружием.

Их мать, великая княгиня Елизавета Маврикиевна, об участии своих сыновей в войне сказала так: «Константиновичи должны быть на своих местах, как бы это ни было тяжело для меня лично. Это их долг, а долг на войне превыше всего».

А император Николай II незадолго до гибели князя Олега в письме к их отцу, великому князю Константину Константиновичу, написал, что «всё это время мысли Аликс (*императрицы Александры Фёдоровны*. – Прим. Л. Ю.) и мои возвращаются к вам, имеющим пять сыновей на войне. О том, как они ведут себя, я имею весьма краткие, но прекрасные отзывы. Храни их Господь и да поможет Он вам нести этот временный тяжёлый крест».

Князья Константиновичи с честью исполнили свой воинский долг, в трудную для Родины минуту они на деле оправдали своё высокое предназначение – выступили на защиту своей страны от напавшего на неё врага. ■

Людмила ЮГОВА

ОХРАНА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

С начала второй половины 30-х годов обеспечение безопасности сердца России – Московского Кремля – было возложено на специальное войсковое подразделение охраны – Полк специального назначения Управления коменданта Московского Кремля Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, сформированный на базе батальона специального назначения, незадолго до этого приравненного к частям Главного управления пограничных войск и внутренней охраны. Кремлёвский гарнизон, подчинявшийся непосредственно коменданту Московского Кремля, а через него

по специальной части – народному комиссару внутренних дел, первоначально был образован из батальона специального назначения и отряда особого назначения. И если батальон специального назначения осуществлял войсковую охрану территории Кремля, то отряд, а потом и батальон особого назначения – соблюдение пропускного режима в Кремль. Реорганизация батальона, несшего охранную службу в Кремле, в Полк специального назначения была осуществлена 8 апреля 1936 года приказом № 122 по гарнизону Московского Кремля. С тех пор эта дата считается днём рождения полка.

Первым командиром полка стал майор Пётр Иванович Азаркин, участник Гражданской войны, выпускник военной академии имени М. В. Фрунзе, немало сил отдавший делу организации караульной службы Кремля ещё в бытность свою командиром батальона и начальником штаба Объединённой военной школы имени ВЦИК, дислоцировавшейся на территории Кремля и выполнявшей функции его охраны. Всё доброе и полезное, накопленное за десятилетия поколениями кремлёвских курсантов в организации охраны Московского Кремля и высших лиц государства, при нём бережно сохранялось и приумножалось. Комендант Московского Кремля генерал-лейтенант Сергей Дмитриевич Хлебников убеждён, что во многом успех защиты Кремля связан с именем первого командира кремлёвского полка Азаркина. Именно он «подготовил военнослужащих кремлёвского гарнизона, чтобы они с первых минут войны смогли действовать чётко». Заместителем Азаркина стал старший политрук Ф. П. Степченко. В предвоенные годы личный состав ПСН был задействован в рамках своей компетенции в обеспечении и сопровождении многочисленных мероприятий, проводимых в Московском Кремле и на Красной площади.

Личный состав полка систематически привлекался к охране различных официальных и неофициальных приёмов, встреч, деловых и праздничных завтраков, обедов, ужинов, проходивших в Кремле с личным присутствием И. В. Сталина и видных руководителей Советского государства. «Полк специального назначения, – рассказывает командир Президентского полка службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации генерал-майор Олег Павлович Галкин, – по штату состоял из пяти дивизионов трёхвзводного состава (1-й, 2-й, 3-й дивизионы по 96 человек, 4-й дивизион – 106 человек, 5-й дивизион – 131 человек), полковой школы (121 человек), предназначенной для подготовки младших командиров для замещения должностей командиров отделений, броневзвода (35 человек) с шестью боевыми машинами и подразделений обеспечения (взвода обслуживания, оркестрового взвода)».

Однако задачи адекватного реагирования подразделений части на возможные угрозы в военных условиях и выполнения с максимальной эффективностью возложенных на военнослужащих обязанностей по организации охраны Московского Кремля и высших лиц государства со всей остротой требовали серьёзной реорганизации полка. В самом начале 1937 года полк перешёл на батальонную систему. Но в конце того же года начинается новый этап реорганизации. Численность каждой из трёх рот батальонов увеличивается до 160 человек. Соответственно, состав трёх стрелковых взводов в роте доводится до 40–45 человек в каждом. Также в каждой роте имеется взвод пулемётчиков – 28 человек. К подразделениям обеспечения относились техническая рота, химвзвод, взвод связи, оркестровый взвод, военизированная пожарная команда, вскоре, впрочем, выведенные из состава полка.

Постоянно совершенствовалась система отбора кандидатов для службы в ПСН. Основная масса призывников поступала из индустриальных районов России, Украины и Белоруссии. При этом 85% общего числа призывников были выходцами из рабочей среды, выросшими в крупных промышленных центрах страны – Харькове, Ворошиловграде, Челябинске, Свердловске и других городах. 80% призывников по национальности были русскими. Большинство из них имели надлежащий образовательный уровень. В результате проведённых по набору мероприятий численность военнослужащих по штату за год увеличилась на 25%. «Нас, – вспоминает о своей военной судьбе, навеки связавшей его с ПСН, уроженец Воронежа, участник Великой Отечественной войны Г. Я. Нестеренко, – посылали нести охрану заседаний сессий Верховного Совета СССР, партийных, советских и армейских всесоюзных совещаний. Мы принимали участие в обеспечении порядка на трибунах Красной площади во время праздничных демонстраций и военных парадов, а также при проведении праздничных приёмов в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца, встреч и проводов высоких зарубежных миссий и дипломатических лиц. Мы <...> выполняли служебные задания с исключительной ответственностью и гордостью».

Ухудшение международной обстановки на фоне нарастания внешней военной угрозы актуализировало усиление охраны Московского Кремля и дальнейшее совершенствование системы обеспечения безопасности руководителей государства. Мероприятия в этом направлении стали проводиться уже со второй половины 1938 года. В первую очередь было осуществлено укрепление руководства подразделений государственной охраны, ответственных за безопасность Московского Кремля. Управление коменданта Московского Кремля (УКМК) с 23 декабря 1938 года возглавил комбриг Н. К. Спиридонов. Новые командир полка полковник Т. Ф. Евменчиков и полковой комиссар старший политрук Г. П. Самарин понимали необходимость проведения более качественной боевой и служебной подготовки военнослужащих.

Важное место в решении задачи полевой подготовки бойцов ПСН отводилось заложенному ещё летом 1938 года военному лагерю «Купавна». А вскоре было завершено оборудование стрельбища Полка специального назначения, на котором военнослужащие под руководством опытных инструкторов-наставников отрабатывали приёмы снайперской стрельбы. Само пребывание в лагере на загородной учебной базе создавало оптимальные условия как для боевой учёбы, так и для физической закалки воинов. Центральное место в постоянно совершенствуемой системе профессиональной подготовки личного состава отводилось вопросам служебной деятельности. На практических занятиях до автоматизма доводились навыки действий военнослужащих с учётом особенностей постов.

В самом начале 1939 года было утверждено Положение о комендатуре Московского Кремля, которое, кстати, наряду с другими нормативными документами особого периода легло в основу деятельности УКМК и Полка специального назначения в годы Великой Отечественной войны. На командира полка возлагалась персональная ответственность за организацию, руководство, повседневный контроль войсковой охраны Кремля и правительственных учреждений, размещающихся в нём, а также организацию и руководство войсковой

охраны приёмов, съездов, совещаний, парадов и демонстраций, проводимых в Кремле и на Красной площади

Положение о комендатуре Московского Кремля ужесточало требования к рядовому составу ПСН, комплектовавшемуся «из отдельных призывных контингентов» при обязательном условии изучения приписанного состава. В случае потребности в восполнении некомплекта в период между призывами предписывалось проводить особый отбор из частей пограничных и внутренних войск. Срок службы в Полку специального назначения устанавливался три года.

В конце 1939 года реорганизационные процессы в ПСН вступили в стадию завершения. Определённые коррективы в них внесла отправка в действующую Красную армию 161 человека, выделенного от полка по распоряжению заместителя наркома внутренних дел СССР для участия в боевых действиях на советско-финляндском фронте. Эта группа военнослужащих Полка специального назначения завершила освоение специальной стрелковой снайперской программы и в связи с начавшейся советско-финской военной кампанией в качестве отдельно сформированной команды полка была направлена с боевым заданием на Карельский перешеек, где приняла участие в боях.

Несение караульной службы в этот период требовало от командования полка и личного состава мобилизации всех внутренних резервов и огромного напряжения сил. Ранее расход личного состава на службу составлял две роты на каждые сутки, и в наряды заступали через трое суток, на четвёртые. Теперь же одна рота не могла обеспечить часовыми все посты Кремля. Поэтому при заступлении роты в наряд через двое суток, на третьи, как правило, «заимствовались» до 35 человек из другой роты. Комсостав полка заступал в наряд иногда чаще, чем через двое суток. Поэтому занятия с бойцами проводились эпизодически 10–12 раз в месяц и не охватывали всего личного состава. Сложившаяся ситуация требовала внесения некоторых коррективов для оптимизации процесса несения службы.

Полк был переформирован по новому штату. Основными подразделениями полка, как и ранее, считались три стрелковых батальона. При этом первые два – четырёхротного, третий – трёхротного состава. Численный состав роты был определён в 119 человек. В структуру полка, успешно просуществовавшую до конца Великой Отечественной войны, также входили служба материально-технического обеспечения (МТО), отделение боепитания, финансовая и санитарная части, полковая школа, броневзвод, взвод связи, взвод ПВО, химический взвод, хозяйственная команда.

Одновременно в эти годы реализовывалось решение о переселении из Кремля командного и начальствующего состава Управления коменданта Московского Кремля и Полка специального назначения. Было признано целесообразным сохранить место жительства на территории Кремля только «командирам подразделений, их заместителям и небольшой группе отдельных военнослужащих-специалистов». Научный сотрудник Центра по связям с прессой и общественностью ФСО РФ Валентин Жилев рассказал о повседневной жизни Кремля в канун войны. «К началу войны госохрана обеспечивала охрану 25 политических и военных руководителей СССР, из них семь (Сталин, Молотов, Калинин, Андреев, Ворошилов, Каганович, Микоян) проживали на территории Кремля. Ещё одна квартира, – добавил он, – на Коммунистической улице Кремля (ныне Дворцовая) была закреплена за Ждановым». Всего же, по данным учёного, на территории Кремля к началу войны проживали 68 семей из 239 человек, в основном семьи пенсионеров. Также в Кремле проживали семьи командиров ПСН.

Выпускник фабрично-заводского училища при паровозоремонтном заводе имени Ф. Э. Дзержинского в Воронеже, волею судеб оказавшийся в Кремлёвском гарнизоне, вспоминает об участии в капитальном ремонте залов Большого Кремлёвского дворца: «Проведённые тогда усовершенствования с освещением, связью, радиофикацией, ажурной лепкой и отделкой паркета и сейчас вызывают у посетителей Кремля восхищение». Московский Кремль, по праву считавшийся одним из самых

безопасных и хорошо охраняемых объектов Советского Союза, был не только местом сосредоточения высших органов государственной власти страны, но и надёжным хранилищем значительной части золотого запаса, Алмазного фонда страны, ценностей Гохрана и Государственной Оружейной палаты. В марте 1940 года в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) в Кремле в предельно сжатые сроки было осуществлено переоборудование и расширение за счёт смежного подвального помещения хранилища золотого запаса. В результате общая площадь хранилища, оборудованного к тому же специальной охранной сигнализацией, существенно увеличилась.

Руководство кремлёвских служб, ощущая угрозу надвигающейся войны, собиралось заблаговременно предпринять необходимые профилактические меры по обеспечению безопасности Кремля. «В мае 1939, – сообщает научный сотрудник Центра по связям с прессой и общественностью ФСО РФ Ольга Кайкова, – комендант Кремля направил <...> записку с предложениями разработать меры по отражению воздушных атак и маскировке, но инициатива отклика не нашла, ответа не последовало, к началу войны Кремль не был замаскирован». Однако определённые действия всё же предпринимались. В последний предвоенный год руководство комендатуры Московского Кремля принимало решительные меры по организации надёжной противовоздушной обороны охраняемого объекта. Необходимо было в кратчайшие сроки провести ряд мероприятий по существенному усилению противовоздушной обороны не только Московского Кремля, но и всего центра столицы, его маскировке, светомаскировке и реконструкции освещения.

В январе 1941 года приступили к развёртыванию зенитной артиллерии. «В этот день, – рассказывает Жилев, – комендант Кремля был проинформирован особым отделом корпуса ПВО Москвы о размещении в окружении Кремля 54 боевых позиций зенитно-пулемётного полка». Однако само размещение боевых позиций зенитно-пулемётного полка в пределах Садового кольца и даже в непосредственной близости от Московского Кремля представля-

ется спорным. Чрезмерная близость огневых позиций к Кремлю делала последний весьма уязвимым для возможных бомбовых ударов противника.

Весной 1941 года комендатурой Московского Кремля при непосредственном участии ПСН на базе корпуса № 1, Арсенала и Большого Кремлёвского дворца было проведено учение по светомаскировке, позволившее сразу выявить недостатки в подготовке личного состава. Формальный подход военнослужащих, выразившийся в небрежном отношении к зашториванию оконных проёмов, сразу был замечен руководством. Пробивавшийся сквозь неплотно зашторенные окна свет позволял легко обнаружить здания и сооружения охраняемого объекта. Отмеченные недочёты были обсуждены и устранены. Повторные учения, проведённые через месяц, дали удовлетворительные результаты. Постепенно в практику жизни в Кремле вводилось непреложное правило зашторивать окна перед включением электроосвещения. И уже с апреля 1941 года светящихся по ночам окон в зданиях Московского Кремля практически не было видно.

Благодаря самоотверженной кропотливой и многосторонней деятельности, сочетавшей коллективные и индивидуальные методы по-

литико-воспитательной работы, командованию ПСН удалось в кратчайшие сроки добиться высоких результатов в боевой и политической подготовке военнослужащих полка. К этому времени в активе полка уже были только что завоёванные в трудной борьбе первые места в легкоатлетическом кроссе имени К. Е. Ворошилова. Но особую гордость воинов-кремлёвцев вызвала победа в военизированной лыжной гонке на дистанциях 50 и 70 км в противогашах с полной армейской выкладкой и со стрельбой в пути из винтовок. На инспекторском смотре в марте 1941 года полк получил оценку «хорошо» по всем предметам обучения, а по физической подготовке – «отлично». Все мероприятия по обеспечению безопасности Московского Кремля осуществлялись добросовестно и в строго обозначенные сроки. По оценке официального представителя ФСО РФ доктора исторических наук Сергея Девятова, до начала войны Кремль «был самым защищённым местом на территории СССР». ■

Владимир ГАЗЕТОВ,
кандидат исторических наук,
профессор Академии военных наук;
Максим ВЕТРОВ,
кандидат политических наук,
профессор Академии военных наук

ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

РУССКОГО МИРА

В современных условиях жестокой гонки за рейтингами представителям четвёртой власти достаточно сложно сохранить добрые убеждения и веру. Телеканалы и радиостанции отдают дань моде и довольно часто стирают допустимые границы между истиной и ложью. «О горнем помышляйте, а не о земном», – сказано в Послании к колоссянам. Но как часто мы задумываемся об этой цитате из Нового завета? Поднимают ли этот вопрос федеральные каналы? Телерадиокомпания «Русский мир» не боится быть вне современной журналистской моды и создана для тех, кому небезразлична судьба России, судьба православного человека. Эмигранты, наши соотечественники, проживающие за рубежом, выходцы из России, люди, интересующиеся русским языком, культурой, православием, – каждый может найти в эфире «Русского мира» свою программу и узнать, как и чем живёт Россия и Русский мир сегодня. Подробнее о жизни и работе этого СМИ мы узнаем от главного редактора телерадиокомпания «Русский мир» Любви Курьяновой.

❓ **Любовь, здравствуйте! Расскажите, как телерадиокомпания «Русский мир» сотрудничает с Русской православной церковью.**

– Наша телерадиокомпания, как и весь Русский мир, многонациональна и многокон-

фессиональна. В нашем эфире гостями и экспертами становятся люди самых различных вероисповеданий и национальностей. Однако сотрудничество с Русской православной церковью за годы работы стало наиболее плодотворным и тесным. В эфире нашей радиостан-

ции вы можете услышать передачу «Духовное пространство Русского мира», которую ведёт протоиерей отец Антоний Ильин. В диалоге с гостями он размышляет о воспитании подрастающего поколения с помощью культуры и искусства, о русской идентичности через призму православия.

Практически каждую неделю к нам в студию приходят священнослужители, которые, вопреки сложившимся стереотипам и предубеждениям, являются невероятно интересными и глубокими собеседниками. Мы часто рассказываем о том, что современные матушки – это не затворницы в серых одеяниях, а активные, современные женщины, которые занимаются социальной и духовной работой.

Любопытно, что рейтинги передач, посвящённые таким проектам, как «Батюшка онлайн» и «Матушка онлайн», были очень высоки, что говорит об интересе аудитории к духовной теме.

Что касается нашего телеканала, то я рекомендую к просмотру поистине уникальную передачу «Русский путь». В ней ведущие и гости за круглым столом обсуждают очень непростые

вопросы: есть ли русский путь? И если есть, то что это за путь и куда он ведёт? Для съёмок этой передачи была осуществлена специальная экспедиция на Святую гору Афон.

❓ Поскольку вы заговорили о дороге, скажите, каким был лично ваш путь к храму.

– Он был удивительным! Меня воспитывала бабушка, которая была верующим человеком, каждый день молилась и хранила в красном углу дома иконы. И это несмотря на то, что её жизнь приходилась на тот советский период, когда всякое упоминание о церкви приравнивалось к преступлению. Родители были крещёными, но не воцерковленными. Они много работали, и, видимо, как-то не доходили руки до того, чтобы крестить меня, и тогда я, будучи ещё совсем ребёнком, стала просить об этом сама. В семь лет я приняла крещение и очень рада, что помню это событие, оно для меня оказалось одним из самых главных в жизни.

❓ В литературно-историческом журнале «Александръ» есть разные рубрики,

схожие с тематикой программ в эфире радиостанции и телеканала «Русский мир» – будь то кино, музыка, история, литература, живопись. Расскажите об основных направлениях вещания.

– Наши телеканал и радиостанция занимаются популяризацией русского языка и русской культуры. У нас разработан уникальный контент, где можно найти и обучающие, и просветительские, и информационные программы. За 10 лет существования наша телерадиокомпания смогла занять свою нишу в информационном пространстве. Статистика сайта демонстрирует данные об активных пользователях портала из дальнего и ближнего зарубежья. На мой взгляд, это особенно важно в условиях информационной гонки. Показатели говорят о том, что наши соотечественники, выходцы из России и все те, кому интересно, чем живёт наша страна, доверяют телерадиокомпанию «Русский мир».

❓ 2019 год в России объявлен Годом театра. Есть ли у вас программы, которые посвящены этому событию или как-то затрагивают актуальные театральные вопросы?

– Театр – это особенная сфера, которую мы, конечно же, не можем и не хотим обойти стороной. Ни для кого не секрет, что театральная жизнь России всегда отличалась яркостью и многообразием. Что касается нас, то уже десять лет в эфире радиостанции «Русский мир» привлекающая внимание многих слушателей программа «Театр у микрофона». По популярности я смело могу назвать её обладателем Гран-при. Гениальные тексты наших русских классиков читают талантливые актёры театра и кино, а небезызвестные и самобытные современные авторы знакомят слушателей с лучшими из своих произведений. В январе 2019 года мы запустили новую телепрограмму «Авторская ремарка», которая является долгожданным продолжением одноимённой передачи на нашем радио. Она позволяет разобраться в тонкостях театральной жизни, не пропустить громкие премьеры, узнать о неожиданных находках и секретах закулисья. Гости передачи – известные драматурги, актёры, режиссёры, театральные критики и все те, кто живёт и дышит театром. Телевизионная передача «Дети на планете» интересна будет не только детям, но и взрослым. В прямом эфире ребята разыгрывают театральные постановки. Поверьте, оторвать взгляд от этой программы невозможно, тем более что ведёт её известный детский писатель Наталья Осипова.

❓ Журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России. Мы знаем, что и вы активно сотрудничаете с Союзом писателей и в целом с авторами, драматургами, поэтами. Каких авторов принимаете на программу «Поэтический концерт» и «Театр у микрофона»? Насколько сложно к вам попасть?

– Писатели и поэты – это наше всё. Мы серьёзно подходим к выбору авторов для наших программ. К нам приезжают гости из регионов,

из стран ближнего и дальнего зарубежья. Есть и постоянные московские авторы – выпускники Литературного института им. А. М. Горького, члены Союза писателей России и других объединений, которые радуют новыми интересными подборками. Не могу не упомянуть о программе «Литературная гостиная» с героями нашего времени, которую ведёт бессменная ведущая Лола Звонарёва. В эфире этой передачи она беседует с гостями о мейнстриме в современной русской литературе и не только. Для подрастающего поколения у нас есть замечательная программа «Мир в раскрытой книге», которую ведут дети. Они знакомят радиослушателей с эрудированными гостями – своими сверстниками, а те, в свою очередь, рассказывают об интересных увлечениях и делятся мыслями о литературе и любопытных книжных новинках. Как говорил педагог Василий Сухомлинский, «чтение в годы детства – это прежде всего воспитание сердца». И мы с полной ответственностью подходим к этому вопросу и отвечаем за чтение высокохудожественных литературных произведений, которые благоприятным образом влияют на внутренний мир ребёнка.

❓ В нашем журнале есть рубрика «Писатель и время». А как бы вы охарактеризовали сегодняшнее время для журналиста? Какое оно? И в целом – ваши размышления о настоящем?

– Digital-журналистика, безусловно, начинает вытеснять традиционные СМИ. Телевидению в современном мире в борьбе за внимание зрителя нужно конкурировать с телефоном, планшетом, компьютером и другими гаджетами. Да, может, лет через десять в информационных агентствах новости и будут писать роботы, но никто и никогда не сможет заменить настоящих профессионалов. На мой взгляд, журналистику XX века принципиально отличала от сегодняшней проверка информации. Ныне многие мои коллеги пренебрегают «правилом трёх» – проверкой информации в трёх источниках.

Безусловно, значимость журналистского слова сегодня не столь велика, как это было в

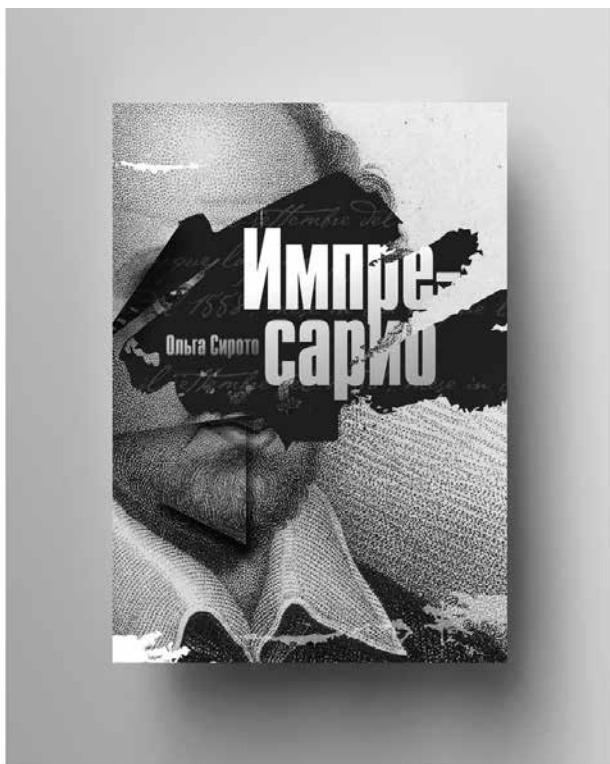
те же 90-е. Вокруг профессии сложился миф, будто это бесконечное праздное времяпрепровождение. В своём блоге я ежедневно развенчиваю этот стереотип и пытаюсь донести до аудитории, что быть журналистом – это не просто и порой опасно. Я имею в виду тех, кто работает в горячих точках, бьётся за права человека... Конечно, если вы будете репортёром со светских тусовок, то вам опасаться нечего. В крайнем случае, какая-нибудь звезда бросит в вас коктейль за навязчивость. Правда, потом, на пенсии, вам нечего будет вспомнить, кроме вкуса этого коктейля.

❓ Что для вас означает «Русский мир»?

– Русский мир для меня – это русский язык, наши удивительные люди, стихи Пушкина и Есенина, это День Победы, это вера, надежда и любовь.

Благодарим вас за беседу, Любовь. Желаем всего наилучшего вам и телерадиокомпании «Русский мир»! 📺

Василий ПОПОВ

«ИМПРЕСАРИО».

ВЗГЛЯД АКТЁРА

Я люблю взять любую книгу с полки у друзей и, не читая аннотации, открыть и ворваться в тот мир, который предлагает автор читателю. И с первых строк можно понять, захватит тебя эта история или нужно приложить усилия, чтобы дойти с героями до конца. Часто это бывает очень любопытным.

Так ко мне в руки попала книга Ольги Сирото «Импресарио». В подзаголовке читаем: «Историческая повесть». Повествование поделено на главы.

С первой страницы я, как читатель, понимаю глубокую погружённость в событийный ряд самого автора. Кажется, что история эта не просто выдумана или описана, а пропущена через сердце и душу писателя. Мало того, чувствуется, что малознакомые ещё мне герои горячо любимы творцом, создавшим эти образы.

О чём, а вернее, о ком эта история, начинаем догадываться на седьмой-восьмой страницах. Сопоставляем простые факты: Англия, конец XVI века, театр, история «о храбром датском принце Амлете»... Шекспир? Конечно!

Эту догадку далее по тексту подтверждают хорошо известные названия: «Генрих VI», «театр "Роза"». Хотя имя «Уильям Шекспир» прозвучит только к концу первой главы. Тогда-то и станет понятно, почему же прежде звучат совсем другие имена.

Признаю, невольно ловлю себя на мысли, что передо мной очередная история о знаменитом, растиражированном и спорном поэте-драматурге. И где-то даже начинаю сомневаться, что дальше будет интересно.

Будем честными, эту историю рассказывали и пересказывали уже сотни, а может, и

тысячи раз. Шекспир в мировой истории – несомненно, самый знаменитый и значимый драматург, оказавший огромное влияние на развитие всего театрального искусства. Но о Шекспире правды не знает никто, есть лишь легенды, мнения, некоторые документы и его великие произведения. А о том, кто эти произведения создал, – снова легенды и споры.

И эта книга, кажется, о том же. Даст ли она что-то новое?

Но подкупает мелодичность языка повести. Автор ведёт за собой образностью и неформальными решениями. Среди хорошего грамотного прозаического текста очень умело расставлены цитаты из поэтических строк Уильяма Шекспира. Произведения классика даются в разных переводах, среди которых можно найти имена Евгении Бируковой, Татьяны Щепкиной-Куперник, Михаила Зенкевича, Самуила Маршака, Михаила Лозинского, Татьяны Гнедич и многих других замечательных русских писателей-переводчиков.

А сама книга в общем-то и не претендует на очередное предположение-открытие или

скандальное заявление. Историческая повесть рассказывает о судьбах людей, сложности устройства общества и значении случая в нашей жизни. А вот жизнь самих героев, как признаёт Ольга Сирото в последних строках своей повести, «стала началом Великой 400-летней Мистификации».

Умышленно не пускаюсь в подробный пересказ содержания книги, чтобы не испортить впечатление у заинтересовавшегося читателя, который, быть может, приложит усилие, чтобы найти историческую повесть и самому изучить «Импресарио». А вот удержаться и не сказать несколько слов об авторе не могу.

Ольга Сирото – актриса Тамбовского драматического театра, член Совета при главе администрации Тамбовской области по культуре и искусству, член правления Союза театральных деятелей (Тамбовское отделение), педагог по сценической речи кафедры актёрского искусства Академии культуры и искусств ТГУ им. Г. Р. Державина, дипломант и лауреат все-российских театральных фестивалей.

Удивительно, но только после раскрытия личности автора становятся ясными и выбор темы (Шекспир для любого актёра – мечта), и эффектность подачи материала. Писатель не просто излагает текст, а делает подачу, как это обычно происходит во время работы актёра, который, выходя на сцену и живя в предлагаемых обстоятельствах, каждым своим действием влияет на зрителя, держит его внимание и ведёт за собой. ■

Роман ЛЕОНОВ,
член Союза журналистов России

ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ура! Ура! И ещё раз ура! Нам наконец-то удалось вырваться на пару дней в Белокаменную.

– Значит, так! С утра по магазинам, потом на ВВЦ или ВДНХ, не знаю точно, как сейчас это называется. А вечером, конечно, в Большой! – Моя племяншка Екатерина крутилась перед стареньким гостиничным зеркалом, примеряя один наряд за другим.

– Последний поход отменяется. – Я пытался вернуть родственницу на грешную землю.

– Это ещё почему? Ты хочешь сказать, что билеты раздобыть не сможем? Тогда в Малый. Он же рядом находится.

– Сдаётся мне, после утреннего шопинга

тебе и поход на ВДНХ покажется явно лишним. Если вообще время на неё останется.

Катюша отложила в сторону очередную «тряпочку» и уставилась на меня своими огромными глазищами.

– Ты считаешь, что в Москве для такой девушки, как я, самое главное – это мегамоллы? Так знай, ради культпоходов я готова ими пожертвовать! Запросто! Во сколько выставка открывается? Едем!

– И даже завтракать не будешь? – съязвил я.

– Там позавтракаем. Последними достижениями российского общепита! – не осталась в долгу Катюша.

* * *

– Огогошеньки! И всё это хрупкая женщина Мухина сотворила? Во даёт! – Екатерина, задрав голову, смотрела на знаменитую скульптуру. – Расскажешь про неё? Потом как-нибудь?

– Про Мухину или про «Рабочего и колхозницу»? – поинтересовался я.

– Про обеих! – на ходу уточнила племяшка, устремляясь к не менее знаменитому фонтану.

* * *

– Дядь Саш! Ты это видел?

– Много раз. А в чём вопрос?

– Как в чём? Ты что, арифметику совсем забыл? Так я тебе помогу. Их же шестнадцать?

– Кого?

– Девушек! Не веришь? Сам пересчитай.

– Ну и что с того?

– Как это «что»? Ну ты даёшь! Республик-то в Советском Союзе пятнадцать было. А их шестнадцать! Зачем лишнюю деваху соорудили? Загадочка! Как у Дэна Брауна или даже похлеще. Рассказывай! Колись! Ты же знаешь отгадку?

Я молча пожал плечами. Мол, дело это непростое. А мы вроде бы спешим.

Племянница решительно топнула ногой.

– С места не сдвинусь, пока не узнаю! Приеду – в школе своих терзать стану! Пусть попотеют.

– У вас же гугл имеется. В момент ответ найдут.

– Ты давай на всемирный разум не ссылайся. Кафе видишь? Пошли туда. И позавтракаем, и заграничного Брауна переплюнем.

* * *

– Понимаешь, Катюша, как бы тебе всё это рассказать покороче...

– А мне так не надо! Ты поинтересней давай.

* * *

– В двадцатых годах прошлого столетия в молодой Стране Советов появилась мода на

создание национальных трудовых коммун. На карте государства можно было разглядеть «Карельскую трудкоммуну», «Трудовую коммуну немцев Поволжья» и другие. После окончания Гражданской войны для упорядочения национально-территориального деления Российской Федерации «Карельскую» быстренько переименовали в Автономную Карельскую Республку.

– Так автономную же. А им девушек на фонтане размещать не положено! Иначе сколько бы понаставили, центрального цветка не видно было бы, – привычно перебила меня племянница.

– Катерина! Имей терпение. Всеми своё время. Позволь, я продолжу.

Девушка кивнула. Закрывает ладошками рот, подтверждая тот факт, что отныне из него не будет произнесено ни одного словечка.

* * *

– Эта озёрно-лесная территория в тридцать девятом году прошлого столетия запросто могла стать частью соседней Финляндии.

– Как это? – нарушила обет молчания племянница. – СССР, как мог, собирал утраченные земли. А тут пожалуйста. Натё, забирайте. Мы не обеднеем. Так, что ли?

– Понимаешь, Катюша, с началом Второй мировой войны остро встал вопрос защиты второго города страны, то есть Ленинграда. Государственная граница-то проходила всего лишь в двадцати пяти километрах от него. Дальнобойная артиллерия вполне могла подвергнуть город обстрелу. Да и для нашего военно-морского флота, базирующегося в Кронштадте, залпы таких орудий чрезвычайно опасны, если не сказать смертельны, как для кораблей, так и для мирного населения. Чтобы избежать этого, Кремль предложил Финляндии обмен территориями. Они должны были отдать Советскому Союзу половину Карельского п-ова и ещё несколько островов в Финском заливе. А мы передавали им всю Карелию! То есть территорию раза в два большую, чем та, которую приобретали.

– И что? Отказались?

– Переговоры ни к чему не привели.

– Знаю. Нам историчка в школе рассказывала. После этого началась война. Её ещё называют «Зимней». Красной армии крепко досталось. Но русские войска всё равно победили. Много солдат полегло, но вышло по-нашему. Надолго запомнят, как с Советским Союзом не соглашаться, ну или с Россией.

– Не буду спорить с вашей, как ты её называешь, историчкой. Об этой тяжёлой и кровопролитной войне сказано и написано немало. Твой дед, участник тех событий, наверное, тебе кое-что рассказывал?

– Как же! От него дождёшься! Только один раз упомянул, мол, начал воевать на Балтике, в тридцать девятом, а закончил аж в сорок пятом, на Тихом океане. Ну и что дальше было? Давай, продолжай! Победили, отобрали. Так ведь через год новая война началась, и не с маленькой Финляндией, а с самим Третьим рейхом. Вроде бы даже тысячелетним. – При этих словах племяшка изобразила на лице презрительную гримасу.

– Весной сорокового года был заключён мирный договор. Нашей стране передавались военные сооружения на полуострове Ханко и значительные территории, включая Кексгольм, Сортавалу, Выборг, Суоярви. А также земли в заполярной части. Спустя месяц Карельскую АССР переименовали в союзную Карело-Финскую Социалистическую Республику, включив в её состав новые территории. Прошло чуть больше года, и её почти целиком оккупировали фашисты. Советские войска смогли освободить Карелию от оккупантов только летом 1944-го.

– Вот тамошним жителям перепало. Из одной войны и почти сразу в другую.

– Ты, Катюша, не совсем права. Всем советскому народу досталось, не только карелам. Однако не следует забывать, что там успешно действовали, нанося врагу ощутимый урон, многочисленные партизанские отряды. Вместе с регулярными войсками они, как могли, приближали долгожданный день освобождения.

– И всё же республику упразднили. Почему? Я так думаю, народу стало меньше. Разъехались, что ли?

– Нет, племяшка, дело не в этом. В пятьдесят третьем умер вождь, товарищ Сталин.

И новое руководство страны приняло меры, направленные на улучшение советско-финляндских отношений.

– То есть? Не поняла? Суоми – страна очень даже капиталистическая, и с ней предполагалось сильно дружить?

– Конечно. Почему бы и нет? Финны – наши соседи, а их, как известно, не выбирают. Для укрепления дружественных отношений Советский Союз вывел войска с базы, расположенной в селении Порккала, а это в двадцати километрах от Хельсинки. Тем не менее Карело-Финскую ССР вновь понизили в статусе, попутно исключив слово «Финская» из её названия. Карельская АССР стала очередной автономной республикой в составе Российской Федерации.

* * *

Катерина молчала. Морщила лоб и тёрла его пальцем. Что-то обдумывала и наконец выпалила:

– Дядь Саш, выходит, если бы не это «потепление», то в девяносто первом году наш Мурманск стал бы вторым Калининградом? И в России был бы не один анклав, а целых два?! Мы всем миром сейчас ругаем незабвенного Никиту Сергеевича за Крым и нисколечки не хвалим за сохранённую Карелию!

* * *

Теперь уже задумался я. Родственница не мигая смотрела на меня, ожидая ответа.

– Понимаешь, Катюша, как однажды очень точно сказал профессор Гейдельбергского университета Карл Хампе, «история не терпит слагательного склонения». Что было бы, нам знать не дано! Но кое в чём ты, безусловно, права.

А фонтан, символ ВДНХ, возвели в пятьдесят четвёртом году. Сама понимаешь, что на тот момент союзных республик было действительно шестнадцать. Не портить же такую красоту из-за решений канувшего в лету Политбюро.

Александр РАЛОТ

СТАНЦИЯ НАДЕЖДИНСКАЯ

Новое место службы в казармах у Покровского аэродрома, километрах в тридцати от города Ворошилова, позволило капитану Краснову ощутить давно позабытое чувство семьи. Два с половиной часа на дороге, и, как и утверждал подполковник Твардовский, капитана встречал «по пояс в гору врезанный вокзал». К владивостокской версии Ярославского вокзала прилагался типовой монумент Ленина. Бронзовый близнец ленинградского Ильича, сжимая в кулаке кепку, сурово взирал на мелкобуржуазную суету, базарную толчею и частнособственническую нервозность привозной площади, битком набитой вороватыми мешочниками, медлительными сельчанами, откровенно базарными бабами, суровыми мастеровыми и кагалом «мазуриков» всяческих мастей. В людском круговороте шныряли злые военные патрули. Отругиваясь, толкаясь и козыряя комендантским ладонью о поля мягкой шляпы, отпускник, прорвавшись к подножке трамвая, с боем подсел в трещавший по швам вагон. Номер его маршрута четвёртый или пятый, какой подойдёт раньше, а ехать и вовсе недалеко, до остановки «Лазо».

Постукивая колёсными парами, рогатый трамвайчик шустро бежал то вверх, то вниз по горбатым улицам Владивостока. Раздавая попут-

чикам тысячу извинений, капитан заранее протискивался к выходу, сейчас будет его остановка. Именно на ней, на «Лазо», двадцать лет назад писателю Пришвину, посчастливилось встретить «ту самую» женщину в зелёном, одарившую литератора взглядом лучистых и загадочных глаз цветка-оленья. Мысль о вероятности повторения подобного чуда взбудрила офицера, и с лёгкой ноги он зашагал по Ленинской, вдоль ранжира молодых тополей сквера Жертв Революции. Под дивный аромат летнего вечера приезжий перебежал центральную улицу города-порта, напрямик к розовым стенам углового дома № 63, облепленного ласточкиными гнёздами балкончиков. От угла архитектурного чуда, по скату бывшей соборной площади, городская общественность заложила Пушкинский сквер. Прошло два года, а чахлые саженцы не желали разрастаться, и капитан походя рассудил, что бюстик курчавого пиита будет глупо смотреться среди этих тощих былинки. В доме-замке художественной школы включили Всесоюзное радио, звучала чарующая музыка Свиридова к пушкинской «Метели». Под фортепианные увертюры шлось шибче, и Краснов, насвистывая нечто о «смене времён года», надал... Вот и кирпичная башенка с прибитой к стене жестяной с номером семь. Это уже

Пушкинская улица, сонная в любое время суток, малопроезжая городская артерия. Дальше бомбоубежище, над чьим бетонным лбом на склоне сопки белеет дом настоятеля кафедрального собора. В новые времена ни собора, ни настоятеля нет, и в опустевшем здании прописался психоневрологический диспансер.

Снизу, от Пушкинской, приедем к прекрасному виден дом номер 8 по улице Жертв Революции, кряжистый, крепкий и надёжный, как все старинные крепостные постройки. Этот дом – конец его пути. Ещё чуть-чуть перетерпеть, и, встречая Краснова в дверях, сестра Галина будет светиться от счастья: «Дождалась!» – а её кучерявая дочурка заскачет вокруг гостя озорным зайчиком. Для малого дитя дядя Андрей – это веселье, поход в цирк-шапито, кино, лимонад, шоколад и много-много мороженого...

Жил когда-то на белом свете зело учёный инженер-путеец В. С. Надеждин. Расстарался добрый барин, взял и построил в 1893 году железнодорожную станцию, назвав её своим именем. Творенье его рук Краснов видел минут за сорок пять до конечной станции Транссиба – «закрытого порта» Владивосток. На вид ничего особенного: десяток запасных путей, водонапорная башня и одноэтажное здание вокзала в пять с половиной окон по фасаду. Но была изюминка – здание красовалось под многообещающей вывеской «Надеждинская!» Прочтёт пассажир подобное утверждение и, забывая, куда он следовал и зачем, захочет, оставив душный вагон пригородного поезда, сойти на тихую платформу этой самой надежды. Село, уже опосля, вольно расположилось вокруг детища инженера, отодвинув локотками улиц вековую тайгу в сторону от чугунки. Душа переселенцев требовала раздолья, вот и прозвали мужики то место «Вольно-Надеждинское». Именно сюда, в привольные места, из лета в лето сестра Галя вывозила дочь на дачный отдых. Квартировало семейство супротив греческого портика поселкового Дома культуры, у давней подруги Галины Лидии Колотаевой, она и её муж Никифор Иванович Герасименко жили бобылями.

В маленькой квартирке кривобокого Никифора и горбатой Лидии благоухало воском,

мёдом и овсяным печеньем, а сени пахли древесной стружкой (муж-затейник столярничал) и сушёными травами (его болезная супруга врачевала понемногу). Навещая сестру в сельском доме, Краснов всякий раз видел во сне детство. Босоногий и голоштаный, в посконной рубахе до самых пят, кудлатый Андрейка день-деньской носился по траве-мураве за бабочками. Бегал до поры до времени, проказничал, пока с высокого крыльца дедовых хором белоголового пострелёнка не принималась кликать маменька. Во сне он отлично слышал материнский голос, но уловить черты любимого лица в мельтешении ночных видений ему никак не удавалось. Офицер по первому времени этим очень огорчился, пока не сдружился с Никифором Ивановичем. Простой и дружелюбный инвалид войны Герасименко происходил из казацкого сословия. Кем только отставной казак не трудился после революции! Войну встретил моряком, и когда на палубу его парохода посыпались японские бомбы, не раздумывая, в дыму и пламени пожара ворочал обломки обшивки, растаскивая куски переборок. Не жалея себя, матрос расчищал проход к товарищам, гибнущим в трюмных помещениях. Судно спасли, а обгорелый герой, кроме инвалидности, мизерной пенсии и нечувствительности нервных окончаний, не получил ничего. Вот эта самая «нечувствительность» и сблизила его с замкнутым братом Галины, страдавшим от того же недуга.

Обжившись в селе, Краснов отыскал в виноградном переулке сослуживца, старшего лейтенанта, бравшего с парашютным десантом порт Канко. Приятель в качестве награды командования привёз с Корейского полуострова штабную японскую машину, по тем временам вещь в частном владении редкую, позволившую приятелям устраивать вылазки к магазинам районного центра Тавричанка и пляжам Амурского залива. Три мужика развлекались как умели, благо грибные места начинались прямо за Домом культуры, а на забранные высокими заборами поселковые огороды можно было пройти минут за пять, только перейти по галечному дну мелкую речушку. Там, у дощатого балагана, забитого кадушками, цапками да лопатами, вдали от женского призора, искалеченные войной ветераны, часами потягивая перцовку, загрызали её злую горечь тёплыми

пупырчатými огурцами, просто наслаждаясь самим своим существованием на грешной земле.

Краснов с однополчанином – те просто не привыкли балаганить впустую, а согбенный невзгодами Иванович, сама деликатность, тихо радовался хорошей компании. Казак, поражаясь, слушал, как человеческая жизнь могла вместить столько невзгод. Удивляясь, Герасименко пил сам, не забывая сотку за соткой подливать собутыльникам настойку, и после энного количества выпитых граммов в их рядах намечался критический момент. Тут либо спать, либо бойцов волной накрывали горькие воспоминания:

– В Карпатах трудно найти поляну под посадочную полосу, – неожиданно раскрыл рот старший лейтенант, – но тебя, Андрюша, мы с ребятами отправили самолётом в госпиталь. – Десантник заел сказанное бурым помидором. – Ты, командир, улетел, а нам радировали: «Выступить в заданный квадрат, минуя Верецкие перевалы». Нужно было лезть кручей, по бездорожью. – Рассказчик, выплюнув невкусную зелень, закусил выпивку ржаной коркой. – Хуторок за перевалами имелся, малюсенький, – сведя указательный палец с большим, офицер отмерил размер селенья, – вотчина чина из вспомогательной полиции. Со своего крыльца недорезанный пан наверняка любовался границей с Чехословакией, и до рубежей Польши с Венгрией от его хаты было рукой подать.

Приняв «на грудь», Краснов занюхал выпитое рукавом:

– Отрава... та граница! – поморщился капитан.

– По данным разведки, – ветеран обратился к Герасименко, – ну ты, Никифор, знаешь: «Пойди туда, не знаю куда». Короче, обретаются на хуторе, подручные Миколы Грицай. Недобитые полицаи и националисты из группы «Север». – Старший лейтенант замолчал, скребя прокуренными ногтями недельную щетину. – Приказ есть приказ! Вышли на точку, нас без тебя, Андрюша, девять бойцов осталось.

– Маловато, – посочувствовал Краснов.

– Места тревожные, шагу спокойно ступить нельзя. Вспомни мину, на которую ты наступил...

Рассказ прервался. Иванович пригляделся к соседу: «Может, сморило с устатку?» Нет,

бывалый воин оказался крепок, вострепнулся и продолжил воспоминания:

– Хутор так, ерунда, три мазанки под соломой, овчарня да чёрные стожки с сеном на полянке гниют. Сели в засаду. На дворе конец сентября, а ночью всё одно мёрзнем, утром от горной реки сырость туманная прёт. Днём солнце скупно глянет на наш склон, мы давай сушиться, да всё впустую: вечером опять промозглая сырость из теснины накатывает. Хлебаем, значит, в укрытиях солдатскую долю полной ложкой. К хатам не подступиться, у хозяев пастушья собака, брехливая – страсть.

На шестые сутки лёжки Сёма Балтика семафорит: «На серпантине движение». Докладывает, глазастый: поднимаются к нам на седловину пять единиц техники. Впереди броневладелец орудийной башней крутит, следом, коптя дизелями, тянутся три грузовика. Один – под тентом, остальные – с солдатами. Замыкает колонну бронетранспортёр – такая железная дура, вся в крестах и на гусеницах, с пулемётами и десантом на борту. Пока подсчитал...

Привалившись к забору, Краснов приспал, прикрывшись рукой от слепящего света. Однако и сквозь дрему капитан слушал солдатскую побывальщину, подбив за рассказчика итог:

– Человек семьдесят, считай, полурота...

– В точку, командир! – отозвался десантник. – Складываем! – Он и впрямь собрался загибать пальцы. – Полста касок на грузовиках, а ещё водители и офицерье в кабинах, плюс бронетранспортёр с десантом, это морд двенадцать будет, да броневик... – считавший прикинул: – В экипаже «Пумы» четверо, а если «тавотная» мелочь ужомётся, то одна-две начальственные задницы влезут под броню.

Прикорнувший капитан, зевая, заворчал:

– Давай переходи к встрече, нечего цели по головам считать. – От тягучего, что твоя резина, рассказа однополчанина страсть как клонило в сон. – Не то не обессудь, старлей, мы с Никифоровом заснём.

– Не сучи ногами, капитан, не блоху отлавливаем, – огрызнулся сослуживец. – Разослал я парней по склону, что над дорогой. С другой стороны, от её обочины, обрыв тянулся до самой реки. В копну на поляне на случай чего отрядил

Василия с пулемётом. Ну и завертел это дело! Цель нам поставлена одна – добыть документы, а их, по моему разумению, везли в крытом грузовике. Саша Малой его сработал динамитной шашкой. Со стороны откоса сунул взрывчатку под днище машины, а сам скатился в хвост колонны, примериться к бронетранспортёру. Рвануло – в Берлине слышно было. «Опель Блиц» свалило набок и потащило бортом по дороге. Гляжу, летят по небу канцелярские листочки, только имперские орлы на фиолетовых печатях со свастикой крыльями машут.

Карусель началась ещё та. Сжечь головной броневладелец не вышло, и, отстрелив пару дымовых шашек, «Пума», задрав пушку, давай садить по склону осколочно-фугасными. Круша сосны в щепу, разрывы снарядов подняли у нас над головами столбы лесного сора, дёрна и щебня. Причём острые щепки разили ребят не хуже осколков скалы и железа. Бронетранспортёр мы подбили, у него слезла гусеница, и он раскорячился поперёк дороги. А вот гранату, брошенную Сашкой в кабину десанта, эсэсовцы выбросили обратно. У Малого не было шансов, его посеколо осколками, а вражеский десант под треск автоматных очередей рассредоточился по канавам.

В центре колонны дела шли более гладко. Филя пулемётом успел истратить больше половины солдат по кузовам, но унтеры в кабинах очухались и под прикрытием дымовой завесы организовали оборону. Чую, дебют не задался, атака в миттельшпиле не принесла существенной пользы, остаётся позиционное маневрирование и переход в «ферзевое» окончание. В сложившейся ситуации решающее значение имели перевес в пространстве и взаимодействии...

– Что-то я, по ходу дела, у тебя, дружище, ферзей не наблюдаю! – усмехнулся Краснов. – Так, пешки одни...

Шахматы были коньком Никифора Ивановича, и он осмелился прошептать:

– Цугцвангом пахнет!

– Угу, позиция хуже некуда! – не стал возражать рассказчик. – Броневладелец, проехав к поляне, развернулся, только дёрн из-под колёс разлетелся, и ну поливать моё воинство из бортового пулемёта. Думаю, пока Филя прижимает пехоту к дороге, ещё остался шанс разменять эту

партию. Василию, затаившемуся в сене, оказалось рукой подать до «Пумы», он и швырнул гранату в моторную группу осатаневшей гадины. Стволы умолкли, и, медленно разгораясь, танкетка задымилась. Из люков «Пумы» полез экипаж, но Панин не дремал, пристрелил всех желающих глотнуть свежего воздуха. – Десантник отвлёкся, махнув чарку, поднесённую Никифором, и, похрустев огурцом, вернулся к описанию боя: – Всё бы обошлось, да на нашу беду на хуторе сидели, или мы проморгали, националисты. С десяток жлобов ОУН-б принялись палить из-за угла ближайшей хаты. В этот момент проснулись пулемёты на бронетранспортёре, а это четыре тысячи выстрелов. Плотность огня... да о чём говорить, Филя сник, понимаю – убит, вверх по склону нам не уйти, к хутору – ходу нет, стожок – укрытие Василия – факелом горит. Ору живым: «За мной!» – и вниз, на дорогу. У горящих машин возникает заминка: в спешке, саданув прикладом в рыжую рожу, сшибаю с ног верзилу-фрица, по ходу достаю парочку солдат из ТТ и сигаю с откоса. Качусь-верчусь через голову, из сапог вылетаю, только пули, щёлкая по стволам, мой путь отмеряют. Это немчура с дороги от пуза знай поливает меня из автоматов. Кумекаю: «Подспеют к раздаче гостинцев молодцы из ОУН-б – каюк». У них карабины, эти куркули не будут класть пули в белый свет как в копеечку.

У ручья встречаю Славку Якута. У меня три патрона в личном оружии, а автомат, бинокль и сидор я где-то на откосе посеял. Славка, чёртушка черноголовая, в полном порядке. ППС на ремне, кобура топорщится «Вальтером», подсумок нужные вещи оттягивают. Отдышались, предлагаю: «Нужно посоветоваться, как нам дальше быть!» В ответ: «Товарища старшая лейтенанта, однако, карту смотреть треба». Не возражаю: «Давайте, ефрейтор, смотреть». Разложил на коленке полуверстовку, тычу пальцем: «Мы здесь! Ниже по течению речушки, вот сюда, развалины пограничной заставы, а в трёх километрах туда, – машу рукой, – отмечен брод. Может, перейти границу? Испытаем судьбу монеткой – какую – и рванём нитку... – От карты отвлекают кровососы. – Заела эта мошка!» – отмахиваюсь от назойливых насекомых, привлечённых запахом пота.

Славка разводит обычную волынку: «Однако, туда ходить – на немцев напорешься». Пресекаю пустую болтовню: «Или бандиты перехватят». Молчит «олений пастух», мнётся. Настаиваю: «Ты, брат, прямо говори, как считаешь, а не верти тут...» Он и сказал: «Командира, назад идти надо! Дело без глаза оставлять – плохо очень. Я так думаю!»

Рассуждаю про себя: «Прав ефрейтор! Поворотили-ка мы назад. Враги не станут нас по горам гонять, не те времена. Манатки собирают». Принимаю решение, команду: «Ладно, боец, идём глянем, чего мы там не доделали. Топает первым, в охранении, и не рыси мне. Спокойно, по-деловому в гости нагреем. Без одышки».

Откуда драпали менее часа, туда забирались три с лишним. Якут выдвинулся вперёд метров на тридцать и уверенно тропил чистый лес. Уже на косогоре, где стали видны приметы бывшего боя, дважды вякнула местная птаха. Набрёл Слава на охранение, вот и сигналил: «Помощь не требуется». Едва пристроился под буреломом дух перевести, опять божья птичка свиристит, требует двигаться наверх. У замшелого валуна догоняю своё войско. Вверху, метрах в пятнадцати, тянется просёлок, доводит разъезженную колею до поляны при хуторе, а там что должно сгореть, уже сгорело и стоит холодным железом, воняет на всю округу жжёной резиной.

«Натянули гусеницу бронетранспортёра, – подумал я, видя, что фрицы сшибли с откоса грузовик, перекрывший дорогу, – иначе тут таких дел не наворотить».

Засмотрелся, прикидывая, что у нас пошло не так, а Славка теревит за висящий лохмотьями рукав. Подсаживаюсь к нему: «Чего?» – шепчет на ухо. «Ваша машинка», – ефрейтор протягивает мне автомат. «Точно моя, вот свежий скол на прикладе. Крепкие зубы попались на его пути».

Примолкли оба, забились в щель под камень, ждём сумерек, и я вспоминаю о секрете. «Сколько эти... с хутора выставили в охранение?» – «Один был, совсем глупый», – лыбится боец.

Мне всё одно спокойно не сидится, переживаю неудачу: «Немцы съехали, интересно, чего им здесь было нужно?» Славка молчит. «Возьмём "языка", – пихаю молчуна, – ясно?» Напарник ки-

вает, что понял приказ. «Тогда я первый, – лезу из сырой промоины к дороге, – ты прикрываешь. Пошёл...»

Я наверху, на поляне, ползу к углу овчарни. Заглядываю внутрь. Пусто, скотская вонь не пересиливает жуткого запаха крови. Делаю шаг в тёмный зев ворот, другой, третий, пока не наступая на брезент. Отдёргиваю край, щупаю, чего там прячут. Пальцы, вляпавшись в густеющую кровь, нащупывают холодные черты человеческого лица: «Покойник!» Подошвы проверять бесполезно. Сапоги ребятам в поиск выдавали немецкие, эрзац, на гвоздиках. Сдёргиваю с мертвеца сапог, а ступня трупа обёрнута портянкой. Ужасаюсь: «Не носки!» Холодный пот жжёт глаза, я понимаю: «Мои лежат!» Руки дрожат, пока я в непроглядной тьме, трогая ледяные лбы, считаю: «Раз, два... четыре... шесть... одного не хватает».

Скрипнула доска. На голову посыпался сор. Приглядевшись в темноте, различаю очертания лесенки, ведущей на сеник, где таится враг. Душой устремляюсь туда – аккуратно, бесшумно, а сам, сжав кулаки, ломаю себя: «Хватит чудить! Успокойся, здесь есть с кого спросить за ребят». Выскальзываю из овчарни напрямиком в зарождающуюся ночь. Знаками поясняю задачу Славке, а сам по стеночке, по стеночке, затем на брюхо – и ползком к первой хате. Внутри темно, крадусь ко второй. В малое окно пробивается тусклый свет, сразу и не заметишь. В комнате пара баб рукодельничают. Нам не сюда! Аккуратно скачу за угол. Стену третьей мазанки подпирает спиной часовой. Стесняться некого, падаю на четвереньки и на карачках бодро семеню к караульному. Расстояние невелико, последний скачок, рывок за ноги – и ножом...

В сенях темно, слышно пьяное бормотанье и звуки ударов. Пока соображаю: «Они что, поднышующая опару кулаками обратно в квашню заколачивают?» Медленно открываю дверь в горницу, освещённую керосинкой. В нос шибает кислый запах сивухи, прелой овчины и едкий дух мокрой кирзы. Четверо за столом удивлённо смотрят в темноту сеней: «Гей, Марко, – орёт кто-то, – зачини двери, бачиш їх розчухнуло!» Марко в белой рубахе с синей вышивкой суёт пьяную рожу в двери и, цепляя меня плечом,

шаркает к выходу: «Хлопці, туточки і на двір не закручено», – крикнул Марко друзьям и остался в углу тёмного прохода хлюпать распоротым горлом.

Вежливо пинаю дверь в горницу и одной очередью отправляю всю компанию вдогонку за Марко. Атмосфера в хате разом посвежела, горелый порох перебил все прочие гадкие запахи. Осмотрелся, в доме больше никого не было. Только к бревенчатой стене напротив стола хозяева прибили замордованного Васю Панина. Я его едва по наколке с якорем распознал. – Лицо рассказчика содрогнулось, кровь отлила от щёк, и отчаянная мука исказила облик офицера. Сколько лет прошло, а командир, потерявший бойцов, так и не пришёл к согласию с собственной совестью. Скрипя зубами, он вымучивал своё покаяние:

– На дворе прозвучал одиночный выстрел, – не своим голосом сообщил ветеран, – следом раздались бабские вопли, и всё стихло. В дверном проёме нарисовалась широкая физиономия Славки: «Как, командира, дела? – Но увидев, перед кем я стою, ефрейтор подавился очередной издёвкой: – Давай, старшой, я сам. Выйди на двор, ты позеленел весь. Проветрись!»

Вышел я под карпатские звёзды, пытаюсь вдохнуть полной грудью, а нечем, представляете, кончился для меня воздух. – Горло говорящего перехватил спазм. – Положили мы Васю с ребятами в овчарне, занесли к ним парочку копен сена и устроили огненную могилу. – Голова старшего лейтенанта окончательно упала на грудь, и он затих.

– А дальше, дальше как было? – попытался растрясти спящего Иванович.

– Оставь его, Никифор! Ничего там дальше интересного ты не услышишь! – зло отрезал Краснов. – Он, как переберёт, рассказывает одну и ту же историю. К старлею те ребята по ночам приходят. Почти не спит, горемычный, боится. Клянёт себя, меня винит в том, что на мину наступил. Весь свет у него виноват!

– Зря он... – Никифор, добрая душа, пожалел офицера.

– У нас вся страна на нервах живёт! В бою, дорогой товарищ, некогда было миндальничать!

Это ныне память достаёт таких, как мы с тобой, калеченных осколками прошлого. Вот и психуем, раскисая в домашнем тепле и довольстве, когда язва-совесть начинает мытарить. Сколь сейчас их, – капитан кивнул на посапывающего носом фронтового приятеля, – сорвавшихся с резьбы, обретается среди нас...

– Ладно, понятно с ним...

– Ничего тебе, дружище, не понятно! Все умерли, Никифор, на том хуторе! Это ты понял, морская твоя душа? Все без исключения! Хутора, собственно, и в помине не осталось. Славка взял тёплым последнего из фашистских прихвостней. Тот подле бабы своей обретался во второй хате. Слегка спросил его старший лейтенант, он и потёк. Выложил, полицаи, что в бронемашине чин из СС приехать должен был с шишкой из военной разведки, да Вася погорячился, сжёл их вместе с «Пумой». Немчура, она завсегда наперёд планировала, думала о своём поражении и готовилась к новой войне... – Краснов не на шутку разволновался. – Понятно ему... – Пыльным носком сапога капитан указал на столярный ящик: – Пихни, если не трудно.

Подтянув к себе укладку с инструментом, офицер заглянул в ящик.

– Чего у тебя есть? – Порывшись, капитан стал по-хозяйски доставать разные острые предметы и, не вставая с чурбачка, с громким выдохом метать их в забор. Раз – и ножницы по металлу торчат из серой доски. Следом одно за другим последовали долота различной заточки. Лезвия рубанков, топорик, обломок полотна лучковой пилы – всё, пока не закончилось, сгодилось для игры в ножички. – А гвозди?..

Никифор протянул гвоздяник:

– На-ка прими.

– Вот и гвозди! – обрадовался капитан и тут же посетовал: – Здесь всего три достойной длины?! – Хозяин пожал плечами. – Ну на нет, старина, и суда нет! – объявил капитан и, зажав острия всех трёх гвоздей в одной ладони, разом, резко выдохнув, швырнул их в забор. Спустя многие годы эти три гвоздя, однажды вонзившиеся в твёрдую доску, не позволяли Никифору Ивановичу забыть воспоминания старшего лейтенанта. **A**

Виктор УСОВ

Не говорите, что у нас нет памятников, что замечательнейшие события нашей истории записаны только на сухих страницах летописей.... Они рассеяны всюду, особенно в старинных городах наших, но не всякий хочет замечать их...

В. Г. Белинский

ЧЁЛН

Мы привыкли удивляться историческим находкам в иноземных краях, но мало уделяем внимания той земле, на которой живём. Мы организуем экспедиции за тридевять земель и три моря, а между тем история, которая интересна всему миру, лежит рядом. Наша земля хранит вековые тайны, только стоит заинтересоваться случайными и неслучайными находками, которые могут опять исчезнуть, так

и не открыв своих тайн. В наш век идеологии денег всё считается в долларах, но если подойти с умом, то исторические ценности могут не только играть познавательную, научную и зрительную роль, но и приносить определённые материальные дивиденды. Один я, отставной морской офицер, не осилю это дело – подготовить и выставить Урывский чёлн, о котором мой рассказ ниже, для всеобщего обозрения.

Возможно, кто-то, имеющий средства и чувство патриотизма, заинтересуется этим вопросом, а координаты этого чуда неолита я сообщу, они согласованы с его хранителями. находка Урывского челна в Доне (лето 1992 года) пришла на то время, когда наша страна переживала развал, смуту и отсутствие всякого интереса к своей истории и науке. Денег не хватало ни на что. Тогда энтузиасты Острогожского краеведческого музея во главе с директором Людмилой Ивановной Московской приняли решение сохранить находку до лучших времён и вновь захоронили чёлн в водной среде. Сегодня, я думаю, настало время вновь вернуться к вопросу Урывского челна, живого свидетеля неолита.

УРЫВСКИЙ ЧЁЛН

Впервые я услышал об Урывском челне из Дона летом 1994 года, посетив небольшой районный центр в Воронежской области – город Острогожск. Я заинтересовался этим фактом, так как не только слышал, но и видел в экспозиции Исторического музея в Москве подобный чёлн, найденный тоже в Доне, только у села Щучье Лискинского района. Тогда, летом 1954 года, у села Щучье при очистке фарватера были подняты два челна времён неолита. Один из них удостоился чести попасть в Государственный исторический музей, остатки второго челна находятся в фондах Воронежского музея. Оба эти челна сохранились гораздо хуже найденного в августе 1992 года у села Урыв и тем не менее являются уникальными памятниками первобытной истории человечества. Странные чувства испытываешь, соприкасаясь с памятниками очень древней истории. Хочется прикоснуться к ним, погладить. Творение предков вызывает чувство огромного уважения, мысленно перебрасываешь мостки в наши дни... Всего четыре челна в мире, и, как ни печально, самый хорошо сохранившийся из них лежит на дне водоёма в районе города Острогожска, сокрытый от глаз наших современников.

Тогда, 27 лет назад, местный краевед Пётр Маркович Терещенко узнал о челне в бане от речников, очистивших русло Дона от коряг и прочего мусора. Прибежав на берег, он сразу

понял, что это самый древний чёлн – настоящее сокровище. Он позвонил в острогожский музей, работники которого, оценив находку, сразу начали спасательную экспедицию по сохранению ценного раритета.

В результате оказалось, что находка времён неолита власти не заинтересовала. Страна переживала пик смуты – не было денег, но все «новые русские» при содействии тех же властей набивали собственные карманы – до неолита ли, коли скоро все мы там окажемся?! Музеи были бедны, не стали богаче они и сегодня, больше держатся на энтузиазме своих работников. К счастью, руководители острогожского музея, не пожалев энергии и угробив массу времени и последние средства, добились научной оценки находки. После этого находились спонсоры, даже из Англии, которые бесплатно или за мизерную плату хотели взять чёлн и воплотить мечту музейщиков – выставить находку на всеобщее обозрение. И это несмотря на то, что этот экспонат древности тянет на миллион, не меньше, долларов. Его не сравнить с бивнями мамонтов, их уже сотни... а это всего лишь третий чёлн такой древности. Удивительно, но это факт. Сколько больших и малых рек в мире, в одной Воронежской области, по различным справочным данным, от 600 до 1000, а челны находят только в Доне, а ведь здешние города и сёла не столь уж древнего происхождения. Как говорится, удивительное рядом!

К сожалению, мне не удалось потрогать чёлн руками, он уже лежал на дне водоёма, на берегу которого мы стояли с Людмилой Московской, и она с интересом рассказывала мне о нём. Есть и его фото на берегу Дона после обнаружения. Но описание его привожу: чёлн представляет собой добротное и интересное инженерное сооружение 10 метров длины и более метра в диаметре. Неожиданно борта его оказались более полуметра. В ширину в нём мог разместиться один человек, и пассажиры размещались друг за другом. Сделан он из цельного дерева дуба – таких крепышей сегодня не сыскать. В днище носа расположен своеобразный «замок». Возможно, при изготовлении был допущен брак, а потом исправлен. В верхней части бортов небольшие отверстия,

предназначенные, по всей видимости, для переноса челна... Из найденных до настоящего времени челнов Урывский самый большой по размерам и лучший по сохранности.

Все экспертизы Урывского челна подтвердили его подлинность и древность. Но хранение его на открытом воздухе противопоказано без

гожск Воронежской области, бульвар Крамского, 4, Острогожский историко-художественный музей. Телефон: 8 (47375) 4-34-45 или 4-14-81.

В Москве, в Историческом музее, есть подобный чёлн неолита, а в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже, – нет. А может, Урывский чёлн про-

И ЛЕЖИТ СЕЙЧАС ЧЁЛН НА ДНЕ ОДНОГО ИЗ ВОДОЁМОВ, ЗАБЫТЫЙ МОСКОВСКИМИ УЧЁНЫМИ, КОТОРЫЕ ВСЕГО ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ГОВОРИЛИ, ЧТО ЕМУ ЦЕНЫ НЕТ... НЕУЖЕЛИ НАШЕМУ ЭРМИТАЖУ, ГДЕ ХРАНЯТСЯ СОКРОВИЩА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА, НЕ НУЖНА ТАКАЯ ДРЕВНЯЯ НАХОДКА, ОБНАРУЖЕННАЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ, ПРИЧЁМ В САМОМ ЕЁ ЦЕНТРЕ?

консервации древесины. При невозможности решить этот вопрос сразу (если бы это было в Англии, то там без проволочек побеспокоились бы о своей истории) Л. Московская принимает мудрое решение – законсервировать чёлн другим способом.

Чёлн помещается в газовую трубу большого размера, концы трубы завариваются металлическими прутьями, и труба с челном опускается на дно водоёма с глубинами до 10–15 метров. Слава богу, есть ещё такие карьеры под городом Острогожском. Важно, чтобы чёлн не промерзал.

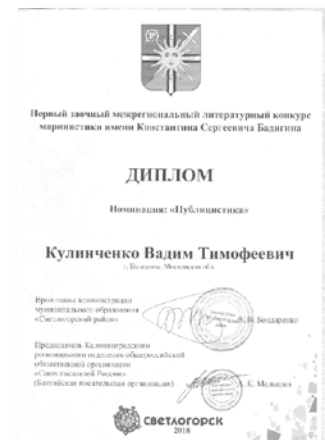
И лежит сейчас чёлн на дне одного из водоёмов, забытый московскими учёными, которые всего десять лет назад говорили, что ему цены нет... Неужели нашему Эрмитажу, где хранятся сокровища Древнего Египта, не нужна такая древняя находка, обнаруженная на территории нашей страны, причём в самом её центре?

Об этой уникальной находке 27-летней давности, сокрытой от глаз современников 5–7-метровой толщей воды, можно говорить много и доказательно, но этого не позволяют рамки газетно-журнального материала. Можно, например, долго разбираться в том, почему эти челны находят только в Доне, а в Волге – ни одного? Но я ограничусь вышенаписанным. Тем, кто заинтересуется подробностями, сообщая координаты хранителей этой уникальной находки времён неолита: 397855, город Остро-

гожск Воронежской области, бульвар Крамского, 4, Острогожский историко-художественный музей. Телефон: 8 (47375) 4-34-45 или 4-14-81.

Р.С. Как мне сообщила в переписке сегодня директор Острогожского краеведческого музея Марина Ивановна Пилипенко, чёлн и сейчас лежит на дне того же карьера под Острогожском. Судьбой его никто не интересуется, и в каком он ныне состоянии, никто не знает. А жаль, гибнет такой уникальный исторический экспонат! **▲**

**Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга, ветеран-
подводник, публицист**

* Материал был написан в 1994 году и откорректирован по нынешним датам. Тогда он никого не интересовал.

Александр ЖИДКОВ

Родился 26 сентября 1986 года в районном центре Сосновка Тамбовской области. В 2001 году окончил Советскую общеобразовательную школу, получил профессию электромонтёра, работает охранником в ЗАО «Агрокомплекс «Тамбовский».

Здесь родное моё всё до боли

ЗДЕСЬ РОДНОЕ МОЁ ВСЁ ДО БОЛИ

Здесь родное моё всё до боли,
Мой любимый, милый край:
Золотой пшеницы поле,
Снегом сыплющий февраль.

Ситец ласкового неба,
Тёмной крепостью леса,
Копны скошенного сена,
Звёздным бисером роса.

Жёлтой скатертью долины,
Туч свинцовая постель,
Пламя огненной рябины,
Звёздной песенкой капель.

След саней по серпантину,
Снег холодный, как асбест;
Напиши, Творец, картину –
«Край берёзовых невест».

Облака из чёрной сажи,
Ярко-бронзовый закат,
Белой краскою гуаши
Разукрасил иней сад.

Край родной мой, край любимый,
Церкви старенькой набат;
Здесь родили, здесь крестили,
Здесь меня и схоронят...

КТО ЖЕ ОН, ТОТ ГЕРОЙ БЕЗЫМЯННЫЙ?

Кто же он, тот герой безымянный,
Верный Родине русский солдат,
Тот, что кровью своею багряной
Окропил неприветливый март?

Был ли другом он, братом, соседом,
Хулиганом таким же, как я?
Кто же он, тот, что пал в сорок первом
Под восторженный крик воронья?

Кем он был, тот герой безымянный,
Тот, чья жизнь будто уголь в золе,
Что лицом стал стальных изваяний
В память тех, кто остался в земле?

Он из тех, верных долгу и чести,
Что вовек не вернуться домой,
Он такой же, как павшие в Бресте,
Те, что шли врукопашную в бой.

Сколько их, занесённых снегами,
Что остались на белых полях,
Что, в окопы вгрызаясь зубами,
Умирали, забывши про страх?

Кто же он? Кем он был? Не узнаем,
Был отец ли он чей или брат.
Он, как многие, стал безымянным,
Верный Родине русский солдат...

ЧТО ЖЕ ЕСТЬ ТЫ, ЛЮБОВЬ?

Что же есть ты, любовь? Вот загадка!
Бритвы острой разящая сталь,
Прикоснувшись к сердечку украдкой,
Ты его – в лоскуты, словно шаль.

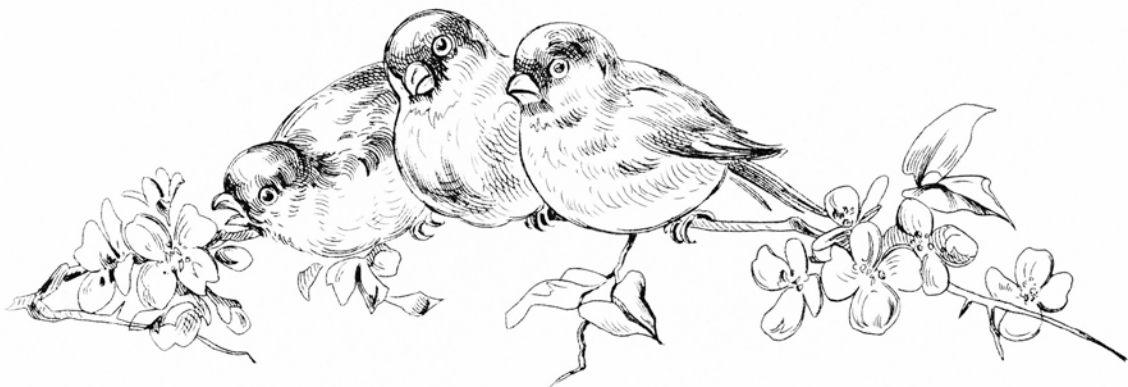
Шагом тихим к нам в гости без стука,
Звонкой песней цветущей весны
Ты приходишь к нам в жизнь, как подруга,
Разукрасивши красками сны.

Толпы лиц, как стальные фигуры,
Век влачащие свой без мечты,
Мы глухи стали, будто скульптуры,
Без прелюдий, без слов, без любви.

Да и есть ли оно где-то в мире,
Там, где вымыслом стала душа,
Где уставшие люди в квартире
Доживают свой век не спеша?

Где же есть оно, чувство святое,
То, что пламенем будто бы вновь,
То манящее, то озорное,
То волшебное слово «любовь»?

И ничуть ты совсем не загадка,
Ты дарована нам, чтобы жить,
Вот и есть он, ответ, и отгадка –
Это мы разучились любить... А

ЗИРКА

ГЛАВА 1 РОЖДЕНИЕ

Шла война. В одном маленьком уютном доме у собаки бабушки Лены родился щенок. Порода была овчарка. Шли дни. Сначала малыш не хотел пить молоко и отворачивался. Бабушка Лена ничего не могла поделать. Но голод взял своё, и однажды щенок смешно залакал из миски. Бабушка долго раздумывала, какое имя дать щенку.

– Назову-ка я тебя Зирка, – сказала она однажды.

Только услышала Зирка, что её по имени называли, подпрыгнула и начала бегать по комнате.

Однажды, когда Зирке был почти год, она играла в доме. Но вдруг она остановилась и увидела, что стул стоит возле окна, а окно открыто. Зирка прыгнула на стул, потом на подоконник и выпрыгнула в окно. Приземлилась на бабушкино старое кресло.

От войны повсюду были развалины, лежали осколки и даже попадались сломанные танки. Зирка побежала между обломками и развалинами. Она неслась в пекарню, где пахло очень вкусными пирожками с мясом. Она заскочила в пекарню, встала перед кассиршей и тявкнула на неё. Кассирше понравился щенок, и она дала Зирке пирожок, не с мясом, а с капустой. Но Зирка всё равно была довольна и стала

кушать пирожок. Она съела его, выскочила из пекарни и побежала в молочный магазин.

Зирка заскочила в дверь и встала, но кассира не было. Тогда она увидела на нижней полке бутылку с молоком. Она прыгнула на полку и стала толкать её. Бутылка упала, разбилась, и из неё вытекло молоко. Зирка набросилась на молоко и стала лизать его, напилась и выбежала из магазина.

Вдруг подъехала машина с надписью: «Собачий приют». Люди в машине увидели Зирку и пытались её поймать. Она ускользнула и хотела оббежать машину, но водитель выскочил и поймал Зирку. Её посадили в клетку и повезли в приют. В приюте клетку с Зиркой поставили на третью полку.

Вскоре в приют вошли военные во главе с командиром.

– Здравствуйте, а где Степан Александрович, директор вашего приюта? Мне нужно с ним поговорить, – сказал командир.

Из кабинета вышел директор, и командир поздоровался с ним.

– Здравствуйте, Степан Александрович, мне надо военную овчарку, чтобы она служила в армии и помогала искать мины.

– Да у нас одни мопсы, барбосы, пудели да таксы. Но сегодня, по-моему, одну овчарку поймали, – сказал взволнованно директор.

– Где? – воскликнул командир.

– На третьей полке, – показал директор.

Командир подошёл и увидел: худенькая, совсем молодая овчарка сидит и смотрит ему в глаза. Он позвал Степана Александровича.

– Можно мне её? – спросил командир.

– Конечно, – ответил Степан Александрович.

И вдруг в приют вошла бабушка Лена.

– Вы не находили сегодня посреди улицы овчарку молодую? – спросила бабушка Лена.

– Да, поймали одну, – сказал Степан Александрович и показал на овчарку.

– Это моя Зирка! – сказала бабушка и обняла собаку.

– Извините, как вас зовут? – спросил командир у бабушки Лены.

– Меня зовут бабушка Лена.

– Очень приятно познакомиться. Я тут в приюте искал овчарку, чтобы она служила в

армии. Не могли бы вы отдать её нам? – спросил командир.

– Конечно, отдам, – ответила бабушка Лена. – Только запишите мой адрес на всякий случай: Соседского, 3б.

– Как зовут вашу собаку? – спросил командир.

– Зирка, просто Зирка, – ответила бабушка Лена.

ГЛАВА 2

ПОСТУПЛЕНИЕ НА ВОЕННЫЕ КУРСЫ

Командир взял Зирку на руки, позвал солдата, и они направились в воинскую часть. Командир принёс Зирку в комнату для обучения военных собак. Он позвал военного дрессировщика и сказал:

– Обучите эту овчарку по имени Зирка всему необходимому.

Командир ушёл, и дрессировщик стал обучать Зирку. У него в отделении была маленькая песочница, но вместо песка в ней была земля. В одну ямку он закопал кость и сломанную мину.

– Ищи мину, – сказал он.

Зирка стала нюхать землю. Но, конечно, нашла кость и стала грызть её. Дрессировщик усмехнулся:

– Во время войны тоже только косточки искать будешь?

Он взял и закопал кость и мину, но только в разных местах. И Зирка снова нашла кость, и так повторялось десять раз. А на одиннадцатый раз Зирка обнюхала землю и нашла мину. Дрессировщик так обрадовался и стал ласкать её и давать лакомства.

Дрессировки были каждый день и шли ещё три месяца, где Зирка обучалась премудростям военной службы.

ГЛАВА 3

КАТАСТРОФА

Настал день, солнце заглянуло в окно казармы. Солдаты, не теряя времени, стали надевать военную форму и шагать в столовую. Они сели за столы и стали есть солдатскую кашу. Поели и пошли на учения. Зирка спала в ком-

нате командира. Командир спал на кровати, а Зирка на зелёной военной подстилке. И вдруг Зирку разбудил резкий запах. Она прыгнула на стул, встала на задние лапы, наострила уши. В окно она увидела, что в зарослях притаились три фашиста, а с ними собака.

Зирка соскочила со стула и запрыгнула прямо на командира. Командир вскочил и спросил:

– Зирка, что случилось?

Зирка стала махать головой и показывать на окно мордочкой. Командир встал и чуть не пришёл в ужас:

– Т-т-три ф-ф-фашиста? – прошептал он.

Он оделся и кинулся в столовую за солдатами. Когда он прокричал, что во дворе три фашиста, все встрепенулись и как можно быстрее бросились в комнату за оружием. Командир назвал пятерых солдат, которых выпустил во двор. А сам побежал за Зиркой в комнату. Но Зирки там не было. Он выглянул в окно и увидел, что Зирка уже с солдатами.

Фашисты выскочили из кустов навстречу солдатам. Солдаты быстро расправились с тремя фашистами.

Солдаты воскликнули:

– А где же их собака?

Они вернулись в отделение, чтобы узнать у командира. Командир пожал плечами и посмотрел во двор. Там сидела Зирка верхом на фашистской собаке. А собака лежала на земле. У Зирки была поранена левая передняя лапа.

– Зирка, – обрадовался командир и бросился навстречу собаке. Зирка кинулась было к командиру, но из-за боли упала на землю. Командир поднял Зирку, и она лизнула его в нос.

ГЛАВА 4

КАК ЗИРКЕ СШИЛИ ВОЕННУЮ ФОРМУ

В этот день Зирка проснулась раньше всех. Было ещё шесть утра!

Зирка прибежала в казарму и гавкнула так громко, что вся казарма встала на ноги, один солдат Вовка, а также Пётр, Василий, Сергей и другие стали быстро надевать форму и побежали в столовую, а Зирка за ними вдогонку.

Стали солдаты есть, и немножко каши упало

на пол из тарелки Вовы. Зирка подбежала, слизнула кашу и стала просить ещё.

Вова сказал:

– Пока никто не видит...

И вылил кашу Зирке на пол. Получилась лужа из каши. Зирка стала лизать, быстро съела всю кашу. А после в хорошем настроении побежала к командиру в комнату.

Командир уже проснулся и оделся, он увидел, что весь Зиркин рот в каше.

Командир сказал:

– Раз ты уже съта, попрошу швею сшить тебе военную форму.

И он пошел к швее. Швея была почти бабушка. Её звали Наталья Петровна.

– Добрый день, Наталья Петровна, – приветствовал швею командир.

– Добрый день, – ответила она.

– Сшейте вот этой собаке военную форму.

– А какой у вашей собаки рост и вес?

– Даже не знаю, – ответил командир. – Вы можете измерить и взвесить Зирку.

Наталья Петровна быстро определила вес и рост Зирки..

– Ладно, сошью, – сказала Наталья Петровна.

Командир поблагодарил её и пошёл в часть.

Зирка села рядом с Натальей Петровной и стала нюхать ткань, из которой ей шили форму. Зирка фыркнула и дернула ткань вниз. Вся конструкция Натальи Петровны полетела вниз. Женщина засмеялась, поставила швейную машинку обратно на стол и положила ткань.

Наталья Петровна вновь стала шить Зирке форму, а Зирка побежала в казарму. Там никого не было, только один Петька Васильков лежал в своей койке. Зирка вскочила на койку и лизнула Петьку в нос. Он подскочил и сказал:

– Ой, Зирка, мне рассказывали, что ты теперь служебная собака! А где же твоя форма?

Зирка гавкнула в ответ, стащила покрывало и стала толкать Петьку на пол.

– Да ладно тебе, Зирка, встаю я, встаю! – засмеялся Петька.

Он встал и пошёл на кухню лапшу есть.

Зирка подпрыгнула и наострила уши: она услышала взрыв! Зирка побежала через столовую и через комнату командира. Она бежала

и лаяла. Солдаты подбежали к окну и стали смотреть, командир приказал нескольким солдатам разведать обстановку. Зирка побежала вместе с ними. Солдаты вскочили на лошадей и поскакали на разведку. Зирка бросилась за ними. Пыль от копыт летела Зирке в глаза, но она не отставала и упорно продолжала бежать.

Вдруг кони резко остановились, солдаты соскочили и взяли оружие в руки. Они хотели прицелиться, но вдруг пролетела пуля.

– Зирка, берегись! – прокричали солдаты.

Зирке в переднюю лапу влетела пуля. Собаку отшвырнуло на землю.

– Прости, Зирка, нам надо воевать. Мы не можем тебе сейчас помочь! – сказал один солдат.

Солдаты вскочили на коней и поскакали дальше. А Зирка осталась лежать на земле и выть от боли.

Когда на следующий день солдаты вернулись в казарму, они забежали к командиру и рассказали всё про Зирку.

Командир только вздохнул и сказал:

– Наверное, придётся нам новую собаку искать. А кстати, где сейчас Зирка?

Солдаты промолчали.

Командир подошёл к швее и всё ей рассказал.

Наталья Петровна показала на готовую форму Зирки.

– Эх, – сказал командир. – Жалко, что не пригодится. Спасибо за ваш труд!

Командир взял форму, пошёл в комнату и положил её на Зиркину лежанку. Он вздохнул и сказал:

– Эх, прости, Зирка... Прости.

И пошёл в питомник, чтобы взять новую собаку. Он зашёл и сразу же в первой клетке увидел замечательную овчарку нужного роста и силы.

– Дайте мне, пожалуйста, эту собаку. Это кто: девочка или мальчик? – спросил командир.

Хозяин питомника ответил:

– Это мальчик, а имя ему сами придумаете, ему два года. Видите, какой здоровый!

– Не то слово, – сказал командир.

Когда командир возвращался в отделение, то услышал знакомый лай. Он повернул голову и закричал:

– Что за чудо!

Навстречу ему бежала Зирка, вся в копоти и грязи. Она подскочила к командиру и швырнула на траву какие-то бумаги.

ГЛАВА 5 МЕДАЛЬ ЗИРКИ

Командир взглянул на бумаги и не мог поверить собственным глазам. Там были написаны все шифровальные коды, вся техника фашистов, и, самое главное, там была карта их боевой базы. Командир повернулся к Зирке и обнял её. А потом обратился к солдатам:

– Эти данные обязательно внесите в свои карты, по ним мы найдём вражескую базу и справимся с фашистами.

Собака, которую взял командир, бросилась к Зирке и стала обнюхивать её. Зирке это не понравилось, она зарычала и бросилась в драку. Пёс заскулил, бросился к командиру и прижался к его ногам.

Зирке очень не понравилось то, что теперь у командира будет ещё один помощник. Зирка была единственной собакой в этом отделении, а теперь их стало двое.

– Трус! – крикнула Зирка. – Трус! Стоило

мне чуть зарычать, а он уже к ногам бросается. Ха-ха, стыдно тебе!

Услышав такие неприятные слова, пёс бросился на Зирку и попытался укусить её раненую лапу. Зирка взвизгнула и бросилась в траву. А пёс в ответ:

– А сама-то, глупая Зирка, не боишься?!

Зирка позавидовала псу, ведь ей был год и два месяца, а ему – целых два года.

Все сразу же забыли про раненую Зиркину лапу и бросились осматривать нового пса. Зирка осталась одна стоять на улице, пошёл дождь, и она стала похожа на чёрно-коричневую мокрую тряпку. Зирка, опустив голову, прижалась к стене казармы. Но вскоре ей надоело стоять, и она пошла внутрь.

Она услышала добрые слова командира из его комнаты. Зирка подбежала и глянула в щель. Он надевал сшитую Зиркину форму на нового пса. Зирка отлетела от щели, как мяч, и, скуля, кинулась на улицу. Ей было обидно, что её забыли. Она побежала в деревню к своей старой хозяйке. Зирка думала:

– Ничего, не буду больше служить, а буду тихонечко лежать на своей лежанке.

Но тут Зирку увидел фашист и выстрелил. Пуля со свистом полетела в Зиркину сторону, и она скатилась с горы. Фашисты, не понимая, куда делась собака, ушли. Вскоре на горе мелькнул какой-то силуэт, окликнул Зирку и спустился.

Зирка вскочила и хотела уже укусить незнакомца, но вдруг узнала его. Перед ней лежал новый пёс командира, весь в царапинах и грязи. Зирка бросилась к нему, но тут же упала на землю от боли из-за ранения.

Пуля вошла слишком глубоко, и у Зирки случился приступ.

Пёс командира потащил Зирку по грязи. Дойдя до отделения, он стал выть, чтобы вышли и помогли ему.

Солдаты выбежали, подхватили Зирку и понесли в медицинскую часть. Когда Зирка поправилась, её привели к командиру, который вручил ей медаль «За храбрость». Зирка с радостью приняла эту медаль, которую прикрепили ей на новую, сшитую для неё форму, и Зирка осталась этим очень довольна.

ГЛАВА 6 ЗНАКОМСТВО

Когда наступило утро, все ещё спали. Зирка проснулась рано от того, что чей-то холодный нос тронул её. Зирка открыла глаза, перед ней стоял пёс. Он глядел на неё грустными и печальными глазами. Зирка фыркнула, подпрыгнула в воздух и стала смотреть на него строгим взглядом и с оскаленными зубами. Но пёс не испугался. Он тоже оскалил зубы и приготовился прыгать. Зирка, увидев это, прижалась к полу и заскулила.

– Что, боишься меня! – рявкнул пёс.

Зирка с испугом поднялась на лапы и сказала:

– Тебе не кажется, что ты раскомандовался?

Пёс помотал головой и подошёл к Зирке с такими словами:

– Нет, мне не кажется, что я раскомандовался. А как же тебя зовут? – спросил пёс.

– Меня зовут Зирка. А тебя как? – спросила в ответ Зирка.

– Зимер! Меня зовут Зимер.

– Ясно, – сказала Зирка.

– Мы будем друзьями! – с радостью рявкнул пёс.

– Ладно, – ответила Зирка. – Будем «друзьями» в кавычках, – с насмешкой продолжала она.

Псу это не понравилось, и он дёрнул за ухо Зирку. Зирка ответила тем же.

А потом целый день они веселились и играли. Когда наступил вечер и Зирка лежала на подстилке, она воскликнула:

– Вот это получилось знакомство!

ГЛАВА 7 ПЛЕННИК

Однажды утром, как только встало солнце, заревела сирена. Солдаты, не теряя ни минуты, поспешили в главный зал. Их на входе встретил командир. Солдаты хором спросили:

– Что случилось?

Командир отвечал, что на базу пробрался диверсант. Солдаты стали что-то обсуждать между собой.

В это время Зирка и Зимер стояли тоже в главном зале и вели беседу.

– Зирка, а кто такой диверсант? – спросил Зимер.

– Зимер, диверсант – это тот, кто подслушивает важную информацию и закладывает бомбы.

– Понятно, – сказал Зимер.

В главном зале было шумно, когда над головами что-то сильно загремело. Все притихли. Командир приказал части солдат выйти на улицу, а другой обыскать здание внутри.

Зирка почувала неладное. На её голову упал чёрный порошок. Зирка с Зимером взглянули вверх и увидели диверсанта. Он прыгнул со второго этажа, достал пистолет и стал стрелять в собак. Зирка ловко уворачивалась от выстрелов, а Зимер очень их боялся, но побежал на второй этаж.

Зирка быстро подскочила к диверсанту и зубами сорвала с него сумочку. Он стал догонять собаку и целиться в неё. Зирка быстро залезла под железный сундук и встретила там Зимера.

Зирка, испачканная в порохе, быстро отдала сумку Зимеру и, выскочив из-под сундука, набросилась на диверсанта. Он свалился и выронил пистолет.

Тут подбежали солдаты, связали диверсанту руки и привели в кабинет. Командир его посадил на стул и стал допрашивать.

– Кто это к нам пожаловал? – строго спросил командир.

– Никто, – с опаской ответил пленник.

– Ты, наверное, фашист? – спросил командир.

– Ладно, я фашист! – крикнул пленник.

– Ну хорошо, мы узнали друг друга. А теперь докладывай, зачем явился на нашу базу? – спросил командир.

– Я ничего не скажу, – заявил пленник.

– Ну, хорошо, посмотрим, будешь ты говорить или нет, если мы обыщем эту сумку, – строго сказал командир.

– Нет, прошу, не открывайте сумочку! Я расскажу вам всё, что надо! – ответил пленник.

– Если ты отговариваешь нас открыть сумочку, значит, там хранится какая-то важная

информация! Обыщите сумочку! – приказал командир.

Солдат перевернул сумочку, и оттуда выпала рация и много других полезных вещей: карта, пистолет и мешочек с чёрным порошком.

Зирка подумала: «Это же тот чёрный порошок, который сыпался мне на голову».

Командир воскликнул:

– Так вот что ты от нас прятал – рацию! Ну, погоди, мы услышим, что говорят твои помощники.

Командир взял в руки рацию и сказал:

– Приём!

Ему ответили:

– Приём! Вы уже на базе?

– Да, я уже на базе, – ответил командир.

Из рации донеслось:

– Вот и славно!

Командир положил рацию на стол и сказал:

– Зирка, объявляю тебе благодарность за то, что принесла сумку с такой важной информацией!

ГЛАВА 8 ПРОПАЖА ЗИМЕРА

Когда все разошлись, Зирка вдруг вспомнила о Зимере и побежала на второй этаж искать его. Зирка обыскала весь этаж, но не смогла найти Зимера. Она побежала к командиру. Он понял по её виду, что Зирка хочет сказать ему что-то очень важное.

– Что, Зирка? – спросил командир.

Зирка помотала головой, сделала ушки как у Зимера и показала, что он бежит. Тогда командир понял, что Зимер потерялся.

Командир приказал троим солдатам, чтобы искали Зимера на улице. Зирка пошла с ними. Обыскав базу, они вышли в поле и увидели вытоптанную тропку, а на ней следы Зимера и отпечатки чьих-то сапог. Стало ясно, что Зимер был украден другим диверсантом.

О краже Зимера доложили командиру. Командир сказал:

– Нужно пробраться на базу фашистов и вернуть Зимера.

ГЛАВА 9 СПАСЕНИЕ ЗИМЕРА

Когда стемнело, командир приказал солдатам взять оружие, и они пошли через поле. Один из солдат спросил:

– Как мы найдём базу?

Командир ответил:

– На карте, которая оказалась в сумочке пленника, указано расположение базы. Туда мы и пойдём.

– Понятно, – сказал солдат.

Они стали пробираться через поле. Зирка шагала настолько тихо, что даже ни одного прикосновения лап к земле не было слышно. Вскоре они подошли к базе и увидели, что на входе стоит охрана. Командир приказал двоим солдатам убрать охрану, чтобы можно было пройти. Солдаты незаметно пробрались к стражникам и связали их. Солдатам командир приказал с рациями остаться снаружи, а сам с Зиркой направился внутрь.

Они незаметно пробрались к лестнице и поднялись на второй этаж. Согласно карте пленника, там должна была находиться тюрьма. Командир отправил Зирку первой, чтобы она проверила, есть ли в тюрьме Зимер.

Зирка пошла по второму этажу и встретила там солдата, который начал стрелять в неё. Она поранила ему ногу зубами, и солдат упал. Зирка пробралась и увидела в клетке Зимера.

– Зимер, иди сюда! – позвала Зирка.

Зимер увидел Зирку и от радости чуть не взлетел в воздух. Он подбежал к решетке и спросил:

– Что делать?

Зирка сказала:

– Сейчас придумаю.

Она позвала командира, и тот освободил Зимера.

Когда они оба побежали вниз, то командира захватили в плен фашистские солдаты.

Фашистский начальник сказал:

– Попались, пёсики. Как только вы тронетесь с места, я выстрелю в вас.

Зирка стояла на месте и не шевелилась. А Зимер подумал: «Хватит быть боякой, я ки- нусь на него сквозь все пули!»

Зирка ахнула, когда увидела, что Зимер кинулся на вражеского командира. Он хотел выстрелить в Зимера, но попал в железную коробку.

Вторая пуля полетела в Зимера. А он этого не замечал и бежал дальше. Когда оставался миллиметр, Зимер ловко увернулся от пули и кинулся на фашиста. Зимер выхватил из его рук пистолет и толкнул на землю. Тут подбежали вражеские солдаты, пытаясь спасти своего командира.

В это время Зиркин командир выхватил у охранника рацию, связался по ней со своими солдатами. Вскоре они вбежали в холл, освободили командира, забрали Зимера и Зирку и вернулись на свою базу.

ГЛАВА 10 ПОДГОТОВКА И БОЙ

Назавтра рано утром солдаты вскочили один за другим и схватили оружие, так как враг должен был напасть на их базу. Все стали готовиться к атаке. Танкисты заняли свои танки, а пехотинцы побежали за ними вслед. Все вышли в поле, но началась вражеская бомбежка. Зирка и Зимер помогали вытаскивать раненых и искали мины.

Когда самолёты улетели, командир прокричал:

– В атаку!

И началась битва.

Русские танки начали стрелять, а пехотинцы бежали и на ходу стреляли в фашистов.

Русские войска стали одерживать победу, но враги так просто не сдавались. К ним подошло подкрепление – самолёты и более мощные танки. Фашисты стали бомбить с высоты, но русские солдаты не сдались и тоже вызвали самолёты. Враги стали отступать, и русские перешли в атаку.

ГЛАВА 11 ПОБЕДА!!!

К вечеру бой был окончен, и русские солдаты стали радоваться и кричать: «Победа!»

В казарме устроили пир, а вечером запустили множество салютов. После этого пошло награждение. Зирке и Зимеру вручили золотые медали за отвагу. Многим солдатам вручили ордена и медали. А командиру дали золотую звезду Героя.

Так и осталась память о двух собаках – Зирке и Зимере, которые помогали солдатам в Великой Отечественной войне.

ГЛАВА 12 ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Наступило 10 мая 1945 года.

Рано утром Зирка с Зимером вскочили и побежали на улицу поиграть и искупаться в реке. Но командир остановил их со строгим видом.

– Куда это вы собрались? – спросил командир.

Зирка показала глазами на дверь.

– Нет, на улицу вы сегодня не пойдёте. У меня для вас есть большой сюрприз, – загадочно сказал командир.

Командир повёл Зимера и Зирку в свою комнату и показал фотографию, на которой была снята Зирка вместе с бабушкой Леной в последний раз. Зирка не поверила своим глазам. Неужели она снова вернётся к бабушке Лене?

Зирка посмотрела весёлыми глазами на Зимера, но тот ничего не понял. Командир надел на Зирку поводок, и они пошли в деревню, а Зимер остался на базе. Но Зирка не хотела

идти без Зимера, она упиралась и скулила. Командир решил, что бабушка Лена не будет против двух собак и взял с собой Зимера.

Когда они подошли к деревушке, то Зирка её не узнала. Она была разрушена, некоторые дома рассыпались, а некоторые ещё держались. Маленький домик бабушки Лены устоял во время бомбёжки. Командир легонько постучался в дверь, и на порог вышла старенькая бабушка Лена. Когда она увидела Зирку, на её грустном лице появилась широкая улыбка. Она стала целовать и обнимать Зирку, потому что очень скучала по ней.

– Здравствуйте, командир, – сказала весело она.

А командир спросил:

– В вашем домике не поместится ещё одна собака?

А бабушка Лена только кивнула и сказала:

– Конечно!

Командир попрощался со всеми и ушёл.

И вот уже потихоньку наступил 1946 год. У Зирки и Зимера появились щенята. Бабушка Лена заботилась о них и играла с ними. Наступили самые солнечные деньки, потому что войны больше не было! А

Софья ШЕЛКОВНИКОВА

В ТАМБОВЕ ПРЕЗЕНТОВАЛИ КНИГУ ПАМЯТИ

В Музейно-выставочном центре области состоялась презентация Книги Памяти. В неё вошли очерки о мичуринцах, отдавших жизни, защищая интересы нашей страны в Афганистане, Чечне, Дагестане и Сирии. Судьбы 29 человек, выполнивших свой долг перед Отечеством в ходе локальных войн, хронология военных действий, стихи, посвящённые нашим героям, их письма родным и близким представлены теперь широкой публике.

Это уже четвёртое издание, подготовленное при участии местной организации Российского союза ветеранов Афганистана. Книга издана за счёт гранта, полученного от администрации области. Создали её член Союза писателей России Анатолий Труба и руководитель мичуринской организации Союза ветеранов Афганистана Игорь Волков.

Презентация книги прошла при поддержке регионального отделения Российского военно-исторического общества.

«В нашем регионе благодаря целенаправленной

политике, которую проводит руководство администрации области и областной Думы, ведётся большая работа по военно-патриотическому воспитанию граждан, и в первую очередь молодёжи. Такие издания, как Книга Памяти, рассказывающие о подвигах наших земляков, сыграют большую роль в воспитательном процессе», – отметил директор МВЦ, председатель Совета регионального отделения РВИО Игорь Николаев.

Заместитель председателя Совета регионального отделения РВИО Михаил Фи-

латов поблагодарил авторов и по поручению председателя отделения Владимира Карева вручил им благодарственные письма.

Генерал Николай Рогожкин выразил признательность всем, кто помогал создать Книгу Памяти.

«Сегодня очень сложное время, и если молодёжь не будет знать о подвигах наших соотечественников, не будет воспитываться в духе патриотизма и любви к Родине, мы можем её потерять», – выразил общее мнение Николай Рогожкин. **A**

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ «ТАМБОВСКИЕ КАЗАКИ»

В ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА 30 ЯНВАРЯ СОБРАЛИСЬ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АДМИНИСТРАЦИИ ОБЛАСТИ И ГОРОДА ТАМБОВА, КАЗАКИ ТАМБОВЩИНЫ, ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ЧЛЕНЫ ТАМБОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И ЧИТАТЕЛИ БИБЛИОТЕКИ. ПОВОДОМ ДЛЯ ВСТРЕЧИ СТАЛ ВЫХОД В СВЕТ НОВОГО ИЗДАНИЯ «ТАМБОВСКИЕ КАЗАКИ».

Книга издана по инициативе Тамбовского Отдельского казачьего общества к 25-летию возрождения казачества в регионе, поэтому особое место в ней занимает этот четвертьвековой период, основание казачьих обществ и та созидательная деятельность, которую осуществляют современные казаки для укрепления православной веры и традиций России.

Старт встрече дали воспитанники казачьей кадетской школы-интерната им. графа И. И. Воронцова-Дашкова г. Тамбова, подарившие гостям три музыкальных номера в исполнении Никиты Разорёнова и Максима Седнева.

С приветственным словом обратилась Марина Сабетова, заместитель директора библиотеки. Она поздравила авторов с достижением поставленной цели и выпуском долгожданной книги и пожелала изданию найти своего благодарного читателя.

Атаман Тамбовского Отдельского казачьего общества Владимир Векленко рассказал о зарождении казачества на Тамбовщине, о казачьих традициях, о верном служении Отчизне. Помимо этого он выразил благодарность всем, кто принимал участие в создании книги, и передал в дар библиотеке несколько экземпляров.

Издание «Тамбовские казаки» – совместный 2-летний труд многих людей, но писательскую миссию взял на себя прозаик, публицист, член Тамбовского регионального отделения Союза писателей России Анатолий Труба. Он поведал гостям, как создавалась книга и что лежит в её основе. «Мы ведь все знаем о том, что и Козлов, и Тамбов основаны казаками

вместе с воеводами. Поэтому показать современную историю являлось целью данной книги», – говорит автор.

«Тамбовские казаки» – это настоящий кладезь знаний для учащихся казачьих учебных заведений и всех неравнодушных к этому этносоциальному явлению. В издании раскрыта история и настоящее положение казачьих поселений и обществ на Тамбовщине, подробно изложена информация о действующих казачьих учебных заведениях в области, которые воспитывают в подрастающем поколении патриотизм и формируют у него активную жизненную и гражданскую позицию. В издании представлено множество фотографий и иллюстраций казачьей формы одежды, разновидностей погон в зависимости от чина, знамён и оружия с описанием, правилами ношения и интересными фактами о происхождении названия того или иного предмета обмундирования казака.

В книге нашлось место и для пословиц и поговорок, кратко отражающих уклад всей казачьей жизни от рождения и до смерти. Некоторые из них гости мероприятия попытались вспомнить, приняв участие в интерактивной игре-викторине.

Презентация книги прошла в тёплой дружеской обстановке. Прозвучало много поздравлений, добрых слов и пожеланий в адрес авторов книги и, конечно же, всех казаков. Боец Казачьего союза «Область Войска Донского» Люсьена Дейсар подготовила музыкальный сюрприз и исполнила песню «Любимый мой». Фёдор Белоцкий, участник Народного хора ветеранов Великой Отечественной войны им. Героя Советского Союза маршала Р. Я. Малиновского, автор патриотических и лирических стихотворений, обратился к казакам с приветственным словом и проникновенно прочёл одно из своих стихотворений, посвящённых войне. Пришёл поздравить Тамбовское казачье общество и Юрий Расстегаев, прозаик, член Союза писателей России. Он пожелал дальнейших творческих успехов и сил для реализации всех задуманных идей и деяний.

По окончании мероприятия все желающие могли познакомиться с выставкой книг и журналов из фонда областной библиотеки и погрузиться в литературный мир казачьей жизни. Многие гости такой возможностью воспользовались, а несколько воспитанников казачьей кадетской школы-интерната захотели взять некоторые книги домой. **А**

